

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ

Джон Диксон Карр

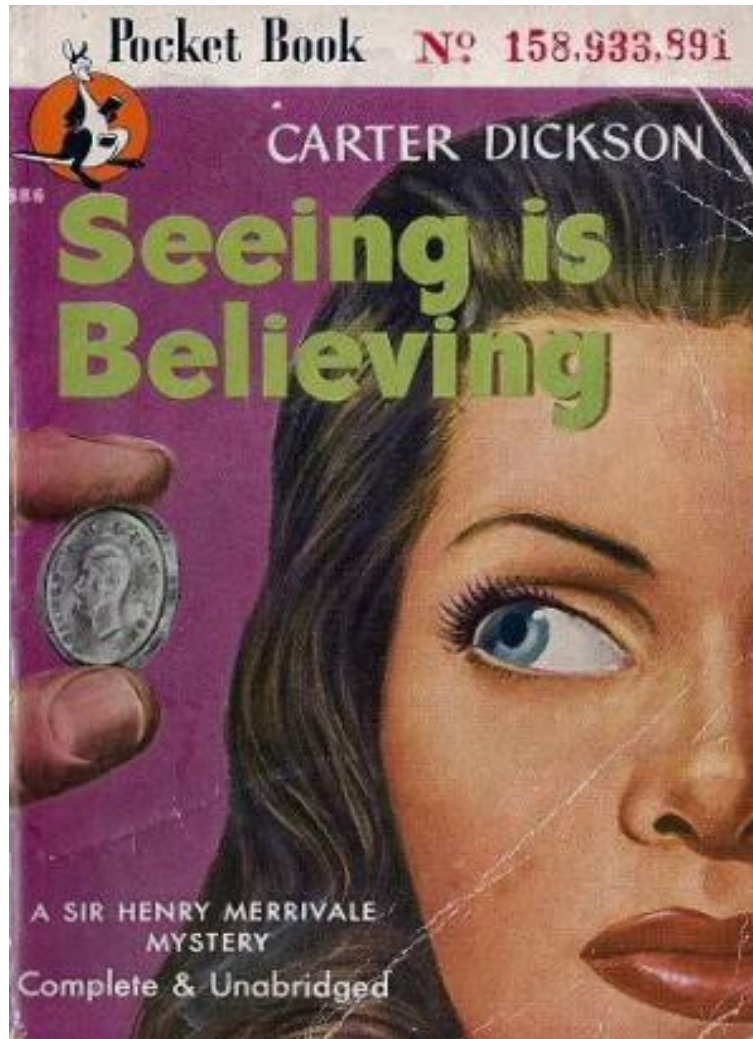
Seeing is Believing by John Dickson Carr

under the name of Carter Dickson

Sir Henry Merrivale #12

1941, USA, William Morrow & Company, Inc.

Перевод на русский Валентина Макарова, 2018

АННОТАЦИЯ

В доме Артура Фейна собираются гости. По приглашению его дяди, Хьюберта, среди гостей находится доктор Рич, который предлагает в качестве небольшого психологического опыта загипнотизировать жену Артура, Викторию. Гостям показывают, что револьвер и кинжал, используемые в сеансе гипноза, не более чем игрушки. Когда Виктории внушают «застрелить» мужа, она отказывается. Тогда ей приказывают «зарезать» его кинжалом, и она, не колеблясь, наносит удар. К сожалению, никто не заметил, как резиновый кинжал подменили настоящим, однако все согласились, что сделать это было невозможно. И хотя сэр Генри на соседней даче занят делом первостепенной важности, он вместе со своим другом, старшим инспектором Мастерсом, берет на себя ответственность за раскрытие убийства, но прояснить ситуацию помогает только еще одна смерть.

Однажды вечером в середине лета в Челтнеме, графство Глостершир, Артур Фейн убил девятнадцатилетнюю девушку по имени Полли Аллен. Это был общепризнанный факт.

Девушка мелькнула случайным эпизодом в его жизни, но она запала на него и угрожала неприятностями с женой. В разговоре даже проскочило слово «брак». В Челтнеме все должны выглядеть уважаемыми. Мистер Артур Фейн, руководитель фирмы «Фейн, Фейн & Рэндалл, семейные адвокаты» — уважаемым вдвойне.

Итак, в тот вечер, когда Вики Фейн, дяди Хьюберта и слуг не было дома, он пригласил эту девушку к себе. Она пришла тайком, в предвкушении славной вечеринки, и была задумана собственным шарфиком из искусственного шелка. Ночью Артур Фейн погрузил тело в свой автомобиль, уехал в сторону Лекхэмптон Хилл и там, около старого карьера, закопал его.

Откуда взялась эта Полли Аллен, никто толком не знал, — она переезжала из города в город, вела себя тихо, не имела ни семьи, ни каких-либо постоянных увлечений, и казалось маловероятным, что кто-то будет ее разыскивать. Собственно, так и случилось. Ее убийство осталось нераскрытым, каковым остается и по сей день.

Но о нем узнали два человека — Хьюберт Фейн, дядя Артура, в тот же день; и Вики Фейн, его жена, чуть позже.

Осознание этого факта накрыло Вики медленной волной ужаса. Она была красивой, милостивой, приятной девушкой двадцать пять лет, в отличие от тридцативосьмилетнего Артура, которого успела возненавидеть за те два года, что они прожили вместе, то есть еще до того, как всё произошло.

Осознание пришло постепенно. Сначала, наутро после убийства, Вики обнаружила носовой платок с вышитым на нем именем «Полли», который затолкали подальше от глаз под сиденье мягкого кресла в задней гостиной. Платок пришлось сжечь, пока слуги не добрались до него. Потом, задав несколько осторожных вопросов, она выяснила, что Полли, похоже, из города уехала. Значит, это была всего лишь мимолетная интрижка. Но пришли жаркие лунные ночи, и Артур Фейн заговорил во сне.

С бледным лицом Вики сидела в темноте и слушала. Теперь она все знала и догадывалась, кто еще из домашних знал об измене, которая так круто перевернула ее жизнь в ночь на 15 июля.

Хьюберт Фейн.

Дядя Фейна, Хьюберт, приехал к ним в апреле. «Всего лишь краткая остановка, мой мальчик, — сказал он, — я должен оглядеться». В Англию он вернулся откуда-то «из колоний». Считалось, что он при хороших деньгах, и Артур встретил его с большим гостеприимством. Но к концу мая он все еще оставался у них, не подавал никаких признаков, что собирается съехать, и ни разу не заплатил за выпивку, когда они сживали в «Плуге».

Наоборот, он начал залезать в долги, беря по фунту, а то и по два у кого только можно. «Пока я не могу обналичить чек, мой дорогой мальчик». К июню Артуру все это надоело. К июлю он был готов послать дядю к чертовой матери, но в ночь на пятнадцатое все изменилось.

После той ночи дядя Хьюберт переехал в угловую спальню на солнечной стороне, откуда открывался вид на переднюю лужайку. Его денежные и гастрономические аппетиты росли. Если он предпочитал иметь на обед то или иное блюдо, Артур давал ясное указание Вики, и дядина прихоть исполнялась.

Это делает Хьюберта Фейн типичным шантажистом, которым он не был. Он нравился Вики, он нравился всем. Хьюберт Фейн был примечательным человеком, пятидесяти лет, с поджарой фигурой и серебристыми волосами. Вики поняла, что он просто старый плут — скромный, неприязнительный, милейший прохвост. Знал вкус в одежде, предпочитая серые тона; обладал безупречными манерами, много путешествовал, много читал. Хотя выражался он несколько цветисто и старомодно, нельзя не признать, что это был весьма интересный

собеседник, не лишенный остроумия.

Даже старым челтнемским воякам он нравился. К ним он проявлял некую суровую почтительность, как, скажем, низший чин в присутствии полковника. Не называя своего звания или полка, он умел поддержать разговор о боевых походах, которых у него, разумеется, было не столь много, как у его собеседников, но все же достаточно, чтобы вызвать уважение слушателей. Свой парень — говорили одни. В доску — вторили другие.

В общем, дядя Хьюберт все знал и под давлением Вики сообразил в этом, но так, чтобы не скомпрометировать себя.

Вики навсегда запомнился день, когда правда вышла наружу. Это было в конце августа — с самого утра стояла жара, окна были открыты, но в воздухе не ощущалось ни ветерка. Она сидела с Хьюбертом в задней гостиной (где была задушена Полли Аллен), устремив взгляд на алые розы в саду.

Дядя Хьюберт сидел напротив нее, пряча под крупным носом приятную улыбку.

— Но... *убийство!* — прошептала Вики.

— Ш-ш-ш! — призвал дядя Хьюберт к тишине, сам не очень заботясь о ней. — Это было неблагоприятно, — согласился он, — я даже не могу выразить, до какой степени неблагоприятно. Однако ничего не поделаешь. Это случилось.

Вики беспомощно посмотрела на него.

Голубоглазая шатенка с упругим телом и тягой к развлечениям на свежем воздухе, — она могла бы стать прекрасной молодой женой для любого представителя высшего света или среднего класса. И она стала ей; она эффективно управляла домом Артура и имела подход к слугам. И все было бы нормально, если бы не подлая мысль.

Дядя Хьюберт прочистил горло.

— Уверен, — продолжал он, — если вы с Артуром все спокойно обсудите...

— Обсудите? Я даже не знаю, как подступиться к нему с этой историей.

Дядя Хьюберт бросил на нее тревожный взгляд.

— Во всяком случае, надеюсь, моя дорогая, ты не собираешься пойти на такой прискорбный шаг... э-э... как сотрудничество с властями? Честное имя для семьи...

— Честное имя, — сказала Вики. Вспышка гнева на секунду ослепила ее. — Для семьи! Пожрать за чужой счет — вот и все ваше честное имя. Еще Артура шантажировали. И не отнекивайтесь.

Дядя Хьюберт выглядел по-настоящему шокированным и оскорбленным. Его замешательство было настолько очевидным, что в любых других обстоятельствах Вики непременно бы бросилась утешать его.

— Вот здесь, — заметил он, — ты неправа. Seriously, ты меня просто расстроила. По правде говоря, если я что-то и сказал мальчику, то только затем, чтобы посочувствовать его неловкому положению. Ни о каких финансовых сделках, имеющих грязную цель выторговать молчание, даю слово, между нами никогда не упоминалось.

— Нет, — сказала Вики задумчиво. — Вам этого не нужно. Вам обоим.

— Спасибо, дорогая. Доброе воспитание помогает мне не замечать некоторые вещи, например, скрытую иронию. Я не применительно к твоим словам, но все равно — спасибо.

— Как вы узнали?

— Мне стало любопытно. Артур отпускает тебя к матери, позволив остаться там на ночь — разумно. Слуги получают выходной — более-менее понятно. Но то, что он отправляет меня в Бристоль послушать Джильи в Колстон-Холле¹, покупает билет, да еще оплачивает железную дорогу и номер в отеле, — звучит просто невероятно.

1. Джильи, Беньямино (1890 — 1957) — итальянский оперный певец (тенор) и киноактёр. Колстон-Холл — концертный зал в городе Бристоль, Англия.

Особенно мне не понравилось его последнее замечание задержаться допоздна на работе. Неподозрительный по своей натуре, я понял, что тут что-то намечается. Поэтому в Бристоль я не поехал. Я вернулся сюда и, чувствуя свой долг перед тобой, решил проследить за ним.

— И вы спрятались в кустах?..

— Ну...

— И все же не вмешались?

Старому злодею хватило такта изобразить хоть какое-то подобие неловкости. Но тон его был убедительным.

— Дорогая, что я мог сделать? Откуда я знал, что на уме Артура? Я ожидал чего-то вульгарного, не скрою, ожидал с нетерпением, с большим интересом. Несчастный случай произошел до того, как кто-то успел вмешаться. Все произошло там, где ты сейчас сидишь...

Вики вскочила с дивана, чувствуя, как сжимается ее сердце.

— После этого я едва ли мог желать конфуза мальчику, выдав свое присутствие. Существует такое понятие как порядочность, дорогая.

Да нет, все это выдумки, подумала про себя Вики.

Она обхватила плечи руками, словно ей было холодно, и принялась расхаживать по комнате.

Это была та же самая уютная гостиная с мягкими креслами в белой кретоновой обивке, коврами и ковриками на зеркальном паркетном полу, чьи доски рассохлись и безбожно скрипели у дальних окон. Вики окинула взглядом крашенные кремовые стены, камин из красного кирпича, подметенный и вычищенный, цветы на рояле. Все было тем же самым, и все было другим.

Потому что Артур, Артур задушил здесь девушку. Странно. Первое, что она подумала: странно все это. Но было ли это таким уж странным? Она представила Артура: грузная фигура, темный цвет лица, редкий смех. Если не погружен в мысли, мог быть довольно приятным. Воплощение аккуратности, и не слишком вольное обращение с деньгами.

Как любовница она не могла подладиться к нему. Он был одновременно грубым и невежественным. И это пробуждало опасные мысли. За два года брака с ним Вики Фейн поняла несколько вещей. Поняла, что в опытных руках могла бы...

Фрэнка Шарплесса, например.

Рассказать полиции...

Вики отменила эту мысль. Она ненавидела себя за такие предательские порывы. Артур был ее мужем. Вы бы не смогли делить с человеком один дом, одну комнату, одну постель два года, двадцать четыре месяца, — Бог знает, сколько это в часах и минутах, — не имея к нему совсем никаких чувств. Ваш долг — защищать его, что бы ни случилось.

За все время жизни с ним она так и не поняла, почему вышла за него замуж. Все это казалось нереальным и далеким. Тогда он представлялся ей «тлеющим угольком», мужчиной байронического типа, и, как отметила ее мать, — девочке необходимо выйти замуж. Опасные мысли, как сатиры, снова зашевелились в ее голове.

В очередной раз Хьюберт Фейн прочистил горло.

— Дорогая моя, — сказал он с трепетом в голосе, — ты нездорова. Эта жара губительно сказывается на тебе.

Вики задержалась у камина, и ее разбил истерический смех. Хьюберт погасил его.

— Раз уж мы начали рассматривать эту историю, не возражаешь, если я коснусь довольно деликатной темы?

— Неужели существует тема, — сказала Вики, — более деликатная, чем та, которую мы затронули?

— Я не вижу причин, — ответил Хьюберт, — почему сей печальный факт должен

омрачать нашу жизнь?

— Когда каждый звонок в дверь может означать...

Дядя Хьюберт задумался.

— Нет, я так не думаю. Мальчик подошел к делу основательно и с присущей ему тщательностью. Но как я уже говорил, чем старше ты становишься, дорогая, тем больше понимаешь, что секрет успешной жизни зависит от компромиссов.

— Хотела бы я, чтобы полиция думала то же самое.

Хьюберт был непоколебим.

— Нынешний Артур понял это как никто другой, — заявил он не без удовлетворения. — И здесь я подхожу к своей мысли. Я не мог не заметить, как дядя по отцовской линии, что ваша супружеская жизнь с Артуром, внешне благополучная и не вызывающая нареканий у соседей, на самом деле не так уж безоблачна.

Вики промолчала.

— Как молодой женщине, тебе, конечно, приятно мужское общество. — Он прервался. — Капитана Шарплесса, например.

Вики остановилась спиной к нему, и была рада, что он не видит, как изменился цвет ее лица. Это не было чувством вины, ей было обидно, что старый мошенник всё замечал. И мысли ее быстро закрутились в нужном направлении. Пытался ли он таким образом, подумала она, опробовать тактику шантажа уже на *ней*?

— То же самое относится к противоположному полу, — продолжал Хьюберт, — и Артур не исключение. Тебе не показалось, что он находит мисс Энн Браунинг чрезвычайно привлекательной?

Вики снова промолчала.

— Хорошо! — сказал Хьюберт, сияя, как доброжелательное божество. — Какая банальность повторять: живи сам и дай жить другим. Нужно выкинуть эту Полли Аллен из головы и продолжать жить спокойно, конечно, соблюдая должные меры предосторожности, я так считаю. Вопрос этот, в конце концов, лучше оставить духовным властям. Дело сделано. Поднимать его сейчас было бы крайне мучительно и неразумно. Не уверен, что в Священном писании найдется что-нибудь авторитетное по этому поводу.

— Авторитетное в Священном писании вы можете найти для чего угодно, — бросила она ему, держась за край каминной кладки и поворачиваясь. — Вы шантажи!..

— Дорогая моя, — сказал Хьюберт, испугавшись не на шутку, — ты не должна так расстраиваться. Ты плохо выглядишь. А нужно выглядеть так, будто ничего не случилось, и продолжать в том же духе. Думаю, капитан Шарплесс и мисс Браунинг придут сегодня на ужин. — Он внезапно замолчал, размышляя. — Кстати, должен предупредить, сегодня у меня будет персональный гость.

— О Боже!

— Да. Врач. Психиатр, чье мнение должно заинтересовать тебя. Доктор Рич, полное имя Ричард Рич. Я знаю его много лет, и сегодня утром столкнулся с ним в баре «Руна». Он не слишком преуспел в этом мире, и я подумал, что хороший ужин мог бы поднять ему настроение. — Глаза Хьюберта выражали напряженное ожидание, как у хорошо обученной собаки. — Ты не против?

Вики подумала, что уже ничего не понимает.

Она подошла к окнам в задней части комнаты, остановилась у одного из них, побарабанила пальцами по подоконнику и посмотрела в сад, напоенный теплом и светом. Пол жалобно скрипнул под ногами, напоминая о своих бедах, но как можно было замечать подобные вещи?

В голове крутилась уйма всяких мелочей. Дополнительный гость на ужин означал перестановку, Артур был убийцей, и в любую минуту детина-полицейский мог позвонить в дверь. Крепкая, стройная в коричневом джемпере и черной юбке, желтовато-коричневых

чулках и туфлях, Вики стояла у освещенного окна с низко опущенными плечами и корила себя за нездоровые мысли. От сомнений и отчаяния ее голова отказывалась соображать.

— Дядя Хьюберт,— неожиданно спросила она, — какой она была?

— Кто, дорогая?

— Эта девушка. Полли Аллен.

— Так, моя дорогая, повторяю, ты не должна...

— На кого она была похожа?

— Скажу тебе прямо, — ответил Хьюберт после некоторого колебания, — отчасти она напомнила мне Энн Браунинг. Не по социальному положению, разумеется: несколько моложе, лет, может, восемнадцати-девятнадцати, темные волосы вместо светлых. От обеих что-то одинаковое чувствуется в воздухе. Довольно хорошенькая, должен заметить, правда, когда я видел ее в последний раз, выглядела она уже не так хорошо.

Вики сжала кулаки. Мысли бегали по кругу вновь и вновь, как заевшая пластинка.

Что за положение. Что за положение. Что за положение.

2

Утром следующего дня, в среду, двадцать третьего августа, мистер Филип Кортни вышел из гостиницы «Плуг» на залитую солнцем Риджент-стрит.

Филип Кортни жил в ладу со всем миром.

Было одиннадцать часов. Он съел поздний завтрак, выкурил первую трубку за день (от нее он получал наибольшее наслаждение) и не спеша просмотрел газеты. День предстоял без особых хлопот, и голову до вечера совсем не хотелось забивать.

Городок Челтнэм приятно поразил его, как и всё в Англии. Ему нравились белые стены зданий, горшки с благородными геранями, просторные, тенистые улицы — в назидание Бату, его предыдущему городу с тесными и грязными улочками. Перед обедом он ходил гулять.

И вот он ступил на солнечный тротуар, как вдруг услышал свое имя:

— Фил Кортни! Ты, старый чертяка?!

Кортни обернулся.

— Фрэнк Шарплесс! — воскликнул он.

В том Челтнеме, 1938 года, цвет хаки еще не так бросался в глаза, как в нынешнем. Мундир Фрэнка Шарплесса, капитана саперного полка, сиял всеми пуговицами.

— Старый чертяка! — повторил он. — Что ты здесь делаешь? По работе?

— Да. А ты?

— На побывке у отца, он здесь живет. — Шарплесс призывно махнул в сторону гостиницы. — Хлопнем по одной?

— С удовольствием.

Они сидели наверху в американском баре, за столиком у окна, поставив перед собой по пинтовой кружке, и не могли наглядеться друг на друга.

— Фил, — сказал Шарплесс, — я поступаю в Штабной колледж².

Кортни посмотрел на него.

— Наверное, это хорошо?

2. Военное учебное заведение для подготовки работников штабов Британской армии.

— Хорошо? — повторил другой с притворным недоверием. — Да это же здорово, черт тебя побери, я даже не знаю как сказать! Поступаю в следующем году. Шесть месяцев, а там чем черт не шутит, может, полковником стану. Как тебе — полковник Фрэнк Шарплесс, звучит? — Он повернул голову, косясь на плечо так, будто уже сейчас там красовались три звездочки³.

Фрэнк Шарплесс был стройным, темноволосым, симпатичным молодым человеком, по-настоящему жизнерадостным, что делало его душой любой компании. Также он обладал математическим складом ума, но, увы, не очень умел скрывать свои чувства. И хотя в это утро он пытался выглядеть бодро, его явно что-то терзало.

— Мои поздравления, — сказал Кортни. — И всего самого наилучшего. За удачу!

— За удачу!

— Твой отец доволен, я полагаю?

— Да уж, доволен, как Панч!.. Слушай, Фил. — Сделав большой глоток, он резко отставил кружку. Казалось, он на что-то решился, затем передумал и вернулся к прежним мыслям. — Ты ведь всё еще призрак⁴, верно?

Когда Филипа Кортни называли призраком, королем призраков и самым призрачным из призраков, это означало, что он был просто писателем-призраком.

Другими словами, он писал автобиографии и мемуары за выдающихся, известных или обычных людей, обуреваемых тщеславием, которые хотели о чем-то поведать миру его слогом. Фил Кортни был добросовестным мастером, который получал истинное удовольствие от своей работы.

Он, сторонник реализма, постарался бы написать автобиографию знаменитой куртизанки так, как если бы знаменитая куртизанка действительно написала свою автобиографию, будь у нее чуть больше — совсем чуть-чуть — такта и воображения. У него мемуары лорда-спортсмена заговорили бы голосом самого лорда-спортсмена, если бы тот имел хотя бы немного — самую малость — мозгов. И такое положение вещей всех устраивало.

Эти книги приносили ему полное удовлетворение. Их многочисленные герои, созданные им, чьи характеры являлись частью его характера, не в пример вымышленным, были реальными людьми, которых вы могли бы разыскать в телефонном справочнике или на худой конец дать им пинка в случае скверного поведения.

До сего времени Фил Кортни, несмотря на мелкие каверзы своих заказчиков, считал себя счастливым человеком.

— Всё еще призрак, — признался он.

— Чей на этот раз?

— Довольно важная персона, мне сказали. Кстати, сотрудник Военного управления⁵.

— О? Как его зовут?

— Мерривейл. Сэр Генри Мерривейл.

Фрэнк Шарплесс, который снова поднес было кружку к губам, медленно вернул ее на место.

3. На самом деле в британской армии знаком различия для полковника служит корона Святого Эдуарда, под которой продольно расположены две (а не три, как у автора) четырехугольных звездочки. Звездочки эти в народе называют «rips», или «diamonds» (бубны), а официально — «Bath Stars» — звезды ордена Бани. Существующий ныне погон был введен в 1855 году. До этого полковник обозначался короной и одной звездой.

4. Литературный «негр», анонимный автор, пишущий за другого.

5. Так называлось до 1964 года Министерство обороны Великобритании.

— Ты, — растягивал он слова, словно подыскивал правильное определение опасному термину, — ты собираешься писать мемуары сэра Генри Мерривейла?

— Да. Он сказал издателю, что у него нет времени самому заниматься ими, но он не прочь надиктовать. Конечно, так многие говорят, но в большинстве случаев из этого ничего не выходит. Мне придется их редактировать.

— Редактировать? — прорычал Шарплесс. — Лучше сразу сожги.

— Не понимаю, о чем ты. Мне сказали, что он был большой шишкой во время Великой войны⁶, и, кроме того, оказался замешан почти во всех громких убийствах.

— И ни тени обреченности, — сказал Шарплесс, с неподдельным любопытством разглядывая Кортни, его довольное красивое, точеное лицо. — Ни тени обреченности тебе, ни голоса разума, настойчиво предупреждающего шепотом: «Беги оттуда, пока не поздно и не тронулся мозгами». Ну, ничего, это ненадолго.

— Эй, послушай! Что все *это* значит?

— Знаешь, дружище, — сказал Шарплесс и глубоко вздохнул, положив кончики пальцев на край стола, — я не хочу тебя расстраивать. Поэтому скажу только одну вещь. Ты не будешь писать мемуары сэра Генри Мерривейла. Ты думаешь, что будешь, но это не так.

— Почему нет? Если ты имеешь в виду, что старик эксцентричен, — улыбнулся Кортни с уверенностью человека, чей такт помог справиться с популярной актрисой и великим русским князем, — то обещаю, что...

— Какая беспечность! — В ответ его спутник покачал головой и уставился на него хмурым взглядом. — Черт возьми, существовала ли в мире большая необдуманность? — Он помрачнел. — Я не знал, что старик здесь. Где он остановился?

Кортни вынул из кармана трубку, кисет и адресную книгу. Он закурил и начал листать справочник.

— Вот наш адрес: «Майор Адамс, Фицгерберт-авеню, 6, Олд Бат роуд, Лекхэмптон, Челтнем». Мне сказали, что сначала он заедет в Глостер к главному констеблю по какому-то криминальному делу, а потом сюда — на отдых.

Он смолк, поймав на лице Шарплесса то же сочувствующее выражение, которое он видел минутой ранее. Шарплесс провел рукой по темным, жестким волосам. Затем он сжал ее в кулак и, ритмично ударяя им по столу, казалось, вошел в транс. Но нет, окинув взглядом залитый солнцем зал и убедившись, что в нем, кроме бармена, больше никого нет, перевесился через стол и понизил голос до шепота:

— Слушай, Фил.

— Да?

— Этот адрес. Он напомнил мне моих друзей Фейнов. Они живут рядом.

— Ну?

— Фил, я там влюбился в замужнюю женщину.

Наступило молчание.

— Нет! Чтоб я ослеп! — сказал Шарплесс, поднимая правую руку и немного отстраняясь, словно хотел принести присягу. — Я имею в виду, что... Это серьезно. По-настоящему.

Он все еще говорил громким шепотом. Лоб прорезали горизонтальные морщины.

— Но это было бы... — начал Кортни и осторожно добавил: — Штабной колледж.

— Да! Это игра с огнем! Разве я не понимаю? Но ничего не могу поделать, и все тут.

— Кто она?

6. То есть во время Первой мировой войны (1914 — 1918).

— Ее имя Виктория Фейн. Вики. Они тоже живут на Фицгерберт-авеню. Большой квадратный белый дом, в самом конце, его сразу видно, мимо не пройдешь. Муж — свинья; прикидываясь адвокатом, обманывает людей... Боже, Фил, она прелесть. В общем, я бы не хотел утомлять тебя всем этим...

— Ты никогда меня не утомлял, сам знаешь. Продолжай.

Шарплесс глубоко вздохнул.

— Вчера вечером я был на ужине. Сегодня снова приглашен.

— Два ужина подряд?

— Ну, так получилось. Понимаешь, вчера на ужине нас было шестеро. Вики, эта свинья Фейн, — знаю-знаю, я не должен так отзываться о хозяине, но что есть то есть, он свинья, и это правда, — его дядя, Энн Браунинг, — так, ничего особенного, — и доктор. Врач, этот самый, — как его, — ну который говорит тебе, что у тебя есть комплексы?

— Психиатр?

— Вот-вот! Психиатр. Рич его зовут! Доктор Рич. Так вот, этот доктор Рич, добродушный старикашка, вроде Джона Булля⁷, по которому не скажешь, что он будет нести чушь, завел разговор о своем занятии. В ходе беседы он упомянул, что очень часто практиковал гипноз.

— Что?

— Гипноз, — повторил Шарплесс, изобразив в воздухе приемы гипнотизера в качестве иллюстрации.

— Так?

— Слушай дальше, меня это заинтересовало. Я всегда считал, что это хорошая ширма для мошенников. То есть я видел, как они вытаскивают кого-то из зала и заставляют кричать как утка. Мне всегда казалось, что в этом есть что-то... что-то фальшивое.

— В этом нет ничего фальшивого, Фрэнк.

— Да. Рич сказал мне то же самое, и все поддержали его. Боюсь, у меня нашлись аргументы. Я сказал, что не утверждал, что этого *нельзя* сделать; я сказал, что всего лишь хочу убедиться, что в том, как это можно сделать, полностью отсутствует возможность мошенничества. Кроме того, я сказал: «Предположим, вы можете ввести человека в состояние гипноза так, чтобы он был полностью подчинен вашей воле, в этом случае будет ли человек исполнять всё, что вы ему прикажете?» Понимаешь, я думал об опасности. Я сказал: «Для наглядности, не могли бы вы приказать девушке сделать то-то и то-то?»

Шарплесс прервался.

Он размышлял, потирая челюсть, однако прежнего блеска в глазах уже не наблюдалось. Только обаяние спасало этого простофилю от больших неприятностей в обществе.

— Конечно, это было не совсем тактичное предложение, — признал он.

— В той ситуации, — сказал Кортни, — вероятно, да. И что же?

— Ну, доктор Рич отнесся к этому очень серьезно. Он ответил: да, мог бы, если бы девушка была склонна к воздействию такого рода, но в руках беспринципных людей гипноз представляет исключительную опасность. Я понял, что сморозил глупость, поэтому попытался замять вопрос, сказав, что имел в виду, мог ли он приказать ей совершить преступление? Я сказал: «Если жертва действительно исполняет волю гипнотизера, то не ставит ли он себя под удар, приказывая ей совершить ограбление или убийство?»

Кортни потянулся к трубке.

— И что ответил Рич?

7. Джон Булль — шутивное прозвище типичного англичанина.

— Нашел объяснение. И довольно убедительное, должен признать.

— В чем суть?

— Под гипнозом вы будете делать только то, на что способны в периоды бодрствования. Вроде того! Допустим, Вики Фейн сейчас заходит в эту комнату. Мы гипнотизируем ее, потом говорим: «Теперь идите к стойке и хлопните стакан виски». Вики пьет мало, но иногда позволяет себе. Другими словами, мы приказываем ей напиться. Ты следишь за моей мыслью?

— Да.

— Но, представим, у тебя имеется настоящая, абсолютная, убежденная трезвенница, какая-нибудь старая дева в поисках жениха, как Леди Астор, например. Загипнотизировав ее...

— Красивая мысль.

— Не перебивай. Загипнотизировав ее, ты платишь за виски и говоришь: «Хорошо, запузырьте стаканчик». Но она не запузырит. Не сможет. Она могла бы испытать страдания, поскольку воля гипнотизера — закон. Она могла бы даже взять стакан в руки. Но выпить — нет. Если бы она это сделала, значит с ее принципами трезвенности что-то не так.

В конце доктор Рич сказал, что, к сожалению, у нет с собой некоторых вещей или эксперимент, который он проведет, по его мнению, покажется мне недостаточно убедительным. Это снова возбудило мои подозрения, и я спросил, почему он не может провести эксперимент прямо сейчас. Он сказал, что для этого требуются определенные условия.

После чего дядя Фейна — приятный старикан — предложил перенести эксперимент доктора Рича на следующий вечер и провести ужин в том же составе. Фейну это не понравилось. Вот прыщ! Но как я понял, дядя Хьюберт — богатый родственник, с которым, естественно, никто не хочет портить отношений. Так что ему удалось продавить это решение. И вот сегодня повторный ужин.

Возбужденный, Шарплесс снова замолчал.

— Какого рода эксперимент, Фрэнк?

— Понятия не имею, — признался Шарплесс. От волнения он с трудом подбирал слова. — Слушай, Фил. Хочешь сказать, что я типа того? Ну, как его? Псих?

Кортни рассмеялся.

— Ладно. Смейся. Скоро твоя беспечность выйдет тебе боком, это уж как пить дать. Но говорю тебе, — Шарплесс мягко ударил кулаком по столу, — говорю, в стенах этого дома творится что-то странное. Не выходящее наружу.

Кортни выпрямился.

— Ты думаешь, что муж этой женщины догадывается о твоих намерениях?

Шарплесс колебался, поэтому Кортни пришлось задать следующий вопрос:

— Как далеко зашло дело?

— Оно еще никуда не зашло. Пропади все пропадом, у меня даже нет причин полагать, что она хоть как-то интересуется мной! — Шарплесс задумался. — И все же я точно знаю. Это было на прошлой неделе. На чертовом концерте на Променейд⁸. Они играли там «До дна очами пей меня»⁹... Если ты сейчас рассмеешься, я убью тебя!

Кортни было не до смеха. Бросив на него виноватый взгляд и не зная, куда деваться со стыда, Шарплесс уткнулся в содержимое своей кружки и начал бубнить:

8. Улица в центре Челтнема.

9. Начальная строка стихотворения Бен Джонсона «Песня. К Селии» (пер. В. В. Лунина).

— Она не любит своего брова. Это я доподлинно знаю. Только прикрываются благообразной вывеской! Доктор Рич может быть и классный психиатр, но он не видит психологию, которая у него под носом. Вчера, возвращаясь домой, часть пути я проехал с ним в автобусе. И он всю дорогу, пока я сидел с ним, восторгался Фейнами: какая идеальная пара, как приятно наблюдать такие вещи в век разводов.

— М-да.

— Но когда я говорю, что там происходит что-то странное, я имею в виду, странное не между ними. Я имею в виду, странное вообще. И я с нетерпением жду сегодняшнего вечера. И хочу, чтобы ты отправился со мной.

— И я бы хотел. Но у меня встреча в девять часов с сэром Генри Мерривейлом.

Шарплесс повел плечами.

— Ну, — сказал он, — тогда ты все слышал. Что посоветуешь?

— Мой совет: будь осторожен.

— Все это очень хорошо, Фил, — сидеть и говорить, но я не могу быть осторожным.

— Ну а чего ты хочешь? Развода?

— Развод, даже если Фейн согласится, — сказал Шарплесс, — будет означать: гудбай, колледж. Но я начинаю думать, что...

— Ты начинаешь думать: «Забей на колледж. К черту колледж. Я все равно не хочу туда идти». Так ведь?

— Нет, не так, точно. Хотя в чем-то ты угадал. Уж во всяком случае не хочу сидеть там, дымя трубкой с лицом восточного мудреца. Seriously. Мне нужен совет, а не сарказм. Ты можешь собраться и предложить что-то стоящее?

Кортни нервно поерзал. Хотя он был всего на шесть лет старше Шарплесса (тридцать три года против двадцати семи), он чувствовал себя перед ним одновременно глубоким стариком и глупым мальчишкой.

— Послушай, Фрэнк. Я не могу решить твою проблему за тебя, и никто другой тоже. Это то, что ты должен сделать сам.

— О, Господи!

— Это действительно так. Если ты любишь эту девушку, а она любит тебя, то ищи выход без скандала. В таком случае я скажу тебе: вперед! И девушке место найдется, и колледжу. Только, ради бога, убедись, что знаешь, на что идешь.

Шарплесс не ответил.

Он ссутулился, его взгляд оторвался от подоконника и метнулся через окно на улицу. Серые глаза вдруг стали почти черными, тонкие брови над ними вытянулись в одну линию.

— Тогда вот что. — Он отвернулся от окна, как человек, принявший решение, и заговорил другим голосом. — Отец хотел бы повидать тебя. Как ты смотришь на то, чтобы отобедать у нас дома?

— Положительно. Но если...

— Нет. Давай забудем об этом. — Шарплесс осушил свою кружку и поднялся. — Но я бы хотел, чтобы сегодня все закончилось. Черт, как бы я хотел, чтобы сегодня все закончилось!

Это могло быть интуицией, но это, конечно, было предвидением. Незаметно конструкция обрела свою завершенность. Стрела приспособлена, тетива в зарубку — лук выгнулся дугой до отказа. Теперь осталось дожидаться глухого удара, когда наконечник поразит цель.

— Если все готовы, — объявил доктор Ричард Рич, — мы приступаем к эксперименту.

Было почти девять часов. В просторной прямоугольной гостиной в задней части дома горел только торшер с белым пергаментным абажуром, стоявший рядом с диваном.

Артур Фейн, пунктуальный во всем, превращал процесс переодевания к ужину в целый ритуал. Но сегодня вечером, дав себе поблажку из-за жары, под смокинг он надел мягкую рубашку. Так поступили и другие мужчины, в отличие от Фрэнка Шарплесса, чей черно-алый обеденный китель наглухо прилипал к обычной жесткой рубашке и черному галстуку. Вики Фейн была в темно-фиолетовом платье, Энн Браунинг — в белом. Все сверкало и яркими пятнами выделялось в кремовом пространстве интерьера.

Окна в дальнем конце комнаты, по короткой стороне, были открыты. Щелки в задернутых занавесках пропускали последний свет уходящего дня. Ричард Рич расположился спиной к камину из красного кирпича.

Доктор Рич был маленьким, коренастым, комфортно чувствующим себя человеком в залоснившемся смокинге. Лысая голова внезапно обнаруживала полоску черных с проседью волос, которая постепенно сдавала позиции, отступая от затылка книзу, где завивалась колечками над воротником. Это был единственный неопределенно-театральный элемент в тусклой массе совершенно заурядной личности. От жары и коньяка, выпитого после ужина, его круглое лицо распалось. Он улыбался.

— И когда мы начнем, — продолжил он с мягкими вибрациями оркестровой меди в голосе, — думаю, капитан Шарплесс поймет, почему я не смог провести эксперимент вчера вечером.

Шарплесс отмахнулся.

— Хорошо. Но в чем именно заключается ваш эксперимент?

— Хватит темнить, — довольно резко поддержал его Артур Фейн. — И в самом деле, что вы собираетесь делать?

Доктор Рич расплылся в безумно загадочной улыбке.

— С вашего позволения, — сказал он, — для начала я предлагаю погрузить одного из вас в гипнотический транс.

— Загипнотизировать *меня* у вас не получится, — сказал Артур, — я не собираюсь становиться всеобщим посмешищем. Кроме того, я не одобряю это. Занятие для ненормальных.

— В любом случае вы были бы неподходящим гипнотическим субъектом, — улыбнулся доктор Рич. — Нет. Я хотел бы, чтобы в эксперименте участвовала миссис Фейн, если она, конечно, не возражает.

По непонятной причине все пришли в легкое возбуждение.

Вики выпрямилась в плетеном кресле недалеко от камина, сложив руки на коленях. Удивленная, она оглянулась по сторонам.

— Я? — спросила она. — Но почему? Почему я?

— Потому что, во-первых, миссис Фейн, вы лучший гипнотический субъект. Во-вторых... вторая причина станет ясна, когда мы завершим эксперимент.

— Но я должна подумать...

Вики не закончила фразу. Судя по направлению ее взгляда, она, очевидно, решила, что лучшей кандидатурой на это место является не она, а мисс Энн Браунинг.

Энн Браунинг устроилась в тени, в одном из белых мягких кресел. Она подалась вперед, жадно и с большим интересом прислушиваясь к голосам. Примерно одного возраста с Вики, она казалась чуточку практичнее и сообразительнее. В добавок меньше ростом и стройнее. Волосы, золотые там, где свет отражался от них, были сплетены и уложены вокруг

головы. Кожа на фоне белого платья ярко отливала в отличие от слабого загара Вики.

Доктор Рич пронизательно истолковал этот взгляд и ответил на него.

— Вы ошибаетесь, миссис Фейн, — сказал он.

— Ошибаюсь?

— Полагаю, вы разделяете мнение большинства людей, что чувствительный или легковозбудимый человек — это самый простой гипнотический субъект? Что, как скажет вам любой врач, прямо противоречит истине.

Артур Фейн сел.

— То есть, вы считаете *меня* чувствительным или легковозбудимым человеком? — спросил он скептически.

— Нет, мистер Фейн. Вы обычный наблюдатель. Вы сопротивляетесь, боретесь. Вряд ли кто-нибудь сможет подвергнуть вас гипнозу.

— Ей-богу, вы правы, — выдохнул Артур. Он был польщен и доволен, и сейчас, когда он был действительно польщен и доволен, редкая, приятная улыбка осветила хмурое лицо. Дважды движением губ он пытался реанимировать потухшую сигару. — Но почему кто-то из нас? Почему не взять для эксперимента какую-нибудь горничную?

— Артур, они обо всем разболтают! — вмешалась Вики.

Ее муж оценил резонность этого замечания и успокоился. Но не совсем. Он продолжал метать жадные взгляды в сторону Энн Браунинг. Эти взгляды не ускользнули от внимания Вики.

— Ну, миссис Фейн? — подстегнул ее Рич.

Вики коротко рассмеялась.

— Что ж, я не против быть жертвой. Но, как сказал Артур, я не хочу выставять себя посмешищем. Это... Здесь ведь нужно, чтобы подсознание было отпущено, не так ли?

— Только в некотором смысле. Вы будете подконтрольны моей воле и должны исполнять мои приказы.

— Да, именно это я и имею в виду, — поспешно ответила Вики. — Я имею в виду, что не хочу кричать, как утка, подходить к кому-то и целовать или что-то в этом духе.

На протяжении всего разговора Хьюберт Фейн, с наслаждением куривший одну из самых дорогих сигар Артура, несколько раз впадал в состояние задумчивости. Наблюдатель, возможно, даже назвал бы это состояние страхом. Когда слово «подсознание» упомянули первый раз, он прочистил горло, собираясь высказаться, но доктор Рич предвосхитил его.

— Миссис Фейн, — строго сказал Рич, — помните, пожалуйста, что это не вставной номер и не салон магических услуг. Это серьезный научный эксперимент. Я сам не до конца уверен, что смогу провести его. Я даю вам слово, что от вас не будут требовать действий, которые могли бы вас смутить или выставить на посмешище.

— Ну же, Вики! Будь человеком! — уговаривала Энн Браунинг своим нежным, привлекательным голосом.

— Обещаете? — обратилась Вики к Ричу.

— Обещаю.

— Хорошо, — сказала Вики, пожимая плечами и через силу улыбаясь. — Пусть грязное дело свершится. Что я должна делать?

Общий вздох облегчения пронесся вдоль комнаты.

Рич повернулся к камину. Он взял с каминной полки картонную коробку из-под обуви, которая явно ждала там своего часа.

— Теперь, миссис Фейн! Я должен кое о чем предупредить остальных, но необходимо, чтобы вы этого не слышали. Прошу вас подождать немного в холле, пока я не

позову вас.

— Что всё *это* значит? — спросил Шарплесс после паузы. — Шарады?

Рич накинулся на него.

— Капитан Шарплесс, если вы будете молчать и иметь удовольствие следить за экспериментом, на который сами напросились, чтобы *убедиться*, то через несколько минут, я думаю, вам станет ясно, что это...

— Всё, всё. Понял. Без обид. Только...

— Вы не возражаете, миссис Фейн?

— Нет, совсем нет.

Рич открыл коробку. Когда Вики, поднявшись на ноги, проходила мимо, невозможно было удержаться и хотя бы глазком не заглянуть внутрь. Рич быстро закрыл коробку. Держа ее под мышкой, он пошел открывать дверь.

Дверь находилась в той же стене, что и камин: то есть, под прямым углом к короткой стороне, но далеко от окон.

Рич открыл дверь для Вики, отошел в сторону, пропуская ее, и снова закрыл дверь. Это была тяжелая, основательно сделанная дверь, но она закрылась не полностью, и защелка не сработала. Когда Рич развернулся, дверь за ним приоткрылась на дюйм или полтора.

Шарплесс собирался обратить на это внимание, но глаз доктора снова выразительно посмотрел на него.

— У меня в коробке, — произнес он низким бархатным голосом, — два предмета. Предмет «А» — резиновый кинжал.

— Послушайте!.. — хотел было вмешаться Артур Фейн.

— Да? — поторопила Энн Браунинг.

Рич поднял игрушечный кинжал. Его клинок был покрыт серебристо-серой краской, слишком небрежно, чтобы имитировать металл; ручка — черной. Для убедительности Рич согнул податливую резину несколько раз туда-сюда.

— Купил сегодня утром у Вулворта¹⁰, — пояснил он. — Резиновый кинжал, шиллинг и шесть пенсов, который едва ли можно назвать опасным. Это предмет «А». Однако предмет «Б» отличается.

Он убрал кинжал в коробку и достал второй предмет. Когда он показал его, комната наполнилась тихими вскриками ужаса.

— Предмет «Б», — сказал Рич. — Настоящий револьвер с настоящими пулями.

Наступила тишина.

Револьвер некоторым образом погрузил аудиторию в зловещее оцепенение. Это был «Уэбли» 38 калибра из темного полированного металла с рукояткой из слоновой кости. Рич переломил его, вынул из барабана патрон, подбросил его в воздух и поймал.

— Определенно не игрушка, — отметил он и, вернув патрон на место, резким щелчком закрыл ствол. — Реально смертоносная штука, именно то, что нам нужно. Поэтому... Да-да? Что такое?

Он прервался, хмуро уставившись на Шарплесса.

Последний отчаянно жестикулировал и строил гримасы. Необычайно живописной пантомимой он наконец-то привлек внимание Рича. Шарплесс тыкал пальцем ему за спину, указывая на приоткрытую дверь.

Словно прозрев эти жесты, Рич издал восклицание и тут же плотно прикрыл дверь.

10. Популярная сеть розничных магазинов.

— Она слышала вас! — шепотом произнес Шарплесс. — Она не могла не слышать вас.

Рич улыбнулся.

— Я искренне надеюсь, что она так и сделала, — хладнокровно ответил он. — Если же нет, то эксперимент теряет смысл.

— *Что?*

Рич бросил пистолет Шарплессу, и тот инстинктивным движением перехватил его в воздухе.

— Взгляните на револьвер, — предложил Рич. — Или правильнее будет сказать — на пули.

Пули были ненастоящими.

Каждая пустая латунная гильза содержала маленькую деревянную пульку, покрашенную серой краской под металл. Шарплесс поочередно извлек деревянные имитации и, прежде чем вернуть обратно, внимательно изучил их.

— Я, кажется, начинаю понимать, — пробормотал он, — что за фокус вы тут приготовили. Этот пистолет совсем не опасен. Но...

— Совершенно верно, — согласился Рич. — Как и кинжал, это не более чем игрушка. *Но миссис Фейн думает по-другому.*

Хьюберт Фейн, чье первое тяжелое впечатление от револьвера сменилось облегчением, так яростно сосал сигару, что, казалось, его голова превратилась в вулкан.

— Вы следите за мной? — поинтересовался Рич. — Вот два предмета. Первый из них — кинжал, внутренний разум миссис Фейн полагает, что он безвреден. Второй — револьвер, в этом случае она думает, что он настоящий. Прекрасно. Я ввожу миссис Фейн в состояние гипноза. Потом приказываю ей, чтобы она...

— Убила кого-нибудь, — выдохнула Энн Браунинг.

— Именно, — сказал Рич.

Теперь стало совсем темно, за исключением пятна света от торшера под белым пергаментным абажуром рядом с диваном. Прохладный ветерок трепал занавески на окнах.

— Сознание! — продолжал Рич, энергично потирая лысину. — Я не говорю, что в состоянии управлять им. Возможно, я не смогу установить надлежащую степень воздействия. Но если я сделаю...

— Если вы сделаете... — подсказала Энн.

— Если я сделаю это, — улыбнулся Рич, — тогда я могу точно сказать, что произойдет. Видите ли, под гипнозом пациентка не имеет ни разума, ни воли. Она — машина. Зомби. Ходячий труп, управляемый извне. Но...

— Да?

— Когда ей прикажут взять пистолет и выстрелить в того, кого она любит, в этом случае она будет сопротивляться. Даже страдая она не сможет этого сделать. Каким бы сильным ни было мое воздействие, оно не сможет преодолеть барьер в ее подсознании. Но когда я прикажу ей взять кинжал и прирезать кого-нибудь, она нанесет удар без малейшего колебания. Потому что ее подсознание уверено, что он игрушечный.

Снова наступила тишина.

— Ну что, капитан Шарплесс? — сказал Рич. — Если мне удастся это доказать, будете ли вы удовлетворены?

— Мне не нравится этот эксперимент! — резко ответил молодой человек, вскакивая на ноги.

— Вам не нравится, капитан Шарплесс? Но вы же сами предложили его.

— Да, но я не знал, что у вас на уме. Я не знал, что вы собираетесь провести его

таким образом.

— Потрясающе, ни о чем подобном я в жизни не слышала, — заявила Энн Браунинг.

— Кого, — спросил Шарплесс, — кого вы хотите, чтобы она убила?

Рич выглядел удивленным.

— Конечно, своего мужа. Кого же еще?

Фрэнк Шарплесс вытянул шею. Если он ожидал поддержки со стороны Фейна, то напрасно.

По какой-то причине Артур, казалось, изменил свое мнение. Среднего роста, коренастая и от этого до крайности уравновешенная фигура сидела неподвижно в мягком кресле и разглядывала свои тщательно отполированные туфли. Между пальцами дымилась сигара. Он развел пятки в сторону, странный жест, и со стуком снова свел их вместе. Он взглянул вверх, его темное лицо было бесстрастно.

— Я не одобряю это. Однако... Это никак не повредит моей жене?

— О, нет. Она может почувствовать небольшую усталость. Но если миссис Фейн здоровый, незакомплексованный человек, а я уверен, что она именно такой человек, на ней это вообще не отразится.

— Она будет знать, что происходит в это время?

— Нет.

— Помнить?

— Нет.

— Так, и что теперь? — рассуждал Артур. Ноготком мизинца руки, которая держала сигару, он поскреб нос сбоку, изучая Рича. Снова мелькнула редкая улыбка. — Предположим, — просто предположим на данную минуту! — что у моей жены имелись потаенные мысли причинить... по-настоящему причинить мне боль.

Рич опешил.

— Мой дорогой сэр, — начал он, заливаясь краской, — я никогда не думал... то есть, это казалось таким очевидным!.. Мистер Хьюберт Фейн заверил меня...

— О, мы ведь только предполагаем! — Артур успокоил его. Теперь улыбка на его лице была искренней. Благодушный настрой чувствовался во всем, даже в угрозах. — Согласитесь, я не из тех, кто распространяется о своей семейной жизни. Но я не против заявить, что такую счастливую пару, как наша с Викторией, вам еще нужно поискать. Очень хорошо поискать.

Он сделал паузу.

— Некоторые люди, — добавил он, — могли бы назвать мою жизнь однообразной...

— Дорогой мальчик, — вмешался дядя Хьюберт, уставившись на угол абажура, — если бы они знали тебя так, как я, уверен, они бы не допустили в отношении тебя такой несправедливости.

— Однако я бы не назвал ее однообразной, — подытожил Артур, коротко взглянув на него. — Продолжайте эксперимент.

Фрэнк Шарплесс сделал несколько кругов, шагая по голому паркету с пестрыми коврами. Черный обеденный китель с алыми лацканами и узкие черные брюки с алыми лампасами по бокам придавали его худощавой фигуре мексиканский лоск, который портило простоватое выражение молодого лица. Его ботинки гремели по полу, и хотя он молчал, за ним тянулся шлейф протестующих жестов.

— Ну что, продолжаем? — осведомился Рич. — Хорошо!

Он закрыл коробку с револьвером и резиновым кинжалом и передал ее Артуру.

— Предметы пусть побудут у вас, мистер Фейн, пока я не скажу вам, что с ними делать. — Он подошел к двери и открыл ее. — Входите, миссис Фейн, — пригласил он.

Показавшись в дверях, Вики замерла, словно попала в некую игру-угадайку, не зная, какой вопрос следует задать первым. На это указывало ее поведение. Однако смуглое, с чистой кожей, лицо и в противоположность ему более выразительные голубые глаза погасила другая базовая эмоция¹¹, и Шарплесс понял, что это был страх.

— Можно? — неуверенно спросила она.

Рич взял ее за руку.

— Подойдите сюда, миссис Фейн. Вот диван, устраивайтесь поудобнее.

Вики остановилась.

— Я бы не хотела сидеть на диване, — сказала она.

Снова повеяло отдаленной, неясной тревогой.

— Хорошо, — согласился Рич после небольшой паузы. — Постараемся найти для вас другое место.

Он осмотрел комнату, подошел к окнам, но пол там раздражающе скрипнул. Он прошелся по нему еще раз, повернулся и посмотрел в противоположный конец комнаты. Там сидел Артур Фейн с коробкой на коленях.

— Можно занять ваше кресло, мистер Фейн?

Артур встал.

От торшера тянулся длинный шнур. Рич подобрал его у дивана, который отодвинули к стене напротив камина, и перенес светильник к мягкому белому креслу, где раньше сидел Артур. Он наклонил абажур так, чтобы свет падал на кресло.

— Так вас устроит, миссис Фейн?

— Да, все в порядке, — сказала Вики. Она проследовала за ним и села в кресло.

— Замечательно. Теперь просто расслабьтесь. Остальные пододвигайте свои кресла поближе, но не слишком близко. Располагайтесь по бокам, чтобы она вас не видела. Вот так.

Центр комнаты таким образом представлял из себя свободное пространство. Вики сидела спиной к одной стене и смотрела на окна в другой с расстояния двадцати пяти футов. Рич плотнее задернул занавески на окнах. В углу он нашел круглый телефонный столик из красного дерева и, убрав с него телефон, адресную книгу и сигаретницу, перенес в середину комнаты.

— Теперь, — сказал Рич и повернулся к Вики, — миссис Фейн, я хочу, чтобы вы вверили себя в мои руки. Я хочу, чтобы вы доверяли мне. Ведь вы доверяете мне?

— Да, думаю, да.

— Очень хорошо.

Голос уже приказывал — бархатный, низкий, с музыкальными вибрациями. Рич направил абажур лампы себе на лицо. Он достал из кармана монетку, совсем новую, блеснувшую ярким серебром.

— Миссис Фейн, я буду держать это чуть выше уровня ваших глаз. Я хочу, чтобы вы просто смотрели на это. Смотрели спокойно. Только и всего. Ничего сложного. Вы поняли?

— Да.

— Остальных прошу соблюдать тишину. Никаких звуков.

Что произошло дальше, Фрэнк Шарплесс так до конца и не понял.

11. Согласно Полу Экману различают семь базовых эмоций: *радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение и страх.*

Тихий монотонный голос, почти шепот, казалось, заполнил комнату. Процесс шел непрерывно, словно открывался коридор в потусторонний мир. Шарплесс не помнил слов, он запомнил только, что это было связано со сном — сном наркомана, сном во сне, сном между жизнью и смертью. Воздействие испытали даже те, кто не смотрел на яркую, блестящую монетку Рича.

Часы не тикали; никакого шевеления в деревьях за окном — времени не существовало.

— Теперь спать, — пробормотал голос. — Спокойный. Глубокий. Сон.

Рич отступил назад.

Фрэнк Шарплесс почувствовал холод, словно его обложили льдом.

Вики Фейн медленно опустилась на спинку мягкого белого кресла, мышцы расслабились. Когда Рич снова направил на нее свет, все увидели, что ее глаза закрыты. Мерно двигалась только грудь, освещенная там, где гладкую плоть разделяла ложбинка над лифом фиолетового платья.

Лицо в обрамлении стриженных каштановых волос было спокойным и безмятежным, веки сделались восковыми, рот томно приоткрылся.

Шарплесс, Артур, Хьюберт и Энн Браунинг пытались выбраться из наваждения, как из сцепившихся на пороге занавесок. Энн инстинктивно заговорила шепотом:

— Она нас слышит?

— Нет, — неожиданно произнес Рич обычным голосом. Контраст был разительным. Он вытер влажный лоб платком.

— Она что, действительно?..

— О, да. Она *ушла*. Теперь, мистер Фейн, положите револьвер и кинжал на круглый столик в центре комнаты.

Артур замешкался. Нервы впервые взяли над ним верх. Достав реквизит из коробки, он тщательным образом осмотрел его. Несколько раз демонстративно согнул кинжал. Резко переломил револьвер и, прежде чем вернуть барабан на место, вынул из него и проверил каждый патрон с фальшивой пулей.

Затем, как бы иронизируя над собой, подошел к круглому столику и положил на него револьвер с кинжалом.

Он вернулся в группу, удобно расположившуюся в креслах. Во время паузы его шаги казались особенно громкими. Дверь в холл открылась, и Дейзи, горничная, просунула в нее голову.

— Сэр, будьте добры... — начала она.

Артур повернулся на голос.

— Какого черта тебе надо? — обрушился он на нее. Сейчас звучал его привычный голос: резкий, грубый, разрывающий тишину.

Дейзи оглянулась назад, но с места не сдвинулась.

— Я ничего не мог поделать, сэр! Там мужчина, он спрашивает мистера Хьюберта и не хочет уходить. Говорит, что его зовут Дональд Макдональд. Он говорит...

Артур перевел взгляд на Хьюберта.

— Это... — запнулся Артур на полуслове. — Это опять ваш букмекер?

— Тысяча извинений, мой дорогой мальчик, — оправдывался Хьюберт, — но похоже на то. Несомненно, мистеру Макдональду многое простится в лучшем мире (в том числе, будем надеяться, и его алчность), но в данный момент, боюсь, довольно вульгарно с его стороны требовать денег. Небольшая ложная информация, хотя пришла с самой конюшни...

— Тогда в чем дело? Идите и заплатите ему. Я не хочу, чтобы такие люди торчали у меня дома, слышите?

— Увы, мой мальчик, я только сейчас вспомнил, что сегодня у меня не получилось зайти в банк. Сумма пустяковая: пять фунтов. Не будешь ли ты так любезен выделить мне кредит до завтра?

Артур, тяжело сопя, полез в карман, извлек бумажник, отсчитал пять банкнот и вручил их Хьюберту.

— До завтра, мой мальчик, — пообещал Хьюберт. — Минута, и я тут как тут. Продолжайте эксперимент.

Дверь за ним закрылась.

Чары, которые должны были быть разрушены, даже не поколебались. Вряд ли кто, кроме Артура, хоть краем глаза отвлекся на этот эпизод. Шарплесс, Энн Браунинг, сам Рич сосредоточились вокруг Вики с эмоциями, которые не нужно описывать. Артур Фейн тихо спросил:

— А теперь что?

— А теперь, — сказал Рич, снова доставая платок, что вытереть лоб, — наступает самая ответственная фаза. Вы отвлеклись. Так что сидите и не двигайтесь. Говорить только по моей команде. Это может быть опасно. Я понятно излагаю?

— Но...

— Пожалуйста, делайте, как я прошу.

Справа и слева от Вики стояло по два кресла — чуть впереди и почти напротив нее. С одной стороны сидели Шарплесс и Энн Браунинг, с другой Артур и Хьюберт, чье кресло сейчас пустовало. Доктор Рич замыкал этот полукруг, повернувшись лицом к Вики. Когда снова стало тихо, он заговорил:

— Виктория Фейн, — тихо сказал он. От жуткого голоса их снова прошиб озноб. — Вы слышите меня. Вы слышите меня, но пока не можете проснуться. — Он взял паузу.

— Виктория Фейн, я ваш хозяин. Моя воля для вас закон. Теперь говорите. Повторяйте за мной: «Вы мой хозяин, ваша воля для меня закон».

Голос был таким, словно пробивался сквозь длинный тоннель. Возможно, прошло три секунды, прежде чем манекен в кресле пошевелился. Судорога пробежала по телу Вики. Ее голова склонилась немного вбок, губы пришли в движение.

— Вы... — Все подпрыгнули, когда она заговорила. Это был не полноценный голос, всего лишь шепот, но, как гротескное эхо, это был голос начинающей отделяться души. — Вы мой хозяин, — звучал шепот, — ваша воля для меня закон.

— Всё, что мне прикажут сделать, я сделаю беспрекословно. Ибо все это для моего же блага.

Фигура в кресле напряглась и обмякла.

— Всё, что мне прикажут сделать, — послушно повторила она бесцветным голосом, — я сделаю. Ибо все это для моего же блага.

— Беспрекословно!

— Беспрекословно.

Рич глубоко вздохнул.

— Теперь просыпайтесь, — приказал он. — Откройте глаза. Садитесь прямо. Осторожнее!

— Боже! — невольно вырвалось у Шарплесса.

Короткий свирепый взгляд Рича, брошенный поверх плеча, заставил его умолкнуть.

Из кресла на них смотрела не Вики Фейн. Во всяком случае, это была не та Вики Фейн, которую они знали. Ее глаза, лицо, те признаки, которые делают внешность человека узнаваемой: интеллект, воля, характер — все исчезло. Лицо дышало, излучало тепло, но оставалось глиняной маской. Отсутствие мысли, казалось, лишило его даже красоты.

Освещенная, Вики сидела тихо, не моргая и не проявляя никакого интереса.

— Предупреждаю вас, — пробормотал Рич, облизнув губы. — Теперь будьте внимательны.

Он переключился на разговор с подопытной.

— На полу у окна вы найдете сигаретницу и коробок со спичками, я положил их туда, когда убирал телефонный столик. Принесите мне сигарету и спички.

— Там нет спи... — нарушил тишину Артур Фейн, но очередной взгляд Рича заставил его замолчать.

Манекен в кресле поднялся на ноги.

Двигаясь по прямой, с невидящими глазами, он прошел мимо столика с револьвером и кинжалом.

В дальнем конце комнаты было темно. У окон манекен нагнулся — казалось, он всматривался во что-то, искал, пробовал на ощупь. Наконец он наткнулся на серебряную сигаретницу и, достав сигарету, отодвинул ее в сторону. Затем он начал шарить в поисках спичек. Под высокими каблуками плохо пригнанные паркетные доски издавали неистовый скрип. Секунды растянулись. Из Вики Фейн вырвался короткий стон.

— Видите, она не может их найти, — сказал Рич.

— Это откровенное насилие, — произнес Шарплесс, у которого побелели губы. — Я больше не вынесу.

— Больше не вынесете, капитан Шарплесс? — подал реплику Артур.

— Забудьте про спички. Вам не нужно приносить мне спички, — приказал Рич. Сейчас его голос звучал успокоительно; он пронесся через всю комнату и окутал теплой волной дрожащие плечи Вики. — Принесите мне только сигарету.

Вики выполнила приказ.

Рич заметил в углу у окна рояль.

— Она играет? — спросил он у Артура.

— Да, но...

— Садитесь за рояль, — мягко проинструктировал Рич. — Вы счастливы, моя дорогая. Очень счастливы. Сыграйте что-нибудь. Пойте или напевайте, как вы это делаете, когда хотите показать, что вы счастливы.

И опять что-то не заладилось. Пальцы Вики коснулись клавиш. Рояль был в тени; Вики сидела на некотором отдалении, повернувшись к ним спиной. Тем не менее было очевидно, что в ней происходит внутренняя борьба.

— Даю команду, моя дорогая. Сыграйте что-нибудь. Любую...

Пальцы слегка коснулись клавиш, и рояль заиграл:

До дна очами пей меня,

Как я тебя - до дна.

Иль поцелуй бокал, чтоб я

Не возжелал вина...

Голос, который пытался напевать, прервало рыдание.

— Пока достаточно, — быстро произнес Рич.

Выражение его лица изменилось. Оно было сейчас очень серьезным. Глаза Рича, пронзительные, острые как бритва, с недоверием оглядели группу. Он провел рукой по лысому черепу, приглаживая колечки седоватых волос над воротником. Он снова превратился в простого человека, с сомнениями и страхами.

— Господа, — обратился он к ним, — господа, мне кажется, я чуть не допустил

фатальную ошибку. Я не должен был начинать, пока не... изучил историю вопроса. Миссис Фейн что-нибудь связывает с этой песней?

— Нет, насколько я знаю, — откликнулся Артур с мрачным недоумением. — Но, возможно, капитан Шарплесс расскажет нам?

Шарплесс встретил взгляд Рича:

— Я думаю, надо кончать этот балаган.

— А я думаю, что нет, — возразил Артур Фейн.

— Вы настаиваете, сэр?

— Помнится, доктор, вы обещали нам *что-то* показать. Пока вы этого не сделали.

— Как вам будет угодно, — вздохнул Рич. — Тогда давайте вернемся на свои места. — Зрители расселись по креслам, и он продолжил: — Виктория Фейн, подойдите к круглому столику в середине комнаты. Найдите на нем револьвер. Возьмите его в руки.

Все словно затаили дыхание. Энн Браунинг, скрестив ноги, подалась вперед и обхватила колени тонкими руками. Ее уста не проронили ни звука. Волосы блеснули золотом, отражая свет. Краска на ее щеках, сияние бледно-голубых глаз контрастировали с жалким, заплаканным лицом манекена.

— Пройдите вперед, пока я не скажу вам до... кúда! Стоп! Теперь повернитесь направо. Еще правее — лицом к мужу.

Артур Фейн облизнул губы.

— Немного отступите... вот так!

Капитан Шарплесс, даже если вы ненароком заденете мисс Фейн, вы нанесете ей серьезную травму.

Шарплесс дернулся назад.

— Виктория Фейн, вы ненавидите сидящего перед собой человека. Он совершил то, что вы считаете непростительным. Вы ненавидите его всем сердцем. Вы желаете ему смерти.

Вики не шелохнулась.

— У вас в руках заряженный револьвер. С того места, где вы стоите, было бы легко прострелить ему сердце. Смотрите.

Рич вынул из внутреннего кармана мягкий карандаш. Он подошел к Артуру, и, прежде чем последний успел что-либо возразить, нарисовал на его рубашке крест с левой стороны груди.

— Его сердце вот здесь. Выше. Вы желаете ему смерти. Я приказываю вам убить его. Я буду считать до трех, после чего вы выстрелите. Раз... Два...

Даже если боек ударит по капсулю холостого патрона, все равно раздастся сухой щелчок. Любое ухо уловит этот отчетливый звук.

Палец Вики дрожал вместе с рукой, плечом и всем телом и не сгибался. Побившись о спусковой крючок, он начал разгибаться и отошел совсем. Револьвер с грохотом упал на деревянный пол.

Она не смогла этого сделать.

Доктор Ричард Рич, медленно выпустив воздух из легких, с облегчением закрыл глаза. Прошла пара секунд, прежде чем он снова улыбнулся.

Артур Фейн, внешне оставаясь невозмутимым, не сумел сдержать самодовольной ухмылки, мелькнувшей на его лице. Выражения хладнокровия и безразличия, которые он пытался сохранить на нем, были сметены другими, поднявшимися из глубин тщеславия.

— Ах! — улыбнулся Рич. — Вы отказываетесь стрелять. Но, возможно, револьвер не подходит вам. В таком случае попробуйте кинжал. Кинжал — женское оружие. Кинжал на столе. Подойдите к нему.

Неуверенной походкой Вики направилась к столу.

— Хорошо. Возьмите кинжал. Крепко сожмите рукоятку. Теперь возвращайтесь сюда и... стоп!

Он прикрыл глаза рукой.

— Ваша ненависть к человеку, сидящему перед вами, неизмеримо возросла. Оружие, которое вы держите, такое же смертельное, как револьвер. Вот его сердце. Бейте.

Без колебаний Вики, как змея, направила удар точно в цель.

Доктор Ричард Рич, как шоумен, довольный грандиозным эффектом, торжественно развернулся на каблуках, чтобы лицезреть реакцию Шарплесса и Энн Браунинг. Улыбаясь, он вытянул навстречу им руки, повернув ладонями вверх, как будто спрашивал: «Ну как?»

Но не спросил.

В этот момент у него за спиной открылась дверь в холл. Хьюберт Фейн, веселый и сияющий, открыл ее и замер. Рич увидел, как Хьюберт, стоя за Шарплессом и Энн Браунинг, метнул взгляд ему за спину — туда, где сидел Артур.

И Рич обернулся.

Артур Фейн кашлянул только один раз. Черная рукоятка, которая выглядела как резиновая, но не могла быть резиновой, торчала из белой рубашки, прямо над крестиком, который Рич собственноручно нарисовал там. Но рубашка уже не была белой. Вокруг рукоятки, расплываясь и пропитывая края тонкой ткани, росло темно-красное пятно.

Артур, упираясь локтями в подлокотники кресла, пытался оттолкнуться и выбросить тело вперед. Колени его тряслись. Губы разжались, корчась в конвульсиях, что, по-видимому, говорило об интенсификации агонии, которая перекинулась на лицо.

5

Никто не двигался. Казалось сомнительным, что кто-то вообще мог двигаться. Подобные вещи приходят на ум в первую очередь.

Прошло десять, двадцать, тридцать секунд. Артур Фейн полулежал на боку, из-за чего части лица не было видно, и тоже не двигался. Свет пятнами отражался от полированной поверхности паркетного пола.

Первым опомнился доктор Рич и быстро опустился на одно колено рядом с Артуром. Он перевернул тело на спину и сначала прощупал пульс. Затем достал карманные часы и поднес стекло почти к самым губам Артура. Стекло не затуманилось. Заметив время, Рич убрал часы в карман.

— Выглядит невероятным, но этот человек мертв.

— Мертв? — повторил Шарплесс.

— Мертв. Заколот в сердце.

— О нет! — взмолился Хьюберт Фейн. — Нет, нет, нет, нет, нет!

В тоне дяди Хьюберта послышался робкий скептицизм. Манеры говорили о том, что мир не мог сыграть с ним такую грязную шутку.

— Нет, в самом деле. Так! — воскликнул он, словно хотел призвать жертву не заниматься глупостями.— Это становится уже невыносимым. Я решительно против. Вставай, мой дорогой мальчик. Вставай и...

— Он не слышит вас, — сказал Рич, когда Хьюберт принялся растирать одно из запястий Артура. — Говорю вам, он мертв.

Он протянул руку и коснулся черной рукоятки, торчащей из груди Артура, зажав ее

между пальцами.

— И хочу сказать еще кое-что, — добавил Рич, повысив голос. — *Это не тот кинжал, который я принес с собой.*

— На вашем месте я бы не прикасался к нему, — заметил Шарплесс. — Полиция всегда встает на дыбы, когда с уликами бардак. По крайней мере, так пишут в детективах. Не трогайте его!

— Но почему? — спросила Энн Браунинг. — В конце концов, мы знаем, кто зарезал его, не так ли?

Вот когда они почувствовали настоящий шок.

Вики Фейн безучастно стояла возле человека, которого убила. Ее руки, как плети, свисали по бокам. Она не смотрела ни на него, ни куда-либо вообще. Фрэнку Шарплессу слишком больно было видеть перед собой это безмозглое существо с уничтоженным интеллектом и мертвыми, как фарфор, голубыми глазами, в котором раньше жила жизнерадостная, смеющаяся, привлекательная девушка. Слезы продолжали катиться по ее щекам, оставляя грязные разводы, но лицо уже не выражало никаких эмоций.

— Доктор Рич, — произнес Шарплесс, — легендарный доктор Франкенштейн невинный младенец по сравнению с вами.

Рич приложил руки ко лбу.

— Не будите ее! — рявкнул Шарплесс, неверно истолковав этот жест. — Ради бога, не будите ее!

— Я не собирался ее будить, молодой человек.

— Она нас слышит?

— Нет.

— Хорошо, вы не собирались ее будить, — Шарплесс с трудом сглотнул, — но вы можете *сделать* что-нибудь?

— Да. Одну минуту. — Рич повернулся к Вики. Его речь стала медленной и тяжелой. — Виктория Фейн, подойдите к дивану. Положите подушку под голову. Ложитесь.

Вики немедленно подчинилась и подошла к дивану. Коснувшись его, она задрожала, и Рич в одно мгновение оказался у нее за спиной. Он слегка приложил пальцами к ее вискам; дрожь исчезла, и она легла.

— Теперь спать, — бормотание Рича могло уложить всех. — Вы снова пришли в себя, Виктория Фейн, но вы спите. Вы проснетесь только по моей команде. Когда вы проснетесь, вы забудете все, что здесь произошло. Теперь спать. Спать...

Шарплесс бросился к ней и через минуту уже что-то шептал с придыханием, как монах.

Это было похоже на размытое изображение, попавшее в фокус, или на то, как холодная глина снова наполняется человеческим теплом. Что-то (разум? сердце? душа?), казалось, втекает в нее, преображая черты лица. Вики Фейн лежала, как манекен, на чьих щеках неряшливые потеки от слез выглядели нелепо.

Румянец, слабый загар и знакомая линия губ — все возвращалось. Ее дыхание было легким и спокойным, и она улыбалась во сне.

— Слава... Богу. Если кто-нибудь еще раз сделает это с ней...

Рич огляделся вокруг.

— Капитан Шарплесс, у миссис Фейн есть какие-нибудь неприятные психологические ассоциации, связанные с этим диваном?

— Проклятье, откуда я знаю?!

— Мистер Хьюберт Фейн, у нее есть какие-нибудь неприятные психологические ассоциации, связанные с этим диваном?

— Мой дорогой доктор, вы не должны спрашивать меня. — Лицо всегда элегантного и невозмутимого Хьюберта тем не менее приобрело пепельно-серый оттенок вкупе с седыми волосами. — Я не могу представить себе, чтобы кто-нибудь так сильно реагировал на неодушевленный предмет. Знает ли... Девушка знает, что произошло?

— Нет, — отрезал Рич. — А вы?

— Я начинаю догадываться, — сказал Шарплесс.

— Да, я тоже, — согласился Рич. — Кто-то подменил кинжалы. Смотрите сюда.

Он снова опустился на колени у тела Артура. С некоторым усилием и несмотря на интуитивный протест со стороны остальных, он вынул оружие из раны. Поскольку сердце перестало качать кровь, ее оказалось немного.

Нож был из очень легкой и тонкой стали с лезвием длиной около четырех дюймов. Когда Рич протер его платком, все увидели, что лезвие покрыто серебристо-серой краской, причем довольно небрежно. Узкий стержень, который по всей видимости служил рукояткой, был оклеен лоскутом мягкой черной резины.

В полумраке его можно было принять за резиновый кинжал, который они видели до этого.

— Я так и думал, — сказал Рич. — Толстая резина вокруг рукоятки, а там, где столик — темно. Когда миссис Фейн взяла кинжал, она почувствовала резину, и ее подсознание нарисовало игрушечный кинжал, о котором она слышала. Поэтому она спокойно выполнила приказ, ничуть не сомневаясь, что оружие безопасно. — Он взвесил кинжал на ладони. — Даже вес ни о чем бы ей не сказал. Кому-то придется за это ответить.

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду, — сказал Рич, положив кинжал на пол и поднимаясь, — что не могу нести ответственности. Не в этом случае. Кто-то заменил игрушечный кинжал на настоящий, тем самым заставив миссис Фейн, не сознающую того, что она делает, убить своего мужа. Это странно. Чертовски странно. Мы знаем убийцу. Но мы не знаем, кто это сделал.

Воцарилась тишина.

— Но как кто-то мог подменить кинжалы? — удивилась Энн Браунинг.

— Я спрашиваю, — повторила Энн своим тонким, но звонким голосом, — каким образом кто-то мог подменить кинжалы, а?

Все повернулись, чтобы посмотреть на нее.

Впервые они осознали ее как личность, поскольку (вспоминали они) в этот вечер она не кричала, не хныкала, не падала в обморок — не делала ничего из того, к чему они, возможно, были готовы.

Довольно сильно побледнев, она отодвинула свое кресло от тела Артура, но не очень далеко. Ее тонкие пальцы пощипывали мягкие подлокотники.

— Дело в том, что... — Она замолчала, но затем, поборов сомнения, продолжила:— Последним, кто брал кинжал в руки, был сам мистер Фейн, не так ли?

Снова воцарилась тишина.

— Так и было, — неожиданно сказал Шарплесс.

— Он сидел, — продолжала Энн, наморщив лоб, — с револьвером и кинжалом в руках. Это точно был резиновый кинжал. Я хорошо помню, потому что видела, как он вертел им, сгибая туда-сюда.

Память каждого из присутствующих обратилась к прошлому, восстанавливая образы.

— Это правда, — столь же неожиданно признал Рич. — Я видел, как он это делал.

Энн посмотрела на Рича.

— Вы еще сказали ему положить револьвер и кинжал на тот столик. Он встал, подошел к столику, положил их, и вернулся сюда.

Но с тех пор никто из нас не приближался к этому столику.

Всплывший в памяти факт был настолько ярким, настолько неоспоримым, что все промолчали. Они повернули головы к круглому столику, стоявшему посреди комнаты примерно в двенадцати футах от мягкого кресла, которое они обступили.

Энн колебалась, облизывая розовые губы.

— Пожалуйста. Я не хочу, чтобы вы подумали, что я выскочка и говорю, когда должна молчать, но смотрите:

Никто из нас не покидал того полукруга, где мы сидели или стояли. Мы оставались там, даже когда Вики уходила в другой конец комнаты. Доктор Рич не пошел за ней, он был с нами. Мы все время видели друг друга. Никто не подходил к столику. Никто из нас не мог подменить кинжалы.

Вновь возникла продолжительная пауза.

— Это правда! — выпалил Шарплесс. — Это такая же правда, как Евангелие!

Рич вымученно улыбнулся уголком рта.

— Вы настоящий детектив, мисс Браунинг, — заметил он, и краска залила его лицо. — Я не могу не согласиться. Действительно. И это означает...

Энн нахмурилась.

— Судя по всему это означает, что кто-то, кого не было в комнате, должно быть, прокрался незамеченным и...

Она замолчала. Когда ее глаза, двинувшись по кругу, остановились на Хьюберте Фейне, в них появилось испуганное выражение.

— И... — задумчиво произнес доктор Рич.

У Хьюберта Фейна одна рука лежала на спинке кресла. Он выглядел как человек, на котором судьба отработывала запрещенные приемы быстрее и чаще, чем на тех, кто этого по тем или иным причинам заслуживал больше.

— Пожалуйста, не думайте!.. — начала Энн.

Хьюберт прочистил горло.

— Ваша деликатность, мисс Браунинг, — сказал он, — наполняет меня экстазом. В то же время могу успокоить девушку. Мадам, я не убивал своего племянника. Клянусь, мне в последнюю очередь хотелось бы видеть его мертвым. Из комнаты я выходил, это правда, но правда и то, что в это время я разговаривал с липучкой Мак...

— Подождите! — призвала Энн.

Она прижала кончики пальцев ко лбу.

— Вы не возражаете? — спросила она Хьюберта.

Добрый дядюшка Хьюберт не возражал... в приватной обстановке перегнуть ее через колено и отшлепать по одному месту.

— Вы не могли подменить кинжалы, — сказала Энн, — по той же самой причине, что и остальные: вы не подходили к этому столику. Когда вас вызвали, я за вами наблюдала. Помню, вы сидели в полукруге и пошли сразу к дверям, где вас ждала Дейзи.

— И это тоже правда, — подтвердил Шарплесс.

— Сэр. Мадам. Благодарю вас. Но...

— Но, — сказала Энн, — я не понимаю, как вы — о, прошу прощения! — или кто-то другой могли это сделать потом. И когда это вообще можно было сделать, если на то пошло?

Быстрота, с которой эта тихоня взялась за дело, похоже, не на шутку ошеломила доктора Ричарда Рича.

— Когда кто-то мог войти? Я не следил за этим.

— Ну... например, дверь.

— Да?

— Дверь почти сразу за нами. Она страшно скрипит, как бы осторожно вы не пытались ее открыть. Мог ли кто-нибудь войти сюда, пройти мимо нас в тех пятнах света, которые отражает голый паркетный пол, к столику, подменить на нем кинжалы и так же незаметно проделать обратный путь?

Они мысленно представили эту картину.

— Нет, — сказал Шарплесс. — Это невозможно. Более того, могу поклясться, никто этого не делал.

Рич массировал голову.

— А окно? — предположил он.

— С таким полом? — воскликнула Энн. — И задернутыми занавесками! И...

Словно в доказательство этого, прищелкнув языком, Шарплесс направился к окнам. Как только он подошел к ним, паркетные доски, уложенные там, издали такой ужасающий скрип, что вынудили его остановиться.

Он посмотрел на белые занавески, висящие ровно и неподвижно. Он раздвинул их на одном окне и сунул голову в образовавшуюся щель.

— Это окно, — сообщил он, — находится в восьми футах от земли. У кого-нибудь есть электрический фонарик?

Хьюберт Фейн выдвинул ящик телефонного столика и достал оттуда фонарик. Шарплесс включил его. Блеснул яркий луч.

— Восемь футов высоты, — проговорил он, — Клумба внизу не примята. Никто не мог подобраться отсюда, тем более потревожить плотно задернутые занавески, преодолеть двенадцать-пятнадцать футов безбожно скрипучего пола для того, чтобы подойти к столу, — нет, всё это было бы видно и слышно. Такое просто невозможно. Идите и посмотрите сами.

Он выключил фонарик и, повернувшись от окна, провел по волосам. Высокий дьявол в черно-алом, казалось, превратился в глупого и несмышленного мальчишку.

— Только мы этого не делали, — заверил он.

— Да, — отчеканил Рич, — мы можем быть уверены, что не делали этого. Никто из нас не делал. Мы можем — как говорится — подтвердить алиби друг друга.

— Но кто-то же подменил кинжалы!

— Как? — спросила Энн.

— Вы же не думаете, что... — Шарплесс колебался. — Вы же не думаете, что Фейн сделал это сам?

— Тогда, — рассуждал Рич, — получается, он знал, на что шел и хотел быть заколотым? И фактически настаивал на этом, когда я хотел остановить эксперимент?

Они переглянулись.

Рич застегнул пуговицу на потертом смокинге и расправил плечи. Хотя он мог показаться среди них самым обескураженным, в то же время его можно было назвать и самым решительным.

— Боюсь, сейчас не время для споров, — сказал он. — Нравится нам это или нет, мы должны вызвать полицию. Предлагаю поручить эту миссию тому, кто может позвонить по телефону и здраво объяснить ситуацию. Не каждому под силу сделать такое.

— Если хотите, я могу позвонить в полицию, — предложила Энн Браунинг.

Снова все посмотрели на нее, и она опустила глаза под этим взглядом.

— Видите ли, — неуверенно объяснила она, — я... я живу в Челтнеме, но работаю в Глостере. Я личный секретарь главного констебля, полковника Рейса. Я немного разбираюсь

в таких вещах. Иногда полковник Рейс берет меня с собой, когда нужно, как он говорит, *вытянуть что-нибудь из женщин*.

Она виновато скривила губы.

— Поэтому я подумала, что, вероятно, могла бы помочь, позвонив напрямую полковнику Рейсу. Но все же мне кажется, будет лучше, если это сделает мужчина. Как вы считаете?

Рич разглядывал ее с растущим интересом. Даже Фрэнк Шарплесс наострил уши — почему раньше он не замечал эту девушку? Лицо Хьюберта Фейна выражало тайную симпатию.

— Моя дорогая юная леди, — заявил Рич с некоторой горячностью, — это ваша работа. Вот телефон. Позвоните. Но что, во имя всего разумного, вы собираетесь им сказать?

Энн закусила губу.

— Не знаю, — призналась она. — Возможно, нас ожидают не очень приятные вещи. Особенно, если они свяжутся со Скотланд-Ярдом, что скорее всего и будет, поскольку полковник Рейс не любит, когда его сотрудники создают неловкие ситуации. Но вот поди ж ты, угораздило. Понимаете, я уверена, что никто из нас не делал этого, но...

Шарплесс закончил за нее.

— Но, — довольно грубо заметил он, — вы точно так же, как и я, уверены в другом: я имею глаза. Я имею уши. Клянусь Библией, клянусь своими последними днями, ни одна живая душа не могла проникнуть сюда ни через окно, ни через дверь!

И по сути он был совершенно прав.

6

В библиотеке дома неподалеку сэра Генри Мерривейл начал диктовать свои мемуары.

Это был знаменательный момент. Г. М., чьи очки, съехавшие на кончик носа, и лысина одинаково ярко отражали падавший на них свет, непонятно каким образом втиснувший свое массивное тело в кресло, устроился за большим столом в окружении коллекции старинного оружия. Г. М. полагал, что поза Виктора Гюго, которую он избрал, самая что ни на есть подходящая для такого ответственного дела — он сидел, положив одну руку на стол и уперев в висок вытянутый указательный палец другой. Он старался не показывать, что счастлив выглядеть как великий писатель, но преуспел лишь в том, что выглядел как фаршированная индейка.

— «Я родился, — начал он с должной почтительностью, — 6 февраля 1871 года, в Крэнли-Корт, неподалеку от Грейт-Юборо, в Сассексе...»

С *этим*, подумал Филип Кортни, проблем не будет.

Кортни провел день в ничегонеделании. Он прогулялся по Променейд. Выпил кофе в «Кавендиш». Попробовал «воды»¹² и посетил музей. В девять часов, после ужина, он сел в центре на автобус третьего маршрута, и кондуктор высадил его в начале Фицгерберт-авеню.

И все же волнение не покидало его.

Фицгерберт-авеню — это всего шесть домов, но со своей землей и высоким каменным забором. Когда он проходил мимо большого белого квадратного дома, который должен был принадлежать Артуру Фейну, он задержался, чтобы рассмотреть его получше.

Спереди дом был темным. На неподвижные деревья ложились теплые летние сумерки.

12. То есть знаменитой челтнемской минеральной воды.

Он думал о любовной аванюре Шарплесса и вообще о превратностях любви, играющих с человеческим разумом в дьявольские игры. Но времени разбираться с этим у него не было. В крайнем доме, за которым начинались холмы Котсуолда, его встретил майор Адамс и проводил в библиотеку.

Там его ждал сэр Генри Мерривейл с таким зверским рукопожатием и энергичными вспышками злобной активности, что со стороны можно было подумать, будто Кортни, спешно перебиравший в уме последние события, чем-то ему не угодил. Тогда он удивился, но сейчас уже знал, что для Г. М. это была обычная манера поведения в обществе, просто таким способом он хотел показать себя радушным хозяином.

Так или иначе Г. М. занял свое место за столом, принял драматическую позу и сказал, что готов начать.

— Да, сэр?

Г. М. откашлялся.

— «Я родился, — начал он с должной почтительностью, — 6 февраля 1871 года, в Крэнли-Корт, неподалеку от Грейт-Юборо, в Сассексе. Моей матерью была Агнес Гонория Гейл, дочь преподобного Уильяма Гейла, из Грейт-Юборо. Моим отцом — несмотря на грязные слухи, ходившие в то время, — был Генри Сент-Джон, восьмой баронет Мерривейл».

Кортни издал короткий звук.

— Вы записали это? — осведомился Г. М., глядя поверх очков.

— Да, сэр. Но вы уверены, что хотите начать именно так?

Г. М. скривил рот.

— Что в этом плохого? — проворчал он. — Кто пишет книгу, вы или я?

— Просто я подумал, что это больше похоже...

— Позвольте мне решать самому, сынок, — перебил его Г. М. мрачным тоном. — Я знаю, что говорю. У меня есть особая причина начать именно так. Будь я проклят, если этой книгой я кое с кем не поквитаюсь, развеяв несколько старых недоразумений. Вы собираетесь записывать дальше или нет?

— Дело ваше. Плите!

Вернув себе удобное положение, взъерошенный Г. М. возобновил прерванный ход мыслей.

— «Эти слухи, — продолжил он, — намеренно распространял второй брат моего отца, Джордж Байрон Мерривейл, которого можно с достаточной уверенностью охарактеризовать как ублюдка и гниду. Я дам своим читателям некоторое представление о личности этого человека.

В 1882 году ему приказали держаться подальше от «Терфа»¹³; а на следующий год за карточное жульничество выперли из «Будлза»¹⁴. Женился он в девяностых, — когда, я не помню, — на Софи Трелисс, потому что у нее были деньги, а умер от цирроза печени в 1904 году, оставив двух сыновей, Роберта Бландфорта и Хьюго Парра Мерривейлов, которые ныне управляют биржевой конторой в Сити и почти такие же мошенники, как их папаша».

13, 14. Лондонские аристократические клубы. *«Время от времени появлялись грациозные силуэты кебов и профили их седоков, известных государственных деятелей и клубных светил, ехавших с визитами или в свои клубы на Пэлл-Мэлл и Пиккадилли: «Карлтон» и «Уайтс» — для консерваторов, «Реформ» или «Брукс» — для либералов, «Атенеум» — для ученых, писателей и других талантов, «Терф» — для спортсменов, «Будлз» — для любителей верховой езды, «Травеллерз» — для бизнесменов и дипломатов, где они могли пообщаться с людьми, подобными себе...»* (Барбара Такман «Европа перед катастрофой. 1890—1914», пер. И. В. Лобанова).

— Нет, так не пойдет, — сказал Кортни, ударяя по краю стола, на котором собрался записывать воспоминания великого человека.

— О, Господи возлюби Исава, что на это раз?

— Клевета.

— Чушь. Невозможно оклеветать покойника.

— Да, но его двое сыновей пока еще живы. По крайней мере, с ваших же слов.

Г. М. согласился.

— Полагаете, я немного резковат?

— Резковат? Да не успею я отпечатать первый абзац, как вам влепят иск на тысячу фунтов за моральный ущерб.

— Хорошо... сейчас, — снова задумался Г. М. — Наверное, я переборщил с откровенностью. Ладно. Я скажу вам, как мы напишем. Мы напишем: «...Роберта Бландфорта и Хьюго Парра Мерривейлов, которые ныне управляют биржевой конторой в Сити и унаследовали многие фамильные черты». — Так нормально?

— Но...

— Я не говорю о чертах их отца. Я говорю о фамильных чертах. Дьявол, говоря, что они унаследовали фамильные черты, я, получается, почти восторгаюсь ими, а?

Хотя такая точка зрения показалась Кортни ошибочной, он промолчал.

— Теперь переходим к детским годам, — резво продолжил Г. М. — «Мое детство можно было бы назвать счастливым, если бы оно не было омрачено вышеупомянутым Джорджем Байроном Мерривейлом.

Этот прохвост первым делом следил, чтобы меня вовремя водили к дантисту и постригали. Он «проверял мои уроки», спрашивая, какая столица у Бессарабии или сколько потребуется продуктов в арифметическом выражении, чтобы средней семье продержаться в течении четырнадцати лет, если какой-нибудь полудурок будет заказывать их в одной и той же лавке.

Если я давал неправильный ответ, что случалось почти всегда, он обращался к моему отцу и говорил: «Генри, мальчик воспитывается неправильно», после чего я получал трепку за то, что воспитывался неправильно. Это справедливо?»

На последней фразе Г. М. сделал по-ораторски мощный упор и посмотрел на своего слушателя, словно ожидал поощрительного ответа.

Затем он снова вернулся к своим мыслям.

— «Однако спешу обрадовать читателя тем фактом, что жизнь у Джорджа Байрона Мерривейла была не сахар. Первое, что я помню о нем, — в полтора года чуть не взорвал ему голову своим криком. В три — едва не откусил палец. В пять налил ему в шляпу горячей патоки. К семи годам прохвост сделался у меня добрым и покладистым. Сейчас я расскажу, читатель, как мне это удалось».

Выражение тайного злорадства скользнуло по лицу Г. М.

— Вы записали? — обеспокоился он.

— Да.

— Слово в слово?

— Слово в слово. Но вы уверены, что помните себя с полутора лет?

— О, я был еще тем вундеркиндом, — не без самолюбия признался Г. М. — но давайте я расскажу, как приручил дядю Джорджа.

Он набрал в легкие воздуха, показывая, что снова готов диктовать.

— «Однажды в ясный, солнечный день я открутил большое зеркало над туалетным столиком моей матери и установил его на крыше среди каминных труб. Я знал, что в этот

день Джордж Байрон Мерривейл будет ехать по дороге навстречу своей замечательной ловушке. Я поймал солнце в четырехфутовом зеркале и направил зайчик прямиком ему в лицо.

(Кортни пытался представить маленького пакостника в больших очках и с зеркалом, сидящего скрестив ноги среди дымоходов).

Гнида вынужден был остановиться. Двигаться он не мог. Вперед, назад или в сторону, куда бы он ни дергался, я находил его глаза и ослеплял. Ему это не понравилось. Известный своим мерзким языком, в тот раз он превзошел себя. Я больше не мог этого выносить. Возмущенный сквернословием ублюдка, я передвинул зеркало и направил луч прямо в правый глаз лошади».

— В глаз кого?

— Лошади, — повторил Г. М., на мгновение сбросивший свою торжественность и так же быстро вернувший ее.

— «Это было точное попадание. Благородное животное испугалось и понеслось с той скоростью, с какой сам Джордж Мерривейл удирал от кредиторов. Беззащитного Джорджа Мерривейла гнал по дороге молокосос.

Уверяю тебя, читатель, он несколько не пострадал. Однако за эту невинную эскападу, которая, согласитесь, никого из тех, кто обладает чувством юмора, не могла обидеть, меня три раза заставили носиться вокруг конюшни, прежде чем я получил самую страшную головомойку в своей жизни. Это справедливо?»

Он остановился.

— Откровенно говоря, — ответил Кортни, поскольку вопрос, видимо, адресовался ему, — да.

— О! Хм, вы так думаете?

— Если вам не безразлично мнение скромного стенографиста. Вы получили по заслугам как самый дерзкий маленький хулиган, который когда-либо вставал на его пути.

— О, я не был слюнтяем, — заметил Г. М. с мрачным удовольствием. Он засунул большие пальцы в проймы своего жилета.

— «Теперь я хотел бы остановиться на эпизоде с будильником и кремом для бритья в том плане, что когда будильник звенел, он начинал пузыриться, как пивной кран. Или, возможно, моим читателям будет интереснее услышать...»

— Простите, сэр, но кроме своего дяди Джорджа вы больше никого не мучили?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, я просто хочу немножко заглянуть вперед, вот и все. По логике ваш читатель вправе ожидать, что к пятнадцати годам вы были готовы дать ему яд.

— Сказать по правде, — кивнул Г. М., — я подумывал об этом. Я тогда недолюбливал этого упыря, не люблю и сейчас. Это доставило мне столько радости, сынок. Ха-а! Когда я начал...

— И с той поры вы обнаружили в себе, что проявляете интерес к преступлениям?

Г. М. выглядел озадаченным.

— Преступлениям?

— Я имею в виду, что ваш успех в раскрытии уголовных дел был связан не только с Военным управлением?

— О, сынок! — сказал Г. М., мрачно качая головой и переводя взгляд на своего собеседника. — В этом нет ничего интересного.

— Нет, сэр?

— Нет. Скажу вам прямо, с некоторых пор я перестал интересоваться уголовными делами. Я ими больше не занимаюсь. Я бы не стал касаться этой темы, если бы...

— Вас спрашивают по телефону, — прервала его тощая пожилая горничная, заглядывая в комнату.

— А?

— Глостер, говорю, на проводе. Офис главного констебля.

Г. М. бросил сердитый, полный глубокого подозрения, взгляд на своего гостя, но Кортни сделал невинное лицо. Г. М. ненавидел телефоны и главных констеблей. Он вышел в холл и взял трубку. Кортни слышал, как старик кричал в аппарат, словно сержант-майор на плацу.

— Слушайте, Рейс, я же *сказал* вам, что цианид был в вязальной сумке, и если вы арестуете эту, как ее...

Пауза.

— Какое еще другое дело?

— Рейс, говорю вам, я не могу! Сожгите меня, я чертовски занят. Я диктую свои...

— Если вы думаете, что вас что-то смущает, позвоните в Скотланд-Ярд!..

— О, так вы собирались? Тогда, черт возьми, при чем тут я?..

— Что значит *очередная невозможная ситуация?*..

С другого конца провода, похоже, шел длинный поток информации.

— И что теперь?..

— И как зовут этого парня, которого убили?..

— Давайте по буквам. О! Ф-е-й-н! Артур Фейн.

Филип Кортни вскочил на ноги. Трубка, которую он набивал, выпала из его рук и с шумом ударилась об стол.

За прошедший час ему пришлось пережить шквал эмоций. Во-первых, необходимо было сохранять ученый вид и воздерживаться от шуточных замечаний перед царственным ликом Г. М.

Во-вторых, ему казалось, что человек должен умереть и быть погребенным, чтобы не мог найти подобные мемуары удовлетворительными, при условии, что сам Кортни не был сумасшедшим, а клевету, скандальность и оскорбления удалось бы свести к минимуму.

Но сейчас...

И он снова услышал, как Г. М. орал в трубку.

— Хорошо. Хорошо. *Хорошо!* Одно условие, Рейс. Вашим человеком из Лондона должен быть Мастерс. Старший инспектор Мастерс...

— Да, это всё. Введите его в курс ваших проблем, а я подскочу позже...

— Ну что, я могу надеяться?..

— Тогда все нормально. Ладно, я уже выхожу, если вам не сидится. Хорошо. Хо-хо. До скорого!

Телефонную трубку с треском повесили на рычаг.

Когда Г. М. вернулся в библиотеку, у него был несколько растерянный вид, хотя он всё еще сохранял свою воинственность. Его большой живот с внушительной золотой цепью от часов жил собственной свирепой целеустремленностью.

— Берите шляпу, сынок, — сказал он, — и следуйте за мной.

— Куда?

— Тут недалеко, — настойчиво зазывал Г. М., чья свирепость сменилась медовыми нотками. — Адвоката по имени Артур Фейн прикончила собственная жена.

— Боже всемогущий!

— Но, похоже, есть некоторые сомнения в том, кто это сделал. — Внезапно Кортни почувствовал на себе острый взгляд маленьких пронзительных глаз, блеснувший из-под очков и заставивший его подпрыгнуть.

— В чем дело, сынок? — удивленно спросил Г. М. — Вы ничего об этом не знаете, не так ли?

— Нет, но ваша автобиография...

— Наполеон, — заметил Г. М., — мог делать пять или шесть дел сразу. У меня есть хороший шанс заняться двумя. Пошли. Дайте срок разобраться с этим, и вы не успеете оглянуться, как я снова буду сидеть перед вами и диктовать.

Кортни хотел было сказать Г. М., что это самая безумная идея, которую он когда-либо слышал, но сдержался и подумал о Фрэнке Шарплессе. В конце концов, что он теряет?

— Но я не могу туда врываться!

— Вам можно, — спокойно ответил Г. М. — Полковник Рейс сказал, что там его секретарша. Девица Энн Браунинг. Рейс утверждает, что у этой девчонки варит котелок, и она знает пару вещей. Ерунда. Никогда еще не встречал секретарш с мозгами, кроме, конечно, своей Лоллипоп, но она другое дело. И все же интересно послушать, что скажет эта девочка.

— Хорошо...

— Давайте, надевайте свою шляпу, — Г. М. покрутил головой. — Где она?

У Кортни не было шляпы, но после того, как Г. М. схватил с вешалки жуткого вида панаму, он проследовал за бочкообразной фигурой в холл, а оттуда в жаркую, серебряную, лунную ночь.

Прохожие, оказавшись они на улице с раскидистыми вязами, поразились бы тому странному горловому, самоуверенному голосу, который разносился сейчас под кронами деревьев. Он был похож на голос пророка в экстазе или бас чревоуещателя.

— «А теперь, — внезапно вынырнул он из-под вязов, — я хочу дать своим читателям некоторое представление о политической ситуации, сложившейся в 70-80-е годы, и том пристальном внимании, которое я уделял ей уже тогда...»

7

— Положи ее сюда, — сказал Фрэнк Шарплесс, указывая на кровать.

Какие бы планы Филип Кортни не вынашивал в этот день на половину десятого вечера, он вряд ли мог представить, что будет подниматься вверх в чужом доме с бесчувственным женским телом на руках и шушукующейся полицией внизу.

Но он поднимался.

Когда он и Г. М. вошли в железную калитку с неподходящим для квадратного белого дома названием «Гнездо», вплетенным в прутья решетки, они увидели открытую парадную дверь и зажженный в холле свет.

За дверью стоял Шарплесс и препирался с инспектором полиции Глостершира, держа на руках поникшую фигуру в фиолетовом платье с широкими рукавами и пышной юбкой.

— Она никуда не сбежит, — уверял Шарплесс. — Позвольте хотя бы отнести ее вверх и устроить поудобнее.

Инспектор раздумывал.

— Хорошо, сэр. Но одна нога там, другая здесь, слышите? — Он повернулся к вновь прибывшим. — Вы, без сомнения, будете сэр Генри Мерривейл? — Он приветственно кивнул Г. М. — Инспектор Эгню. Полковник Рейс сказал мне поджидать вас. Будьте добры пройти сюда, сэр.

Планировка дома была простой. К холлу с каждой стороны прилегало по две длинных комнаты: передняя и задняя гостиные располагались слева, кухня была устроена в дальнем конце. Жест инспектора Эгнью указывал на библиотеку. Из задней гостиной доносились голоса.

— Нет, — резко прозвучал голос Г. М., — сейчас я делать этого не буду. Утром придет Мастерс и всех допросит. А вот вас, сынок, я бы послушал. Вперед.

— Фил, — быстро произнес Шарплесс, — можно тебя на минутку?

Инспектор Эгнью и Г. М. прошли в библиотеку. Кортни, получив от последнего одобрителный кивок и пронизывающий взгляд, остался с Шарплессом, который, казалось, не удивился, увидев друга. Во всяком случае, не подал виду.

— Держи Вики, — распорядился он, — и следуй за мной.

А она хороша, подумал Кортни, чертовски хороша. Неуклюже и с некоторым трепетом он нес ее наверх, где Шарплесс уже искал выключатель.

Верхний этаж, построенный по тому же принципу, что и нижний, состоял из шести спален и двух ванных комнат. Шарплесс открывал двери и пробовал включать свет, пока не нашел то, что, по-видимому, было комнатой Фейнов — просторное помещение с правой стороны в передней части дома.

В приятной на вид спальне мужской и женский вкусы столкнулись в ужасной схватке. Небольшой белокаменный балкон выходил на лужайку. Кленовая мебель, подобранный в тон ей коричневый ковер, темно-розовые занавески.

— Положи ее сюда, — сказал Фрэнк Шарплесс, указывая на кровать.

Когда Корни освободился от ноши, Шарплесс закрыл дверь, и они посмотрели друг на друга.

— Фрэнк! — начал Кортни. — Ради...

— Ш-ш!

— Хорошо, но объясни, что здесь происходит? Что с ней? Если это обморок, просто обрызгай ее водой, и она придет в себя.

Шарплесс рассказал ему. На столике рядом с кроватью тикали часы; ночник с абажуром из какого-то розового стекла с зеркальным основанием отбрасывал свет на безмятежное лицо Вики Фейн; слабый ветерок играл листвой деревьев на краю лужайки и шуршал занавесками. Шарплесс не упустил ни одной подробности. Кортни не сводил с него глаз.

— Скажи, Фрэнк, вы там случайно не рехнулись?

— Нет.

— Вы все поклялись, что никто из вас не мог подменить резиновый кинжал настоящим?

— Это правда.

— И в то же время все вы знаете, что подобраться снаружи было невозможно?

— Да, я сам доказал это.

— Тогда, — заключил Кортни, — я могу сказать только одно — ищи доказательства обратного и как можно быстрее.

— О? Зачем?

— Послушай, ты разумный человек, раскинь мозгами и подумай! Ты еще не разлюбил эту девушку?

На этом месте должен был случиться поток пылких уверений, но Шарплесс вместо слов подошел к кровати и сжал руку Вики.

— Хорошо, — сказал Кортни. — Ты понимаешь, что теперь она твоя? Ее муж мертв. Это мотив. М-о-т-и-в, мотив. Если ты докажешь, что кто-то пробрался в дом, тогда все в

порядке. Ты в безопасности. Но если полиция поймет, что этот кто-то был в комнате...

Шарплесс отпустил руку Вики и медленно обернулся.

— Ей-богу, Фил, — воскликнул он, впечатывая правый кулак в ладонь левой руки. — Я не подумал об этом.

— Теперь придется думать.

— Но зачем? Проклятье, они не могут подозревать меня, впрочем, как и Рича с девчонкой Браунинг, если на то пошло. У нас алиби с небоскреба.

— Ты в этом уверен?

— На сто процентов.

— Ну, просто я видел, как ты слишком горячо убеждал в этом полицию, вот и все. Послушай. Строго между нами, это не ты?..

Загадочная улыбка промелькнула на лице Шарплесса, заставив его тем же загадочным образом выглядеть старше.

— Нет, — ответил он. — И потом, как бы мне это удалось? Я не призрак и не супергерой, что бы ни думало обо мне начальство королевских саперов. — Он сверился со своими наручными часами. — Фил, мне нужно спускаться, иначе инспектор устроит скандал. Ты побудешь с ней?

Волосы на пуританской голове Кортни встали дыбом.

— Я не могу оставаться здесь!

— О, да, ты можешь! И тебе придется, — Шарплесс становился отчаянно серьезным. — Послушай меня. Сегодня утром ты откровенно издевался над моими предчувствиями. Но здесь *произошло* нечто странное, что не вышло наружу, и происходит до сих пор. Я чувствую запах. И пока я чувствую его, Вики должна оставаться в надежных руках.

— Ерунда! Ты думаешь, кто-то может попытаться...

— Однажды я оказался прав, и, боюсь, ситуация может повториться. Ради бога, не возражай. Я всего-то прошу тебя побыть с ней, пока меня не будет. Не так уж и много. Что может помешать честному человеку выручить старого друга еще раз?

— Хорошо-хорошо.

— Спасибо, старик, а теперь, — сказал Шарплесс, поправляя бабочку, — на суд великой инквизиции. Постараюсь не задерживаться. Чувствуй себя как дома.

Совет «чувствовать себя как дома» в сложившихся обстоятельствах определенно был не самым удачным.

После того, как за его товарищем закрылась дверь, Кортни мрачным взглядом окинул комнату. Парчовое кресло его не впечатлило. Он заставил себя пройтись вдоль стен, рассматривая картины, но на этом этаже имелись свои скрипучие полы, и все его расхаживания могли быть истолкованы как несанкционированное вторжение.

Он слышал тиканье часов и тихое, ровное дыхание Вики Фейн. Бесспорно, она хороша собой, но лучше быть повешенным, рассудил он, чем дать какой-нибудь женщине вовлечь *тебя* в скандал.

Между окнами стоял письменный стол со следами деловой активности Артура Фейна. Аккуратно раскрытые листы банковской книги придерживала линейка. Кортни отметил, что на текущем счету Фейна в «Capital & Counties Bank» лежало две тысячи двести фунтов, и спешно отвел глаза. С мыслью о том, зачем держать такую большую сумму на текущем счету, когда ее можно было положить под проценты, он переступил порог французского окна и вышел на балкон.

Через две минуты дверь спальни медленно приоткрылась.

Кортни, ушедший с головой в теплую, напоенную ароматами трав ночь, возможно, и не услышал бы, как она отворилась, если бы не крайняя степень осторожности, с которой это было сделано, чтобы избежать скрипа. Но вышло все наоборот.

Он обернулся.

Девушка с золотистыми волосами и лицом, обожаемом прерафаэлитами¹⁵, осторожно ступая, вошла в комнату.

Она бросила через плечо мимолетный взгляд в холл и закрыла дверь.

Ум Филипа Кортни, свободного в свои тридцати три от привязанностей, отметил две вещи. Во-первых, судя по описанию это была Энн Браунинг, про которую Шарплесс однажды сказал, что она «ничего особенного», а ее начальник — что она «знает пару вещей». Во-вторых, за те же тридцать три года он ни разу не видел столь желанного объекта.

Он не отрываясь смотрел на нее.

Белое платье, строгое и длинное, подчеркивало ее хрупкость и привлекательность. Она огляделась вокруг и убедилась, что комната пуста. Кровать изголовьем смотрела прямо на окна. Обогнув ее слева, она подошла к туалетному столику, стоявшему наискосок в углу.

Кортни, готовый к извержению из себя любых звуков, но чьи слова застряли в горле, стоял не шелохнувшись.

Туалетный столик был оборудован большим круглым зеркалом. Освещенное ночником, в нем отразилось лицо Энн — покрасневшие щеки и бегающие глаза. Казалось, она что-то ищет, но спина скрывала движения рук. Кортни услышал дребезжание стекла и звук, похожий на перемешивание шпилек в жестяной банке.

Дверь в холл снова открылась.

— Ой! — вскрикнула Энн и выпрямилась.

Человек, который вошел, казался таким же испуганным, как и она.

Он медленно отпустил дверную ручку. Часы продолжали тикать, под их мерный ход в комнате появился еще один персонаж — Джон Булль, человек со странными волосами. Такую характеристику Кортни дал доктору Ричарду Ричу.

— Надеюсь, я не помешал? — вежливо спросил доктор низким бархатистым голосом.

— О,нисколько, — улыбнулась Энн, и Кортни увидел в зеркале ее профиль: плавную линию подбородка, тонкую округлую шею. — Я подумала, что забыла здесь свою пудреницу. Но, похоже, это не так.

— Я часто замечал, — улыбнулся Рич с той же медитативной учтивостью, — что пудреница для женщин служит наилучшим оправданием. Мы, мужчины, не имеем ничего столь же убедительного. — Его тон изменился. — Мисс Браунинг, неужели вы сомневаетесь, что миссис Фейн находится под гипнозом?

— Я не понимаю, о чем вы?

— Дайте мне булавку, пожалуйста, — Рич протянул руку.

— Булавку?

— Ту, что у вас в руке.

Подойдя к остолбеневшей Энн, он осторожно взял из ее пальцев булавку. Когда он обернулся, едва заметное облегчение промелькнуло на его лице.

Рич склонился над лежащей на кровати женщиной. Расстегнув две маленьких застёжки на манжете, он откинул рукав ее фиолетового платья почти до самого плеча, и Кортни увидел, как булавка, поймав свет, ярко блеснула в воздухе.

— Показываю, — сказал Рич.

15. Направление в английской поэзии и живописи во второй половине XIX века, провозгласившее духовное родство с флорентийскими художниками эпохи раннего Возрождения, то есть художниками «до Рафаэля и Микеланджело».

Он поднял своей левой рукой обмякшую левую руку Вики, оттянул кусочек тугой плоти и вонзил в него острие булавки. Затем подушечкой большого пальца правой руки он протолкнул острие дальше, не задев ни одного кровеносного сосуда, и когда оно вышло наружу, застегнул булавку.

Кортни показалось, что у Энн вот-вот брызнут слезы. Странная аура зла сопровождала эту демонстрацию, необходимость которой до сих пор оставалась загадкой. До этого ни словом, ни действием, ни чем-либо вообще Вики не дала усомниться в своем глубоком, спокойном сне. Рич отработанным движением осторожно снял булавку.

— Двести лет назад, — прокомментировал он, — за такое ее не задумываясь повесили бы как ведьму. Слава богу, мы менее суеверны. Или нет? — Он обернулся, улыбаясь. — Вам лучше спуститься вниз, мисс Браунинг. Я собираюсь разбудить миссис Фейн. Мне не доставляет это удовольствия, но...

Энн подошла к двери.

— Я действительно приходила за своей пудрицей, — заверила она его и вышла.

Резкий поворот ключа прозвучал как сигнал к действию. Красная полоса пересекла лоб Рича. Он несколько раз прошелся туда-сюда по комнате, что-то бубня себе под нос. После очередного круга, повернувшись спиной к туалетному столику, он с глубоким вздохом остановился у кровати и склонился над Вики.

— Виктория Фейн.

Никаких изменений или признаков пробуждения.

— Виктория Фейн. — Мягкий, шепчущий голос вибрировал; вибрации достигли дальних пределов комнаты и рвались за дверь наружу.

— Вы слышите меня, Виктория Фейн, вы еще не проснулись, но слышите мой голос, ваш ум ясен. Вы помните всё, случившееся до сегодняшнего вечера. Я хочу, чтобы вы сказали мне одну вещь. Но только откровенно. Вы поняли?

Фигура на кровати застонала.

Это был простой выдох, но прозвучал он довольно четко. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Рич заговорил снова:

— Виктория Фейн, вы ненавидите своего мужа?

— Да... Нет... Да.

Глаза оставались закрытыми, губы едва шевелились, но борьба вернулась.

— Почему вы ненавидите своего мужа?

— Потому что он убил человека.

Рич не двигался, склонившись над кроватью и опираясь одной рукой в коричневое стеганое покрывало. Его пальцы сжались в кулак.

— Какого человека?

— Девушку, Полли Аллен. Здесь.

При упоминании имени кулак Рича сжался еще сильнее, а затем наступило расслабление. — Здесь? В этой комнате?

— Нет, внизу.

— Где внизу? В задней гостиной?

— Да!

— Как он убил ее?

— Задушил.

— Он задушил ее на диване?

— Да!

Снова глубоко вздохнув, Рич выпрямился. Он кивнул себе, словно увидел ясную картину.

Кортни, надо признаться, испытал нечто вроде приступа нервной дрожи. Обычная спальня состоятельных людей, ничем не отличаясь от десятков тысяч других таких же спален в Англии, составляла контраст по глубинам насилия, по безобразности сюжетов под респектабельным соусом.

— Связана ли песня «До дна очами пей меня», — продолжал Рич, — с тем, что он сделал?

— Нет!

— Тогда что она означает?

Ответа не было.

— Вы должны отвечать мне. Она с кем-то связана?

— С Фрэнком Шарплессом.

— Вы влюблены в Фрэнка Шарплесса?

— Да, да, да.

Рич поднес маленькие руки к своему лицу, прижав кончики коротких пальцев к глазам. Еще раз кивнул себе головой. Побеспокоенные колечки волос шаркнули по воротничку.

— Кто-нибудь еще знает о Полли Аллен кроме вас?

— Да, Артуров...

Кто-то подергал ручку двери, затем раздался резкий стук.

Рич, бормоча проклятия, бросился отпирать дверь. Снаружи стояли сэр Генри Мерривейл, инспектор Эгню и Фрэнк Шарплесс. Строгим и невозмутимым тоном Рич приветствовал компанию.

— Входите, господа. Я как раз собирался разбудить миссис Фейн, но, пожалуй, лучше сделать это при свидетелях. Ваша полицейская форма, инспектор, думаю, сейчас не кстати.

Инспектор Эгню с подозрением воззрился на него.

— Не волнуйтесь, сэр. Я уйду. Сэр Генри хотел поговорить с вами внизу, если это удобно. Да, и вот еще что. Капитан Шарплесс считает своим долгом известить миссис Фейн... ну, он считает, что лучше это сделать ему, чем нам.

Шарплессу, кажется, это не понравилось.

— Я этого не говорил, — запротестовал он. — Я сказал только, что лучше это сделать другу, чем человеку со стороны. — Он прошел в спальню, юркнув между инспектором и Г. М. Оглядевшись вокруг, он остановился возле кровати. — Привет! А куда подевался Фил Кортни?

— Кто, сэр?

— Фил Кортни, парень, которого я оставил здесь пятнадцать минут назад.

И тогда Кортни сделал то, что, по его мнению, должен был сделать. Возможно, он повел себя недостойно, неоправданно и даже глупо, но прежде чем кто-либо успел обнаружить его присутствие или просто начать его поиски, он схватился за перила балкона и мягко спрыгнул на газон.

Со временем Кортни понял, что поступил правильно. Он, конечно, действовал по обстоятельствам, но тогда это выглядело как форменное безумие.

Слепой инстинкт подсказывал ему, что он должен удалиться со сцены, чтобы взять

время на раздумье, пока воочию не увидит плоды того, о чем совсем недавно узнал.

Он приземлился на клумбу слегка неуклюже, но почти без шума. Сидевший в нем консерватор получил чувствительный удар. Теперь все события вечера сконцентрировались у него вокруг девушки, которая с пугающим эффектом двигала его импульсами так, что ему пришлось удирать с двойной энергией застигнутого врасплох взломщика и разоблаченного Ромео.

Благодаря счастливой случайности его никто не видел. Поэтому он мог спокойно подойти к крыльцу, подняться по ступеням и войти в дом через парадную дверь как ни в чем не бывало.

Холл был пуст.

Ну и что же он *узнал*? Разумеется, ничего компрометирующего Вики Фейн и Фрэнка Шарплесса. Богач Артур Фейн душит в своем богатом доме девушку по имени Полли Аллен и предположительно избавляется от тела. Его жена узнает об этом. Но если она, узнав об этом, хотела убрать Фейна со своего пути, чтобы выйти замуж за Шарплесса, зачем убивать? Они с Шарплессом просто сдали бы его полиции, а дальше руками государственного палача гарантированно избавились бы от препятствия.

За этой мыслью его застали спускающиеся по лестнице Г. М., инспектор Эгню и доктор Рич. Последний из них выказывал признаки недовольства.

— Говорю вам, миссис Фейн обессилена, — протестовал он. — Она находится в гораздо более худшем состоянии, чем я предполагал. Она почти не ориентируется в пространстве, не сознает, где она и что с ней. Вы считаете, что у молодого человека достаточно опыта, чтобы справиться с ней?

— Ну, сэр, главное, она проснулась, — ответил Эгню. — В любом случае перед уходом сэр Генри хотел бы поговорить с вами.

— Надо же, — заметил Рич, стряхивая невидимую пыль с рукавов своего пальто. — А мне хотелось бы с ним.

Он замолчал, когда все трое заметили Кортни.

— А вот и пропажа, — хмыкнул Г. М., глядя вверх своих очков. — И где же вы были?

— Немного прогулялся на свежем воздухе. Миссис Фейн, похоже, не очень любит сиделок. Надеюсь, с ней все в порядке.

— Нет, — отрезал Г. М., — не в порядке. Ей плохо, хуже не бывает. Как еще может чувствовать себя человек после таких безобразий? Неважно. Что это за комната?

Он мотнул головой в сторону двери в дальнем конце холла с правой стороны, прямо напротив задней гостиной.

— Столовая, сэр, — ответил Эгню.

— Можем ли мы занять ее?

— Не вижу причин воспрепятствовать этому.

Эгню открыл дверь и включил свет. У буфета они застали врасплох дядюшку Хьюберта, который под покровом темноты приложился к отборному ликерному бренди своего племянника. Пил он прямо из горлышка.

Хьюберт нисколько не смутился. Он отставил бутылку, одним ударом ладони вернул пробку на место и вытер губы платком, после чего, изобразив что-то среднее между кивком головы и церемониальным поклоном, молча удалился из комнаты.

— Господи возлюбил Исава, — спросил Г.М., подталкивая очки вверх, — кто это был?

— Мистер Хьюберт Фейн, сэр, дядя скончавшегося мистера Фейна.

— А, дядя? — протянул Г. М. Его глаза шарили по торчащему из кармана Кортни блокноту. И вдруг в нем проснулось сильнейшее любопытство. — Значит, это его дядя. Так, так, так. Очень интересно. Я не думаю, что его когда-либо предупреждали держаться подальше от «Терфа», нет?

Эгнью поспешил вклинуться в этот словесный поток.

— Я не знаю, почему вы так говорите, сэр Генри, но дело в том, что человек, вызвавший мистера Хьюберта Фейна сегодня вечером, был букмекером.

— Правда? — заметил Г. М., размышляя с мрачно-зловещим выражением, от которого лицо его, казалось, все вытянулось, но оставалось непроницаемым. — Нет, — продолжил он. — Нет, ни здесь, ни во всем мире не может быть двух таких жуликов. Я должен подумать.— Он обернулся. — Вы, сэр... вы доктор Рич?

— Совершенно верно.

— Присядем?

Столовая находилась в одинаковых пропорциях с задней гостиной. С потолка свисала электрическая люстра, стилизованная под натуральные свечи. Мебель, подлинный якобинский гарнитур, демонстрировала богатую деревянную резьбу, выделяющуюся черным цветом на фоне кремовой штукатурки стен. Над буфетом с серебряной посудой и чашей с фруктами висела картина — голова ребенка восемнадцатого столетия легла на дерево, чью тонко выписанную сеть морщин уловил свет.

Рич выдвинул один из стульев с высокой спинкой и сел.

— Одну минуту, — сказал он и, положив руки на колени, уставился на них. Выглядел он скалой. — Прежде чем вы начнете задавать свои вопросы, я должен сказать вам... Должен уведомить вас, — продолжил он, поднимая глаза, — что по закону я не имею права называться доктором.

— Так, — произнес Г. М. бесцветным голосом. — По какой причине?

— По причине того, что восемь лет назад мое имя вычеркнули из Медицинского Реестра. Вы, конечно, раскопаете это.

— Вычеркнули за что?

Рич замешкался. Он кивнул в сторону Кортни и инспектора Эгнью.

— Это ваши люди?

— Да.

— Надеюсь, то, что я вам скажу, не пойдет дальше этих стен... Пойдите! Если только, конечно, это не будет фигурировать в качестве доказательства.

— Не волнуйтесь, сэр, — ответил Эгнью, — думаю, в любом случае вы можете рассчитывать на нашу порядочность.

— Меня обвинили, — продолжил Рич, не поднимая глаз, — именно в том, о чем капитан Шарплесс совершенно без задней мысли (я надеюсь) упомянул прошлым вечером. Когда я практиковал в качестве психиатра, меня обвинили в том, что я воспользовался бессознательным состоянием леди, находящейся под гипнозом.

— Так, — сказал Г. М. — Это правда?

— Это *не* правда. Обвинение было ложным, — ответил Рич. Его руки тряслись, слова давались с большим трудом. — Каждый медик сталкивается с подобными опасностями. Глуп тот врач, который практикует гипноз без свидетеля. Позвольте мне объяснить. Некоторые дантисты, например, отказываются применять анестезию в случае с пациентом-женщиной в отсутствие помощника. Помощник тот же свидетель. — Он поднял глаза. — Я говорю о медицинских аспектах. Вы меня понимаете?

— Да, сынок. Очень хорошо понимаем.

Рич сделал жест.

— Я был счастлив в браке с двумя детьми. После развода детей забрала жена. — Он взял паузу и снова сделал жест. — Я даже не понял, в чем обвиняюсь. Если бы речь шла о Хьюберте Фейне, против которого было выдвинуто обвинение в том, что... но что теперь об этом говорить. В общем, это означало крах. В буквальном смысле гибель.

— Вас действительно зовут Ричард Рич?

— В настоящее время — да, но тогда у меня было другое имя. Ричард Рич — это мой псевдоним. Я взял его для выступлений на сцене.

— На сцене?

Рич пожал плечами.

— Ну, человек должен чем-то зарабатывать на жизнь. Сцена стала для меня единственным способом применить свои профессиональные навыки. Дешевым, если хотите, способом, но законным. Я очень хороший гипнотизер. Это был мой номер. Я показывал его тысячу раз, показал и сегодня вечером, я никогда не меняю его, и провалы случаются редко. Вот как получилось, что у меня оказался револьвер со специально изготовленными пулями-обманками.

— Вы демонстрировали это на сцене?

— На сцене редко. На сцене я использовал стандартную, более избитую рутину¹⁶, иногда с девушкой-ассистентом по имени... — Он махнул рукой. — Впрочем, неважно. Как правило, я выступаю с этим номером в частных домах, на концертах, рождественских вечеринках и тому подобных мероприятиях. В большом зале он смотрится не столь эффектно. По настоянию капитана Шарплесса я согласился выступить сегодня вечером, потому что...

— Потому что?

Рич снова пожал плечами.

— Ну, потому что обещался еще один хороший ужин. Очень редкая по нашим дням вещь.

Он почистил рукав пальто и затолкал назад рубашечную манжету с левого запястья.

— Так. Вы имели успех?

— Идея, — откровенно признался Рич, — сама схема, полагаю, была превосходной. Я и сейчас так считаю. Я сам ее разработал. Я думал, что это будет бомба. Поскольку идея выглядела многообещающей, я мог ручаться, что она не провалится, но...

Г. М. поднял брови, воспользовавшись паузой Рича.

— Но концертов было не так много, и я не принял во внимание еще одну проблему. Пару раз... — Тень улыбки прошла по его лицу, несмотря на напряженный взгляд и красные пятна на лбу. — Один или два раза, к сожалению, любящая жена нажала на курок. Результат: на тот момент неописуемый восторг. Но если вы спросите, понравилось ли сие жене и мужу, изъявили ли другие люди, когда пошла молва, горячее желание, чтобы я тоже поэкспериментировал с ними, то я отвечаю: нет. У моего трюка был один большой недостаток. Это был не трюк. Это работало по-настоящему.

Вздыхнув, Рич оглядел свою рубашку, хлопнул ладонями по коленям и коротко резюмировал:

— Говорите, успех? Разве по мне видно?

Наступила тишина.

Г. М., нахмурившись, развернулся и тяжелой походкой направился к окнам в конце комнаты. Подойдя к ним, он уставился на розарий, купающийся в серебряном свете луны.

Филип Кортни не мог не почувствовать откровенной симпатии к подавленному коротышке, сжавшемуся в кресле. Все, что говорил Рич, звучало искренне. В самом деле складывалось ощущение, что перед вами открытая и довольно простодушная натура.

16. Рутинa — в иллюзионизме совокупность последовательных взаимосвязанных манипуляций (действий) или небольших трюков, формирующих сложный многоэтапный фокус или единый номер.

Он не упомянул некоторые факты, которые услышал от Вики, когда она была под гипнозом. Он не передал эту информацию полиции, во всяком случае, пока. Но ведь и сам Корни не сделал этого. И вполне возможно, что Рич не распространялся из чувства обыкновенной порядочности.

Г. М. повернулся.

— Знаете, — сказал он Ричу, — вы ответили практически на все вопросы, которые я хотел задать вам. Я имею в виду ваши полномочия.

— Я могу предоставить то, что *является* моими полномочиями. Мое шоу не махинация, если вы об этом.

— Я вам верю, — кивнул Г. М., — и не думаю, что это мошенничество. — Уголки его рта устремились вниз. — Не напоминайте, кто настоял на том, чтобы вы провели этот эксперимент?

— Капитан Шарплесс.

— Да, но кто привел вас сюда?

— Хьюберт Фейн.

— О, он сам предложил сделать это?

— Нет, это вышло случайно. Надо отдать Хьюберту должное: как только он видит для себя что-то обстоятельное, отвечающее его внутреннему комфорту, он тут же не прочь оказать кому-нибудь дружескую услугу. Я знал его еще с тех времен, когда был уважаемым врачом. Затем он уехал в Кению или еще куда-то, как я тогда думал, делать деньги. — Рич поморщился. — Я молил Бога оказаться на его месте.

Г. М. проигнорировал последнее замечание.

— Как часто вы выступаете?

— О, от случая к случаю, на протяжении трех или четырех лет.

— Где?

— По всей стране.

— Понятно. Кто-нибудь из присутствующих на ваших представлениях знал о том, *что* вы будете использовать, *что* вы будете делать, и сколько времени вам для этого понадобится?

— Да. Думаю, да.

— Хм. Теперь вот что. вспомните, вы раньше встречали кого-нибудь из сегодняшних гостей на своих представлениях?

Рич вытер лысину.

— Мой дорогой сэр, это почти невозможно установить. Не могу сказать. Насколько мне известно, кроме Хьюберта, ни с кем из этих людей до сегодняшнего вечера я не встречался. Вот почему.. — Тон его сделался раздраженным. — Надеюсь, вы не собираетесь подозревать меня в заговоре против мистера Фейна? Право, я не мог убить человека, которого видел в первый раз! Что касается остальных, присутствовали ли они на одном из моих сеансов, то уж тут, извините, могу разочаровать вас — не припомню. В то же время...

Дверь в холл открылась, и Энн Браунинг призраком скользнула внутрь, но не настолько, чтобы это было незаметно для ее белого платья.

Подняв легкий ветерок, чуть смущенная, она прошмыгнула за спину инспектора Эгню, села там на стул и приготовилась слушать.

Г. М. уставился на нее.

— Оп! — негалантно вырвалось у него. — Оп!

— Это мисс Браунинг, сэр Генри. Я вам рассказывал о ней, — объяснил Эгню. — Личный секретарь полковника Рейса. Полковник разрешил ей находиться здесь для

персонального отчета.

Лицо Г. М. побагровело.

— О, она... Так это она?

— Надеюсь, я не помешала? — сказала Энн взволнованным голосом, от которого растаял бы кто угодно. — Я не побеспокою вас, серьезно, совсем не побеспокою. Вы не возражаете, если я просто посижу здесь и послушаю?

— Сэр, учитывая, что здесь уже присутствует ваш личный секретарь, — вставил Эгню, кивнув в сторону Кортни с блокнотом в кармане.

— Я не... — огрызнулся Кортни.

— Помолчите, — злобно прикрикнул на него Г. М.

Кортни собирался исправить ошибку, но осекся, поймав на себе взгляд Энн Браунинг. В нем был живой дружеский интерес: распахнутые глаза, полуулыбка на губах. И ему сразу стало тепло.

— Слушайте! — Г. М., стукнув кулаками по ляжкам, окинул всех сердитым взглядом. — Если хотите, чтобы я побыстрее вас отпустил, дайте мне поговорить спокойно две минуты. — Он посмотрел на Рича. — Вы сказали, что не помните, встречались ли вы с кем-нибудь из этих людей. Потом вас прервали на фразе: «В то же время...» Что «в то же время»?

Рич нахмурился.

— Я рад, что мисс Браунинг здесь, поскольку у меня есть ощущение, что я ее уже где-то видел, если можно так выразиться. Или это была миссис Фейн? Не могу ручаться.

— Видели ее где?

— Не знаю.

— На одном из своих представлений?

— Честное слово, затрудняюсь сказать.

Г. М. повернулся к Энн.

— Вы когда-нибудь видели этого человека? — спросил он, взмахнув рукой.

Энн выглядела озадаченной.

— Нет, я почти уверена, что нет, — улыбнулась она. — В противном случае моя память должна была подсказать мне, что это доктор Рич.

— Мисс Браунинг, как минимум, не склонна к доверчивости, — заметил Рич с миролюбивым выражением лица. — Как я успел заметить, она скорее склонна сомневаться в том, что миссис Фейн действительно находилась под гипнозом. Сравнительно недавно она пыталась проверить это самым ординарным образом — посредством булавки. Поэтому тест с булавкой провел я.

И он рассказал об этом эпизоде в мельчайших деталях, ничего не упустив и не прибавив от себя.

— Доктор Рич, думаю, с вашей стороны это не очень красиво! — сказала Энн и обратилась к остальным: — На самом деле я не стала бы делать ничего подобного, но это и так всем хорошо известно, не правда ли?

Г. М. оглядел присутствующих.

— Вот смотрите, — сказал он. — Мне не нужны ваши показания, никого из вас отдельно я допрашивать не буду. Завтра за меня это сделает человек из Лондона. Просто я хочу знать одно. Есть ли что-нибудь такое, о чем бы вы могли рассказать мне, кроме того, что сегодня услышал от вас инспектор? Вспомните, может, было что-то еще, но вы забыли упомянуть об этом?

— Нет, — твердо заявил Рич.

— Ничего такого, — согласилась Энн.

Г. М. судорожно вздохнул.

— Ну что ж, хорошо. Тогда расходимся. Дома я хочу немного посидеть и подумать, пока буду диктовать.

Через пять минут дверь за Кортни и Г. М. закрылась. Последний нацепил свою загнутую полями вниз панаму, и его спутник решил, что тот нацелился на калитку, но вместо этого услышал треск зажигаемой спички и увидел разрастающееся пламя.

Старик шагнул в сторону лужайки. Подняв спичку, он наклонился, чтобы осмотреть клумбу под балконом. Крошечное пламя высветило на земле два крупных отпечатка.

Г. М. повернулся, горящая спичка зловеще блеснула в его очках.

— Угу, — сказал он. — Я так и думал. Полагаю, ваш прыжок. Теперь вы должны рассказать мне обо всем, что случилось в супружеской спальне. Или даже мой биограф не в силах разобраться в этом славном деле?

В лунном свете над их головами шевельнулась тень.

Но они этого не заметили.

9

В три часа пополудни следующего дня старший инспектор Хамфри Мастерс вошел в калитку дома майора Адамса на Фицгерберт-авеню.

Весь день, а это был четверг, двадцать четвертое августа, палило солнце. Мастерс, несмотря на свою нелюбовь к жаре, вырядился в костюм из синей саржи, застегнутый на все пуговицы, не забыв дополнить его неизменным котелком. В калитку он вошел не сразу.

Он остановился, чтобы понаблюдать за идиллической сценкой, развернувшейся на лужайке.

Сэр Генри Мерривейл в белой фланелевой паре и белой рубашке с коротким рукавом развлекался часовым гольфом¹⁷. Рядом в плетеном кресле сидел серьезный молодой человек тридцати с небольшим лет; он курил трубку и делал короткие заметки. Кресло напротив занимала светловолосая девушка в ситцевом платье. Обе ладони она прижала к лицу, как это делают, когда пытаются не лопнуть со смеху.

До сего момента пасторальный покой сливался с сонливостью. Мягкий изумрудный газон, казалось, был испещрен светлыми полосами. На траве ярко белели цифры часов; маленький красный металлический флажок обозначал лунку. Низкий, с остроконечной крышей дом, затененный вязами, поднимался на фоне голубовато-зеленой дымки Котсуолда¹⁸.

Манера владения клюшкой у Г. М. была правильной. Его белая рубашка и белый фланелевый костюм тоже вполне соответствовали. Но голову обременяла деталь, которая даже Мастерса заставила отпрянуть. Это была широкополая, с высокой тульей, коническая шляпа из рыхлой соломки, из тех, что обычно негры южных штатов надевают на своих лошадей.

И тогда же раздался голос.

— «Теперь мы коснемся, — сказал он, — моего первого семестра в школе и множества дивных воспоминаний, связанных с этим. Я расскажу о том, как в один из осенних субботних вечеров восемьдесят первого года мы с Дигби Дьюксом поменяли местами органные трубы в церкви Святого Юста.

17. В часовой, или малый, гольф играют на площадке с разметкой, напоминающей часовой циферблат с двенадцатью цифрами; игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку, устроенную в центре площадки.

18. Котсуолд — район живописных меловых холмов в Глостершире, «Сердце Англии».

Перестановка была произведена с умом и тщанием. Ни одна труба не отошла далеко от своего законного места, поэтому случайным взглядом заметить изменения не представлялось возможным. Но основной эффект был рассчитан на утро воскресенья, когда органист возьмет вступительные такты первого гимна.

Даже тогда все могло кончиться хорошо, если бы органист, старый отец Гроссбауэр, не потерял голову и не попытался сыграть гимн. В это время директор школы поднялся со скамьи и оттащил невнятно бормотавшего отца подальше от органа. Словом, те звуки будут поминуть у Святого Юста, пока крепко железо и тверд камень. С этим может сравниться только беседа Адольфа Гитлера с Бенито Муссолини, в ходе которой у каждого сложилось впечатление, будто другой украл у него часы.

Блондинка, раскачиваясь в кресле, еще сильнее зарылась лицом в руки.

Молодой человек, курящий трубку, сохранил серьезность испанского гранда, продолжая делать заметки.

— Так, «украл у него часы...» — невозмутимо повторил он, когда Г. М. прервался. — Дальше.

Но Г. М., очевидно, взял время на раздумье.

На лужайке появился старший инспектор Мастерс, держа котелок в руках.

— Хм, сэр! — произнес он.

— А, это вы? — оторвавшись от размышлений и злобно косясь поверх клюшки, спросил Г. М.

— Да, сэр, это я. И, пожалуйста, — мрачно предупредил Мастерс, — ничего не говорите. Я знаю. У нас опять невозможная ситуация. И вы специально послали за мной.

— Сядьте пока и помолчите, — проворчал Г. М. — У меня материала еще на одну главу, когда закончу диктовать, поговорю с вами. Сколько?..

И он вопросительно взглянул на записывающего.

— После завтрака — почти двадцать восемь тысяч слов, — ответил Кортни, вынимая трубку изо рта. — Не считая десяти тысяч ночных...

— Слышите, Мастерс?

— Могу я спросить, сэр, чем, черт возьми, вы занимаетесь?

— Диктую свои мемуары.

— Свои что?

— Свои ме... муары, — повторил Г. М., акцентируя внимание на первом слове. — «Моя автобиография». — Мастерс не шелохнулся. Вежливый, точно шулер, с седыми волосами, тщательно зачесанными, чтобы прикрыть плешь, он замер на самом солнцепеке, как человек, пораженный тяжелыми предчувствиями.

— О! А! Вы так называете историю вашей жизни, да?

— Именно так, Мастерс. Вы проникательны.

— Понятно... Вы... э-э... Вы что-нибудь пишете про меня?..

— Нет, пока нет, — признался Г. М. и хихикнул. — Но мой язык, уж поверьте, будет ярким, когда я доберусь до вас.

— Предупреждаю вас, сэр!..

Молодой человек степенно поднялся.

— На вашем месте, старший инспектор, — заметил он, — я бы не стал беспокоиться. На сегодняшний момент у нас в багаже приблизительно сорок восемь тысяч слов и одиннадцатый год жизни. Ваш период, если у сэра Генри имеется что-то против вас, в лучшем случае наступит не раньше следующего Рождества.

Г. М. ткнул в него клюшкой.

— Я подозреваю, — сказал он, — очень сильно подозреваю, что этот наглец с умной физиономией близок к тому, чтобы выставить меня идиотом. Я серьезно отношусь к этой книге, важному социально-политическому свидетельству. А вам, — он повернулся к Энн Браунинг, — смешно.

Девушка отняла руки от лица.

— Вы знаете, что это не так, — заверила она его с такой неподдельной искренностью, что он утих. — Но я беспокоюсь за пальцы мистера Кортни, которые, должно быть, совсем задеревенели. Почему бы не сделать перерыв, чтобы старший инспектор наконец мог сказать вам, зачем он пришел?

Мастерс напрягся.

— Добрый день, мисс, — сказал он уклончиво, но бросая многозначительный взгляд на Г. М. Затем повернулся к Кортни. — Добрый день, сэр.

Г. М. представил их.

— Эта девушка, — раскрыл он некоторые подробности, — протеже Рейса, ей даны инструкции работать со мной, сынок. Здесь вы ничего не сможете сделать.

Мастерс с интересом разглядывал Энн:

— В деле... э-э... присутствует еще одна молодая леди? Рад это слышать, мисс! Вы единственное заинтересованное лицо, с кем я еще не беседовал.

Г. М. моргнул.

— Как? Уже так быстро, Мастерс?

— Четыре часа дня, сэр. *Если* вы не против, что я указываю на это.

— Ну-ну! Обойдемся без церемоний, сынок. Что вы задумали?

Мастерс глубоко вздохнул.

— Я переговорил с Эгнью и ознакомился с его записями. Я допросил миссис Фейн, капитана Шарплесса, мистера Хьюберта Фейна, доктора Рича, горничную и кухарку. Я тщательно осмотрел гостиную, где было совершено убийство.

— И что скажите?

— Это вы скажите мне, — язвительно предложил Мастерс.

Г. М. отбросил клюшку. Он подошел к крыльцу и вернулся с двумя шезлонгами. Некоторое время он боролся с ними, как Лакоон, ибо стулья раскладывались самым причудливым образом, пока не приняли нужное положение, вметив в себя его и Мастерса.

— Так вот, — продолжил старший инспектор, пристроив шляпу на траве. — Если бы эти люди не были так чертовски точными в своих показаниях! Если бы они *все* не клялись, что были *все время* на виду у друг друга! Если бы только... — Он остановился, вспомнив, что говорит в присутствии одного из них.

— Но это абсолютная правда, — заверила его Энн.

Мастерс повернул голову. Его тон стал конфиденциальным.

— Так-так, мисс, смелее! Только между нами. Почему вы так уверены?

— Потому что четверо из нас в тот момент сидели так же близко, как сейчас. Доктор Рич стоял посередине, вот так.

Энн ткнула клюшкой в центр, чтобы все могли представить местоположение Рича.

— Торшер светил прямо на нас. До стола было не менее двенадцати футов...

— Ровно двенадцать футов, — поправил ее Мастерс. — Я лично измерил расстояние.

— Мы сидели кружком, лицом друг к другу, — продолжила Энн. — Из всех нас только Артур Фейн подходил к столу.

— Слушайте, Мастерс, — Г. М. сдвинул свою идиотскую шляпу на лоб и откинулся

назад. — Как вы смотрите на то, что кто-то воспользовался окнами или дверью?

Мастерс колебался.

— Ну же, сынок! Гоните версию.

— Что ж, сэр, скажу одно — я твердо знаю, что никто не мог этого сделать. Дело не только в том, что я принимаю на веру слова людей в комнате, хотя все они говорили достаточно разумные вещи, но и в том, что у меня есть надежный свидетель в отношении двери.

— Свидетель? Кто?

— Дейзи Фентон, горничная.

Мастерс достал записную книжку.

— Значит, так. Эта девушка, Дейзи, дико любопытствовала по поводу творящегося за закрытой дверью. Она знала, что там затевается какая-то игра, связанная с гипнозом, но не знала — какая. Любой девушке, полагаю, было бы интересно. В общем, с того момента, когда группа собралась в задней гостиной после ужина, и до момента, когда был зарезан мистер Фейн, Дейзи неотлучно находилась в холле.

— Вау! — воскликнул Г. М.

Мастерс мрачно кивнул.

— Именно так, сэр.

— Но...

— Потерпите минутку. Дейзи без дела крутилась в холле. Чуть позже она увидела миссис Фейн, которую попросили выйти из гостиной, как в игре-угадайки. Дейзи вернулась в столовую, где было темно, и стала ждать. Она говорит, что видела, как миссис Фейн подслушивала у неплотно прикрытой двери, пока кто-то не захлопнул ее. Через некоторое время доктор Рич открыл дверь и пригласил миссис Фейн войти. Всё, как мы слышали.

Дейзи заняла свой пост в холле. Спустя несколько минут в парадную дверь позвонили. Это был некто Макдональд, букмекер, пришедший повидать мистера Хьюберта Фейна. Дейзи попыталась отделаться от него, но ничего не вышло. Тогда она отправилась в гостиную и вызвала старшего мистера Фейна.

Мастерс прочистил горло.

Полуденное солнце отливало на его лбу. Кортни в ярких красках представил себе события прошлого вечера, хотя и не был их участником.

— Мистер Хьюберт Фейн вышел к букмекеру на крыльцо. У них случился какой-то спор; Дейзи не очень следила за их разговором, так как в это время припала ухом к двери гостиной.

Г. М., из-под шляпы которого вырывались сонные звуки, открыл один глаз.

— Погоди, сынок! Разве она не боялась, что старый Хьюберт мог поймать ее за грязным дельцем, когда она подслушивала под дверью?

Мастерс покачал головой.

— Нет. Говорит, будто знала, что он ничего ей не скажет. Говорит, что он не такой. Она сказала... — В тоне Мастерса появились пародийные нотки. — Она сказала, что он «милый старый джентльмен».

— Угу. Продолжайте.

— Мистер Хьюберт Фейн закончил разговор с букмекером и вернулся в холл. Он заскочил в столовую, где хлебнул из бутылочки бренди, которая стояла в буфете (я уже отметил, что это вошло у него в привычку). Дверь в гостиную он открыл примерно через десять секунд после того, как случилось несчастье с мистером Фейном. Другими словами, с алиби у него такая же надежная позиция, как и у всех, кто оставался в этой комнате.

Мастерс схлопнул записную книжку.

— Но самое главное... э-э... это показания Дейзи. Она клянется, — хотите верьте, хотите нет, сэр, но я не вижу никаких оснований не доверять ей, — что никто не мог прокрасться мимо нее, пока она была там. Это наш надежный свидетель. Поэтому дверь полностью исключается.

— Да, я боялся этого.

— Вы согласны, сэр Генри, или нет?

— Считай, сынок, что я согласен, — пробормотал Г. М. — Дальше. Окна?

— Я внимательно осмотрел эти окна. Под ними разбита цветочная клумба, которую до этого хорошо полили водой, так что почва на ней сохранила бы самые незначительные следы, даже от вашего дыхания. Окна располагаются на высоте восьми футов. Подоконники покрыты толстым слоем пыли. Какой там пол, вы знаете. Столик находился от окон на расстоянии двенадцати футов. Занавески были задернуты, и наши свидетели в один голос утверждают, что они не двигались. Удивительно! А если учесть, что окна запираются на замок и задвижку изнутри, что трудно представить в августовскую ночь, то я не вижу более невозможного способа для кого-либо проникнуть внутрь. Окна таким образом отпадают тоже.

— Да, — согласился Г. М. — Их можно исключить.

Мысли Филипа Кортни пошли кружиться вихрем.

Он надеялся, что ночь даст хороший толчок или, в крайнем случае, обнаружит какой-нибудь изъян в показаниях. Но теперь оказалось, что комната была запечатана, как конверт, и даже хуже.

— Но это невозможно! — вырвалось у него.

Мастерс медленно обернулся и задумчиво посмотрел на него. Выглядел он при этом как человек, который потерялся в незнакомой стране и вдруг услышал знакомую мелодию.

— О, — пробормотал старший инспектор, — что я слышу? Удивительно знакомые слова. Но посмотрите на сэра Генри! Похоже, ему совсем не интересно.

Г. М., действительно, казался необычайно равнодушным, откинувшись в шезлонге. Муха, покружив, уселась на верхушку его шляпы.

— Это дело, — развивал свою мысль Мастерс, — требует иного подхода. Оно ненормально от начала до конца. Мы начали с того, что знаем убийцу, но это единственный человек, кого нельзя обвинить. Мы...

— Ну-ну, сынок! — успокоительно призвал Г. М.

Но Мастерс уже закипал.

— Мы должны найти того, кто подменил резиновый кинжал настоящим в обстоятельствах, когда никто этого сделать не мог. Глупо спрашивать: «Где вы были в такое-то время?» Мы точно знаем, где был тот или иной. Глупо спрашивать: «Как вы объясните свое подозрительное поведение?» Потому что не было никакого подозрительного поведения. Никакого поведения не было вообще. Гипноз! Резиновые кинжалы! Уф-ф!

Он провел рукой по лбу.

— Мастерс, вы только не нервничайте.

— Да, сэр, признаю, меня это бесит. А кто бы не бесился, интересно знать? Предложите любое решение, как можно было подменить кинжалы, и я вас от души поблагодарю. Но, как я вижу, такого решения нет.

— О, сын мой! Конечно же решение имеется.

— Решение, которое соответствует всем фактам?

— Решение, которое соответствует всем фактам.

— И у вас оно есть?

— Естественно. Очень простое.

Мастерс вскочил на ноги, но снова сел. Г. М. изо всех сил старался усидеть.

— Нет, сынок, я не играю в криптограммы, меня действительно это тревожит. Тревожит, что, получив от меня решение, вы во вред себе пойдете по ложному пути.

— Я верю свидетельствам, сэр Генри.

— Да, я знаю. Это-то меня и беспокоит. Смотрите. — Г. М. потер лоб. — Для простоты понимания: вы уверены, что ни Энн Браунинг, ни капитан Шарплесс, ни доктор Рич, ни Хьюберт Фейн — никто из них не приближался к столу в указанное время?

— Разве у меня есть выбор? Если только все четверо не сговорились врать полиции, какие еще у меня могут быть варианты? Я обязан принять их показания.

— Хорошо, вы также уверены, что никто не мог проникнуть извне?

— Ну, полагаю... Да, я уверен в этом.

Г. М. казался разочарованным.

— Тогда согласно свидетельствам остается единственное объяснение. Там была таинственная «слепая зона», которую, должно быть, все проглядели.

— Если вы имеете в виду, — возразил Мастерс, полный скептицизма и сомнений, — что мистер Артур Фейн сам подменил кинжалы... то я просто скажу: «Ха-ха» и мы расходимся. Фейн знал, что его собираются проткнуть кинжалом. Он настоял на этом. Ему нарисовали мишень на груди, поэтому промахнуться было трудно. Только не говорите мне, что таким образом можно спланировать самоубийство. Но мистер Фейн был единственным, кто подходил к столу.

Г. М. вздохнул.

— Понятно, — сказал он.

— Понятно что?

— Слепая зона. Сожгите меня, но мы так часто повторяли историю о том, что к столу никто не подходил, что это потеряло всякий смысл.

Мы забываем, что был человек, который, по общему признанию, проходил мимо стола, не только проходил, но и находился под наблюдением. Тот, кто стоял спиной к свидетелям так, чтобы тело закрывало стол в неосвещенной части комнаты. Тот, кто надел платье с длинными рукавами. Тот, кто мог вынуть из рукава настоящий кинжал, заменив им резиновый, быстрее, чем вы бы успели моргнуть глазом.

Г. М. выглядел еще более мрачным и злым.

— Короче говоря, — закончил он, — сама миссис Фейн.

10

Энн сидела, затаив дыхание: притихшая, пятки сведены вместе, глаза опущены. Когда она подняла голову, чтобы посмотреть на Г. М., солнце вспыхнуло золотом на ее волосах, глаза сверкнули, но во взгляде мелькнуло недоверие.

— О, что за нелепость! — запротестовала Энн. — Вы имеете в виду, что она вообще не была загипнотизирована? И только притворялась? Невозможно! Более того, я хорошо знаю Вики и очень люблю ее. Она бы никогда...

— Неужели? А разве вы не та самая девушка, — спросил Г. М., разглядывая ее поверх очков, — которая собиралась уколоть ее булавкой, чтобы убедиться, что она спит, специально поднявшись для этого в спальню?

Энн стиснула руки.

— Я ходила туда за своей пудрицей. Это правда, но мне никто не верит!

Впервые за день Мастерс улыбнулся.

«Так-так-так! — подумал он про себя и потер руками. — Кажется, кое-кто начал

говорить. Ну что ж, я не против».

Г. М. издал протяжный стон.

— Сказать по секрету, — вмешался оживившийся Мастерс, — мне никогда не нравились все эти странные гипнотические дела, и это правда. О, знаю-знаю, научно подтвержденные факты, нет проблем!

Мы столкнулись с этим в деле Мантлинга¹⁹ много лет назад. Но здесь — нет, здесь все выглядит каким-то неправильным. Почему-то. Хотя подождите. Секундочку. — Он нахмурился, потирая челюсть. — Взять этот эксперимент с булавкой. Миссис Фейн ведь проткнули булавкой, так? Но у нее даже не дрогнули веки.

— Она ничего не почувствовала, — подтвердила Энн. — Я видела, как это было проделано.

— Угу. Значит, кто-то другой, — пробормотал Г. М. и повернулся к Мастерсу. — У вас случайно нет булавки?

— Для чего она вам?

— Неважно для чего. Просто дайте ее мне, — Г. М. протянул руку в подзывающем жесте, помахивая ладонью к себе, — если она у вас есть, конечно.

Метнув на него короткий взгляд, Мастерс отвернул лацкан пиджака, на обратной стороне которого обнаружили две булавки.

— *Если видишь ты булавку, подними ее скорей, день твой сложится удачей всех в году счастливых дней!*²⁰ — весело процитировал он. — Носить их меня приучила старушка мать, с тех пор я не в силах противостоять этому...

— Хватит болтать, — грубо оборвал его Г. М., — давайте сюда.

Мастерс передал булавку.

Зажав ее во рту, Г. М. полез в карман и достал оттуда коробок спичек. Прищурившись, левой рукой он держал головку булавки, а правой горящую спичку, в пламя которой осторожно погрузил острие.

— Надеюсь, наш друг Рич, — проворчал он, — простерилизовал булавку, прежде чем испытать ее на миссис Фейн?

— Насколько я помню, он этого не сделал, — сказала Энн.

— Да-а? Плохо дело. Смотрите внимательно, сейчас старик вам кое-что покажет.

Согнув левую руку так, чтобы мышцы напряглись, Г. М. начал искать нужную точку. Он нашел ее в верхней части предплечья и с силой вогнал острие булавки под кожу.

Все инстинктивно застыли в знак протеста. Вечернее солнце, мирный зеленый газон с белой разметкой для часового гольфа и в диссонансе с этой идиллической картиной кажущийся элементом гротеска блеск стали, пронзающей плоть.

— Бр-р! — поежилась Энн. — *Вы* даже не дернулись.

— С чего бы, моя девочка. Это было совсем не больно. Я ничего не почувствовал.

Мастерс недоверчиво посмотрел на него.

— Честное слово, сынок, — заверил его Г. М. — Медицинский факт, только и всего, как гипноз. Старый трюк, хорошо известный фокусникам и...

Он замолчал, моргая и глядя куда-то в пустоту, и только шумно пошмыгивал носом. Энергичная умственная работа, казалось, дала результат. В том же дремотном состоянии он вытянул правую руку перед собой, двигая пальцами, как будто что-то сжимал. Недоуменные возгласы вернули его к действительности.

19. См. «Мечь Красной вдовы» — прим. авт.

20. «Песни Матушки Гусыни» (пер. Ирины Каховской-Калитиной).

— Нет! — огрызнулся он. — Гори оно все синим пламенем, я не йог. Любой может сделать это. Вы можете сделать, если знаете, что у вас крепкие мышцы, твердая рука, и вы не проткнете вену или артерию. — Он вытащил булавку; операция прошла бескровно. — Хотите попробовать?

— Нет, спасибо, — вздрогнула Энн.

— Позвольте мне, — попросил Кортни.

Ему было чрезвычайно тяжело, но, перехватив на себе взгляд Энн, он старался быть мужественным. Обнажив левую руку до локтя, он взял булавку (Г. М. настоял на ее повторной стерилизации), приставил к руке, стиснул зубы и...

— Ай! — вскрикнул он и подпрыгнул, как будто его ужалили.

Не прибавляло спокойствия и явное злорадство Г. М.

— Я рад, что наконец-то ваш *poker-face*²¹ дал трещину, — сказал Г. М., затем его тон переменялся. — У вас не получилось, — терпеливо объяснял он, — потому что вы инстинктивно боялись уколоть себя. Вы ткнули слишком слабо, словно хотели узнать, будет ли вам больно. И, естественно, вам стало больно. Это неправильно, сынок. Ваше подсознание...

— В этом проклятом деле, — сказал Мастерс, — всё на подсознании. Послушайте, сэр, а этот трюк случаем не мошеннический?

— О, сынок, конечно нет. Вы же видели все своими глазами. Естественно, это требует навыка и присутствия духа.

Мастерс с любопытством посмотрел на него.

— Вы прямо напичканы трюками.

— Так и есть, — сказал Кортни, выдернув булавку из руки. — Если бы вы, старший инспектор, разбирали его мемуары, то обнаружили бы целый кладезь.

Г. М. выглядел польщенным.

— У меня есть предположение, — продолжил Кортни, — что так он ловит убийц. Его ум работает как ум убийцы.

— Дело в том, — заявил Мастерс, отменяя теории в сторону, — что эта штука действительно работает, и, следовательно, миссис Фейн *могла* симулировать. Хотя подождите! Игрой управлял доктор Рич. Не значит ли это, что он был в сговоре с ней?

— Нет, нет, нет, нет и еще раз нет! — прорычал Г. М. — Из этого не следует, что миссис Фейн симулировала, и это не значит, что Рич находился с ней в сговоре. Рич прекрасно знал, что она не симулирует...

— О? — Мастерс бросил на него скептический взгляд.

— ... в противном случае он бы не стал задавать ей определенные вопросы, вводя в гипноз, о чем я расскажу через минуту. Но эта девушка, — он указал на Энн, — была в сомнениях. Рич с помощью булавки рассеял их. Вот и все.

Мастерс достал записную книжку и удобно приспособил ее на колене. Откинув назад манжеты рубашки, он ясно дал понять, что его слова будут осторожными и взвешенными.

— Сэр, послушайте меня минутку. Вы признали, что никто *не мог* этого сделать, кроме самой миссис Фейн, правильно?

— Исходя из показаний, да.

— Так, дальше. Могла ли он притвориться спящей, как вы думаете?

— Думаю, да.

21. В терминологии покера выражение лица, не выдающее эмоций.

— Иначе говоря, некоторым образом могла ввести в заблуждение самого доктора Рича? Та-ак! — Мастерс снова разгорячился. — Допустим, это потребовало бы незаурядного актерского мастерства. Но у нас уже были хорошие актрисы. Помните Гленду Дартворт, Дженет Дервент? А Хилари Кин?²²

Она могла подменить один кинжал другим, вопросов нет, но куда делся резиновый кинжал? Спрятала в рукаве, полагаете вы. Но там его не оказалось. Где же он тогда? Эгню сказал мне, что перерыл всю заднюю гостиную, но ничего не нашел.

— Зато его нашел я, — бесстрастно сказал Г. М.

— Вы нашли его?

Г. М. полез в карман брюк и достал резиновый кинжал — грубую, безвкусную поделку, поблескивающую на солнце дешевой серебрянкой, сквозь которую проступали пятна и полоски черной резины. Он несколько раз согнул и разогнул его.

— Где вы нашли эту штуковину, сэр?

— В диване. Запихнули от греха подальше между подушками. Кстати, это тот самый диван, на котором лежала предположительно загипнотизированная миссис Фейн.

Наступившая пауза, во время которой все воочию представили себе лежащую Вики Фейн, была не более зловещей, чем вкрадчивый голос Мастерса.

— И когда вы его нашли? — осведомился старший инспектор. Забрав кинжал у Г. М., он внимательно разглядывал его.

— Прошлой ночью.

— Прошлой ночью? Почему же, черт возьми, вы молчали до сих пор?

Г. М. почесал нос.

— Просто потому, что мне не очень хочется афишировать это сейчас. Мастерс, идея прелесть. Я признаю это. Женщина сознательно (скорее всего) дает себя загипнотизировать, после чего разделяется со своим мужем. И все думают, что убийца — единственный, кого нельзя привлечь к ответу.

— Идея, — выдохнула Энн, — отталкивает и привлекает одновременно. Согласитесь, было бы ужасно, если бы кто-то, кого мы знали фигурирующим в одном качестве, на самом деле фигурировал в совершенно противоположном.

Г. М. повернулся, чтобы одарить ее заинтересованным взглядом, но слова его были снова адресованы Мастерсу:

— О, свидетельства вопиюще убедительны. О, мой глаз, разве нет? Идеальный план. Мотив. Улики бьют наповал. Есть только одно маленькое возражение.

— Какое?

— Всё это чушь собачья, — сказал Г. М.

Мастерс начал терять самообладание.

— Зачем наводить тень на плетень, сэр, когда вы сами признали...

— Этот парень, — не дал ему досказать Г. М., указывая на Кортни, — был на балконе спальни миссис Фейн с того времени, когда ушел Шарплесс, и почти до самого ее пробуждения. Теперь давайте послушаем, что он скажет, а потом пойдем и заморим червячка.

Филу Кортни стало неловко. Он избегал недоуменного взгляда Энн, который буквально жег его, но все время держал его в уме, пока рассказывал свою историю.

22. Персонажи романов Джона Диксона Карра, написанных под псевдонимом Картер Диксон, в которых Мастерс и сэр Генри проводят совместные расследования.

Он вспомнил, как Г. М., стоя в лунном свете под сенью вязов перед домом Фейна, выуживал из него факты. Рассказ обернулся историей о разбойнике и шпионе (для Энн уж точно, думалось ему), но поведал он ее все равно с радостью и избавился от тяжелого груза довольно быстро, так как чувствовал ответственность за благополучие Вики Фейн.

Мастерс не сводил с него глаз.

— Это не шутка, сэр? — спросил он.

— Нет. Отвечаю за каждое слово.

— Зачем *такому* респектабельному типу как Фейн, — Мастерс продолжал излучать недоверие, — убивать эту девушку, Полли Аллен, кх-рум?..

— Знаете, такое случалось и прежде, — перебил его Г. М. — Мы оба можем вспомнить несколько имен. Если вы ищете примеры в прошлом, почему бы вам не освежить в памяти, кто использовал атропин в деле Хея²³?

— Минуточку, сэр! — не отступал Мастерс. — Но что он сделал с девушкой потом, мистер Кортни? Во всяком случае, насколько я знаю от Эгню, об этом убийстве нигде не сообщалось.

Кортни ничем не мог ему помочь.

— Могу только сослаться, — сказал он, — на слова миссис Фейн, отвечавшей на вопросы Рича.

— Под гипнозом? Или, на всякий случай, под тем, что она изображала?

— Если вы ставите вопрос подобным образом, то да. Артур Фейн задушил эту девушку на диване в задней гостиной. Это тот ответ, который получил Рич на свой вопрос до того, как его прервали. Он только успел спросить: «Кто-нибудь еще знает об этом?», на что она ответила: «Да», собираясь добавить — кто, но в ту же секунду в дверь постучали, и на этом все закончилось.

— Миссис Фейн так и не назвала того, кто еще знал об этом?

— Нет.

— А теперь подумайте, — вмешался Г. М., сам совершая гипнотические пассы. — Наш добрый Фейн, которого, несомненно, можно отнести к категории юбочников...

(На этом месте, заметил Кортни, Энн вздрогнула)

— Наш добрый Фейн совершил преступление. Чем оно карается, все мы хорошо знаем. И его жена знает тоже. Прекрасно. Предположим, она ненавидит его. Ненавидит адски, и хочет другого мужчину. И вот она преднамеренно идет на то, чтобы убить мужа, хотя достаточно было просто сообщить в полицию.

Сказать было нечего. Шах.

И мат.

Яркие лучи заходящего солнца прорывались между белыми и красными крышами на западе Челтнема. Слепящий свет коснулся широкого лица Мастерса, на котором застыло скептическое выражение.

— Хорошо, — смягчился он, — *если* это правда, если миссис Фейн не выдумала сама эту историю.

— Ну, сынок, проверить будет несложно. Это ваш хлеб. Идите к Эгню. Ищите следы Полли Аллен. Выясните. Но если это подтвердится, Мастерс, готов спорить, что у вас больше шансов засудить козла Пэдди²⁴, нежели миссис Фейн.

23. См. роман *Death in Five Boxes* (1938) — прим. авт.

24. Герой популярной комической песенки, написанной в 1917 году Бертом Ли и Р. П. Уэстоном — неугомонный козел, доставлявший своему хозяину, Пэдди Макгинти, массу хлопот и неприятностей с соседями.

Мастерс вскочил на ноги.

— Смотрите, куда прыгаете! — взревел Г. М. — Не раздавите свою шляпу.

Мастерс, казалось, готовился дать шляпе хорошего пинка, вместо этого с важным видом он загнал свой гнев в бутылку, хотя румянец на его лице был отнюдь не следствием жаркой погоды.

Г. М. повернулся к Энн.

— Что скажете? — спокойно спросил он. — Вы очень хорошо знали Фейна. Как, по-вашему, способен он на такой поступок?

Энн отвернулась, уставившись на траву. Снова Кортни увидел точеный профиль, крупный рот с полными губами; правда, идеальную картину портил слегка приплюснутый нос. Ему показалось, что она хотела им что-то сказать, и была почти готова сделать это, но в последний момент сдержала порыв.

— Я не очень хорошо знала его, — парировала она, водя носком туфли по траве.

— Кто она такая, то есть, кем была эта Полли Аллен? Вы ее знали?

Энн отрицательно покачала головой.

— Впервые слышу о ней. Вероятно, она была... ну...

— Вы не ответили на мой последний вопрос. Мог ли Артур Фейн совершить убийство?

Она подняла на него глаза.

— Да, думаю, мог бы. Судя по тому, что я знаю о его семье. И других вещах. — Она колебалась, во взгляде проявились ум и проницательность. — А когда была убита эта девушка? — оживилась она. — В середине июля? Четырнадцатого, пятнадцатого?

— Я не могу сказать, — вернулся в разговор Кортни. — Миссис Фейн ничего об этом не говорила.

— Стоп! — огрызнулся Г. М. — Почему именно в этот день?

— Потому что в тот вечер я пошла к Вики, — ответила Энн.

Все всполошились. Даже Мастерс закрутился волчком вокруг белого платья.

— Скорее всего, это ничего не значит! Пожалуйста! Я только...

— Не обращайтесь внимания, — сказал Г. М. — Вы пошли и что?

Она облизнула губы.

— Ничего. Я хотела одолжить у Вики немного шерсти. В любом случае идти было недалеко, мой дом в двух шагах. Часы показывали десять, но в десять еще довольно светло. Это было четырнадцатое... вру, пятнадцатое июля! Вспомнила, некоторые из моих французских друзей отмечали накануне День взятия Бастилии, а он приходится на четырнадцатое.

— Так?

— Я позвонила в дверь, но никто не ответил, и в доме не горел свет. Не могли же все разом уйти; на худой конец есть слуги, решила я и снова позвонила, но с тем же успехом. Я собралась уже уходить, когда дверь открыл Артур.

— Продолжайте.

— Он был в рубашке. Я хорошо это помню, потому что первый раз увидела его без пиджака. Он сказал, что Вики нет дома, и захлопнул дверь. Не слишком любезно, подумала я и ушла.

Рассказ был простым и даже мог показаться неинтересным, но слушатели, не взирая ни на что, сочли его любопытным.

Кортни снова почувствовал присутствие зла, природу которого он не понимал, но чье дыхание коснулось его вчера ночью. Слушая Энн, он живо представил себе темноту за накрахмаленными занавесками и что-то лежащее на диване. Заходить слишком далеко с

испытанием возможностей летней ночи не всегда разумно.

— И это все, что вы знаете?

— Это все, клянусь.

Мастерсу стало неловко.

— Не густо, мисс, можно сказать, совсем ничего. Извините, что так говорю. Впрочем, мы разберемся с этим, обещаю вам! Но...

— Что, сынок? — спокойно спросил Г. М.

— *Кто-то* же убил мистера Фейна! Сначала вы строите безумно красивое обвинение против миссис Фейн. Потом пытаетесь откреститься от него, аргументируя тем, что у нее не было мотива, хотя тут же говорите, что она ненавидела своего мужа. Что у вас в рукаве, сэр? Я спрашиваю, потому что точно знаю, что вы что-то припрятали.

Г. М. крутил большими пальцами.

— Ну... В общем, пока рано говорить об этом, я еще не так глубоко изучил дело. Одно могу заметить, Мастерс, — вы мало уделяете внимания мотиву. Вот что меня гложет — мотив.

— Готов с удовольствием обсудить это, — откликнулся Мастерс, с видом дуэлянта в очередной раз обращаясь к записной книжке, — раз вы считаете, что мы куда-то продвинемся. Чего не будет. Давайте пройдемся по списку лиц и посмотрим, что у нас есть:

Первое — миссис Фейн. Мы только что разобрали ее.

Второе — капитан Шарплесс. Хм. У него мог быть мотив. Поразительно, как далеко этот молодой джентльмен зашел с миссис Фейн. Но он не мог этого сделать, — по клятвенным уверениям остальных возможности подменить кинжалы у него не было.

Третье — мистер Хьюберт Фейн. Каких-либо мотивов, лежащих на поверхности, я не вижу. Старик богат, как мне рассказали; в любом случае по завещанию Артура Фейна он ничего не получает, даже если допустить, что это его рук дело (все деньги мистера Фейна, к слову, отходят его жене, а если она умрет — на благотворительность; думается, по причине ее сердобольности). Наконец, у мистера Хьюберта такое же алиби, как у остальных.

Четвертое — Рич. Мотива не прослеживается. Даже призрачного. И как в случае с капитаном Шарплессом — никакой возможности.

Пятое и последнее — мисс Браунинг.

Мастерс прервался и улыбнулся Энн, вводя в заблуждение своей добродушностью.

— Надеюсь, мисс, вы не против, что вас включили?

— Нет-нет, конечно нет!

— Мотив отсутствует, — продолжил Мастерс. — По крайней мере, мы ни о чем таком не слышали. — Он подмигнул ей, словно извиняясь. — То же самое касается практической стороны: она не могла подменить кинжалы.

Мастерс захлопнул записную книжку и помахал ей в воздухе.

— Вот, сэр, всё тут! Или вы хотите приобщить сюда Дейзи Фентон, горничную, и кухарку, миссис Проппер?..

— Послушайте, Мастерс, — Г. М. снова разминал пальцами складки на лбу, — эта кухарка, у нее есть что добавить к показаниям горничной?

— Миссис Проппер? Нет. Она ложится спать всегда очень рано, ровно в девять уже в постели. Ее комната наверху. Она ничего не слышала.

Повторяю, список весь. Это то, что касается пары «мотив-возможность». Скажите мне прямо — какие еще вы видите здесь мотивы или возможности?

Кортни, стоявший лицом к дому майора Адамса, увидел на другой стороне военный мундир с позолоченными пуговицами. Фрэнк Шарплесс, чьи выразительные глаза уже издали выхватило заходящее солнце, спешно приближался к ним.

Кортни помнил, что задворки всех домов выходили в тенистый переулок с вязами, который тянулся параллельно главной улице. Шарплесс, очевидно, решил избрать короткий путь. Чертовски несвоевременно с его стороны делать такие посещения, с беспокойством подумал Кортни. Сплетни уже были готовы сорваться с длинных языков.

Но подошедший Шарплесс отмел эти мысли.

— Сэр Генри, — начал он без вступления, — вчера вечером вы сказали, что помните меня. Во всяком случае, вы знаете моего отца, полковника Шарплесса.

— Да, сынок?

— Это правда, что вы дипломированный медик, а еще юрист?

— Да. Все верно.

— В таком случае, — сказал Шарплесс, запуская палец под воротник форменной рубашки, — не могли бы вы, ради всего святого, пойти и взглянуть на Вики? Прямо сейчас?

Стоял тихий летний вечер.

— Что с ней?

— Я не знаю. Она беспокоит меня с каждой минутой. Я позвонил своему врачу, но он живет на другом конце города. Сначала она пожаловалась на скованность в задней части шеи. Потом на странное, болезненное ощущение в челюстях. Она не позволила мне послать за доктором, но я настаивал, и тогда...

С лица Г. М. разом слетело всякое выражение. Он поправил очки и посмотрел сквозь стекла. Тем не менее Кортни уловил в воздухе эмоциональную волну; она казалась такой же ощутимой, как тепло, идущее от тела. И эта эмоция была страхом.

— *Когда* это началось, сынок? — деревянным голосом спросил Г. М.

— Около часа назад.

— В течение всего дня небольшая слабость?

— Да.

— Так. Глотает с трудом?

— Точно! — вспомнил Шарплесс. — Помню, она пожаловалась на это, когда пила чай. Он не смогла его допить.

Шарплесс быстро сообразил, что атмосфера вокруг него изменилась. Глаза Г. М. моментально переместились на руки Кортни. Тот все еще рассеянно водил булавкой, пытаясь безболезненно проткнуть ей руку.

Г. М. достал часы, сверился со временем и, двигая пальцем по циферблату, что-то отсчитал.

— Что это может быть? — допытывался Шарплесс громким голосом. — Вы что-нибудь знаете об этом?

— Спокойно, сынок!

— Вы знаете и не хотите говорить, — воскликнул в ответ Шарплесс, шагнул вперед и стиснул плечо Г. М. — Ради бога, не скрывайте, говорите. Говорите, что это? Что это?

Г. М. стряхнул руку.

— Если я скажу, можете ли вы обещать, что будете достаточно хладнокровным, готовым помочь, а не устраивать истерики?

— Да. Я в порядке.

Г. М. посмотрел ему прямо в глаза.

— Заражение крови, — спокойно сказал он. — Tetanus²⁵. Тризм челюсти²⁶, чертовски мучительная смерть.

Вдалеке часы городской церкви отбили половину одиннадцатого.

Теплая туманная луна нырнула из вязов в палисадник дома Артура Фейна и осветила лужайку с двумя фигурами, чьи взоры время от времени обращались к окнам спальни в левой части здания. Окна были закрыты и занавешены, так как малейшее колебание воздуха при столбняке могло вызвать у жертвы судороги.

У дома стояла машина доктора Нитсдейла, рядом с ней припарковался специальный автофургон, доставивший антибактериальную сыворотку.

На вечерней лужайке переговаривались Энн Браунинг и Фил Кортни.

— Но сколько шансов за то, что она выживет? — прошептала Энн. — Вот что я хочу знать. И есть ли они?

— Я не могу вам сказать. Кажется, я где-то читал, что если симптомы проявляются слишком быстро, это конец.

Ее мягкая теплая рука легла на его руку; пальцы сжались, рука яростно тряслась. Никогда еще он не чувствовал себя таким близким с ней, как в этом мраке, где видел перед собой только бледное лицо, темные губы и большие глаза.

— Но малюсенькая булавка? — не успокаивалась она. — Крошечная штучка, неужели она могла это сделать?

— Могла и сделала. Не забывайте, на нее надавили и вогнали с силой.

— Господи, — вздрогнула она, — отвел же меня Бог от этого. Бедная Вики!

Он сжал ее локоть.

— Я даже не заметила, — сказала она, — что булавка была... ржавой.

— Она не была ржавой. — Картина стояла перед его глазами. — Я помню, как она блеснула, когда на нее упал свет. Эта зараза подстерегает повсюду — в воздухе, в пыли, где угодно.

Она снова вздрогнула. В высоких окнах спальни справа, напротив комнаты Вики через холл, загорелся свет. Длинная тень, принадлежащая Хьюберту Фейну, похлопывающего в ладоши, пересекла окна в обоих направлениях. Из дома не доносилось ни единого звука.

— Знаете что, — неожиданно сказал Кортни, — так вы себя доконаете. Хуже нет, чем пялиться в темные окна. Идите в дом и ждите. Когда появится что-нибудь новенькое, Г. М. известит нас.

— Вы думаете, так будет лучше?

— Определенно.

— Беда в том, — быстро посыпалось из нее, — что таким людям, как Вики, мешает исключительная порядочность. Всегда делать все правильно, всегда заступаться за кого-то. Просто кажется, что у нее не было ничего, кроме неприятностей, неприятностей и еще раз неприятностей, за те два дня, когда мы впервые увидели...

25. Столбняк (*лат.*)

26. Особое сжатие, спазм жевательных мышц или их произвольное сокращение, в результате чего челюсти оказываются стиснутыми, и их очень сложно или вообще невозможно разжать.

Звякнула калитка.

Доктор Ричард Рич в мягкой черной шляпе, смотревшейся немного театрально, и темно-синем костюме прикрыл за собой калитку и нерешительно двинулся по дорожке.

— Мисс Браунинг, если не ошибаюсь? — осведомился он, всматриваясь в темноту. — И мистер?..

— Кортни.

— Ах, да! Кортни. Секретарь сэра Генри. — Рич потер щеку. — Надеюсь, вы простите мне мой интерес, но я хотел узнать, есть ли какие-нибудь результаты?

— Результаты?! — выдохнула Энн.

— Боюсь, что не понимаю вашего тона.

— Доктор Рич, — жестко отчеканила Энн, — я не знаю, скольких людей вы отправили на тот свет своими неосторожными действиями на профессиональном поприще, но прошлой ночью вы убили Вики Фейн. Она умирает, слышите вы? *Умирает.*

Рич, казалось, смотрел на них сквозь неверный лунный свет.

— Что, во имя всего разумного, вы несете?

— Спокойно, Энн! — сказал Кортни. Он крепко обнял девушку за плечи. — Доктор, помните, вы показывали, что миссис Фейн загипнотизирована, проколов ее руку булавкой?

— Помню. И что?

— Столбняк. Сейчас у нее врачи.

Было слышно, как он затаил дыхание, но в ту же минуту в них ударил громopodobный голос — разрушительный голос разума, за которым последовал испуг.

— Это невозможно!

— Не верите мне на слово? Идите и посмотрите.

— Говорю вам, это невозможно! Булавка была совершенно стерильной. Кроме того...

Рич потянул край шляпы вниз. После паузы, во время которой рот его, казалось, не переставал двигаться, он развернулся и зашагал к дому в сопровождении Кортни и Энн. Входная дверь была на защелке, в холле горел свет. Когда Рич снял шляпу, бледных пятен на его лице заметно прибавилось.

— Я могу подняться наверх?

— Сомневаюсь, что они вас пустят. Там врачи и Скотланд-Ярд.

Рич колебался. Впереди и слева от себя в библиотеке они заметили свет и прошли туда. Доктор вошел последним и закрыл за собой дверь.

Библиотекой, чувствовалось, пользовались редко. Она имела надлежачий вид и основательность: письменный стол с резными ножками, глобус; каминную полку из какого-то массивного дерева также украшала резьба. Книги, явно купленные большой партией и непрочитанные, занимали две стены: в этом собрании, пестрящем коричневой, красной, голубой, черной кожей или тканью, даже в заполнении редких разрывов между полками, угадывалась рука искусного декоратора. На столе горела бронзовая лампа.

— Теперь, — процедил Рич сквозь зубы, — будьте добры, опишите мне симптомы.

Кортни исполнил просьбу.

— И как рано они проявились?

— Перед самым чаем, я так понимаю.

— Боже всемогущий! — пробормотал Рич, не веря своим ушам. Он помассировал лоб, затем быстро взглянул на часы. — Шестнадцать часов! Всего шестнадцать часов! Не могу поверить, что столь стремительное ухудшение наступило всего лишь за...

Его энтузиазм потух, а голос казался растерянным.

— Я забыл, — добавил он. — За восемь лет без практики ваши знания превращаются черт знает во что. — Ваши... — Его глаза блуждали по книжным полкам. — Вряд ли здесь отыщется что-то медицинское, как вы думаете? Стоп! На крайний случай подойдет Британника. Уже что-то.

Полный комплект четырнадцатого издания Британской энциклопедии располагался почти на самом верху. Рич встал на цыпочки и буквально выцарапал двадцать первый том «Скупость — Текст». Он перенес его на стол под лампу, ближе к свету. Его руки дрожали, но ему не потребовалось долго искать статью о столбняке.

Это место было заложено конвертом.

— Кто-то уже интересовался, — заметил он, раскрывая книгу.

— Ну и что, — сказала Энн. — Наверное, кто-то хотел знать, насколько опасны эти судороги?

— На заключительных стадиях, да. Извините.

— И *вы* узнали, — сказала Энн.

— Юная леди, — ответил Рич, поднимая усталое лицо в то время, как его палец следовал за строкой текста. — Я столько страдал в своей жизни, что не заслужил еще одного обвинения.

Дверь открылась, и в комнату, тяжело ступая, вошел Г. М.

На нем были все тот же белый фланелевый костюм и тонкая белая рубашка; большие кулаки висели по бокам. Выглядел он мрачнее некуда. Энн и Кортни вопросительно посмотрели на него.

— Положение не лучше, — проворчал он. — Если не сказать, хуже. И продолжает ухудшаться. — Он совсем почернел. — Знаете, — казалось, он обращался к самому себе, — хорошо, что я не взял на себя ответственность ставить диагноз. Все симптомы налицо: ржавая булавка на туалетном столике... О, Господи, что *не так*?

— Сэр Генри! — голос Рича щелкнул, как бич.

Г. М. пришел в себя.

— Привет. Это вы, сынок?

— Самое время, — Рич с хлопком закрыл книгу, — услышать, что у меня снова проблемы. Откровенно говоря, я не собираюсь — как это сказать? — подставляться во второй раз. Я не верю. Четырнадцать часов! Вру, шестнадцать, но это ничего не меняет. Слишком быстрая реакция.

Глаза Рича превратились в щелки.

— Я не знал, сэр, что вы медицински образованный человек.

— Угу. Да. В некотором роде.

— Что они ввели?

— Столбнячный анатоксин.

— Как много?

— Тысяча единиц. Ввели интратекально через поясничный прокол. Обезболивающее — морфий. Покой и темнота. Что еще они могут предложить? И все же, знаете...

Г. М. пересек комнату и опустил большую часть своих пятнадцати стоунов²⁷ в резное кресло.

— Когда вы начинаете об этом думать, — насупившись, продолжил он, — вы видите, что симптомы, по-настоящему тревожные симптомы, проявляются слишком быстро. Если только... — темп его речи замедлился, — булавку заранее не окунули в бациллы столбняка.

27. Чуть больше 95 кг.

В библиотеке установилась такая тишина, что было слышно поскрипывание пола наверху, словно в спальне Вики Фейн над их головами кто-то ходил на цыпочках. Это материальное ощущение тишины давило на слушателей. Рич отошел на шаг от стола; движением руки он придал глобусу вращение. И так же кружились их мысли.

— Полагаете, — спросил он, — преднамеренное убийство?

— Не знаю, сынок. Вряд ли, хотя, кажется, это единственное объяснение. При условии...

Г. М. резко замер. Лицо одеревенело и мгновенно сделалось непроницаемым, рука покачивалась в неподвижном воздухе; за большими очками вспыхнуло сомнение. Он щелкнул пальцами.

— Простите, — поспешил извиниться он и поднялся. — Мне нужно идти.

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Никто ничего не успел сказать, все сидели молча и слушали, как удаляются его шаги.

— Бациллы столбняка, — пробормотала Энн. В ее собственном взгляде смешались удивление, недоверие и страх. — Откуда? — Она обратилась к Ричу: — Разве такое возможно?

— Не спрашивайте меня. Я далек, мисс Браунинг, от того, чтобы конкретизировать... — Рич собирался что-то сказать, но остановился. — Здесь есть ловушка, — закончил он.

— Доктор?

— Да?

— Если Вики умрет, то как скоро?

— Как я могу это знать? В редких случаях летальный исход наступает в течение двадцати часов после появления первых симптомов.

Энн посмотрела на закрытую дверь.

— Двадцать четыре часа, — повторила она. — Пять часов утра. Рассвет. Завтрак... может быть. О, это ужасно!

Рич больше ничего не сказал. Как лунатик, с невидящим взглядом он встал и покинул библиотеку.

Минуты тянулись. Врожденное чувство порядка заставило Энн восстановить целостность энциклопедической полки.

— Думаю, мне пора домой, — разрешилась она бесцветным голосом. — Здесь моя миссия закончилась, а завтра рано вставать. Вы не... не проводите меня? Полпути мы могли бы проделать вместе.

— Я провожу вас до самого дома.

— Я выйду через заднюю дверь. Мне тут совсем близко, на Дрейтон-роуд. Поднимаетесь по Элм-лейн, за домом, и сворачиваете на Олд-Бат-роуд.

Не заглядывая далеко в будущее, не думая о том, что его ждет в следующие полчаса, Кортни открыл ей дверь. Они прокрались на цыпочках по паркетным половицам холла в столовую. Наверху гудели приглушенные голоса; по-видимому, шел какой-то спор. Голос Г. М. отчетливо произнес фразу «непрерывное стягивание», которая привела доктора Нитсдейла в ярость.

В отличие от темной столовой облицованная белым кафелем кухня за ней была освещена. На холодильнике, создавая домашнюю атмосферу, тикали часы. Дейзи Фентон сидела на жестком стуле, то и дело вытирая уголком фартука красные от слез глаза.

У раковины стояла полная седая женщина; наверное, предположил Кортни, это миссис Проппер, кухарка. Хотя с виду она держалась как гренадер, напряженный взгляд выдавал недавние эмоции.

Качающаяся дверь²⁸ кухни (которая, на удивление, совсем не скрипела) впустила Энн и Кортни в свой теплый, уютный мирок.

— Добрый вечер, миссис Проппер, — вежливо поздоровалась Энн.

— Вечер добрый, мисс Энн.

— Что-то вы сегодня припозднились.

— Впервые после девяти часов я не в постели, — заявила миссис Проппер, для равновесия держась одной рукой за сушилку — со времени тех грандиозных пирушек, когда все хотели *bomb a la rain* на сладкое (О, Дейзи, прекрати хныкать, ты же умная девочка!). Мисс Энн, кто этот дикарь?

— Какой дикарь?

— У которого голова лысая.

— Вы имеете в виду доктора Рича?

— О, *этого*? Гипнотизера-то? Нет. Я его знаю. Он проходил здесь всего несколько минут назад — вышел через заднюю дверь в сад и даже не попрощался. Нет, я имею в виду другого. Толстяка, который разгуливает в одной рубашке, если хотите, — он был здесь до гипнотизера и задавал вопросы.

— Вы имеете в виду сэра Генри Мерривейла?

Миссис Проппер опешила.

— Господи! Не как с титулом? — Очевидно, это повысило акции Г. М. в ее глазах. — Кто бы мог подумать! Надеюсь, я его не оскорбила. Но он ведет себя так, будто у него не все дома. Теперь, есть еще такой капитан Шарплесс. Скажу вам, это срамота!

— Тетя! — воскликнула Дейзи. — Тетя!

— А я говорю, это *срамота*, — повторила миссис Проппер, ударив рукой по сушилке. — И я уверена, что мисс Энн поддержит меня. Мистер Фейн не успел остыть в своем гробу, а он уже прется сюда на следующий день и поднимается к миссис Фейн, прямо в ее спальню, если хотите. В четыре часа дня! Сейчас он в саду, и говорю вам, это срамота.

— В самом деле, миссис Проппер!.. — с укором сказала Энн.

Но миссис Проппер отказалась скорбеть по поводу смерти или болезни, поскольку выбрала иной путь. Сила собственных суждений увлажнила ее глаза.

— Заметьте, мисс Энн, я не говорю, что мистер Фейн был для меня идеалом джентльмена. Он просматривал мои домашние счета так, словно я могла обмануть его и помечал каждую мелочь карандашом. Мне нравится, когда джентльмен не думает о своих расходах, а иначе зачем ему быть джентльменом?

— Миссис Проппер, пожалуйста!

— Но не говори о мертвых плохо — так меня всегда учили и о чем я всегда помню. Вот мистер Хьюберт. Не скажу, что он не жалеет денег, но, по крайней мере, от него всегда можно услышать доброе слово. «Наверняка, это доставляет вам кучу хлопот, миссис Проппер?» Ты не ропщешь, — продолжала кухарка; слезы катились по ее лицу, но она сжимала челюсти, чтобы не разреветься, — если тебя уважают в этом мире. Но не говори о мертвых плохо; в конце концов, он был ее законным мужем.

Это повлияло на Энн.

В голову Кортни, смущенного и напуганного тем, что сейчас все трое зарыдают в один голос, пришла свежая идея.

— Миссис Проппер! — он обратился к ней в таком дерзком и повелительном тоне, что она ненароком выпрямилась.

— Да, сэр?

28. Разновидность распашной двери, открываемая в обе стороны.

— Вы сказали, что сэр Генри Мерривейл задавал вам здесь вопросы?

— Да, задавал.

— Вопросы о чем?

Он вызвал новый всплеск недовольства.

— О том, к примеру, что сегодня ела миссис Фейн.

— О?

— Да, уж поверьте. Раз Дэйзи здесь, она может рассказать вам, что ни один кусочек пищи не полез ей в горло, кроме грейпфрута, который капитан Шарплесс отнес ей в четыре часа. Это все, к чему она притронулась, когда почувствовала себя плохо (как вам хорошо известно, мисс Энн). Я тысячу раз говорила ей, что это не еда, чтобы крепиться душой и телом.

— Да, конечно, миссис Проппер, но...

— И в любом случае, коли бедняжка умирает, в конвульсиях, как они говорят, какая разница, сказала я им, ела она что-нибудь или не ела? Вот мои слова.

12

Часы громко тикали.

— Интересно, — произнес Кортни вслух.

Догадки, беспричинные, не оформившиеся, роились в его голове. В нагретом и влажном воздухе кухни стоял аромат тушеного ягненка.

— Извините нас, я понял, — сказал он миссис Проппер, отвлекаясь от своих мыслей. — Мисс Браунинг хочет вернуться домой.

— И поэтому ей мой совет, — заявила кухарка, открывая заднюю дверь, — пусть малость поспит, кто-то из нас останется сегодня в доме. Спокойной ночи, мисс Энн. Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи, миссис Проппер.

Дверь за ними закрылась. Две ступеньки вниз — и на мгновение их ослепил контраст между лунным сиянием и светом из голых окон кухни.

Они ступили на твердое покрытие бетонной подъездной дорожки, которая шла параллельно задней части дома и заканчивалась у гаража на другом конце. Под прямым углом от нее ответвлялась гравийная тропинка, которая вела к розарию. Миновав садовый сарай, они свернули на нее и уже прошли больше половины пути, когда Энн заговорила.

— Почему Г. М. спросил об этом?

Казалось, он чувствовал тревогу, искал шпионов, следящих за ними из кустов. Аромат роз, не имеющий цвета, но предполагающий бурное цветение, окружил их.

— В грейпфруте есть что-нибудь такое, — спросила она, — что плохо действует на... ну, какой-нибудь яд, который вызывает этот тризм челюсти?

— Не знаю. Грейпфрут — это кислота. Или алкалоид? В любом случае это серьезная штука.

За розарием начинался открытый участок с несколькими яблонями и сливами. В высокую каменную ограду была вмонтирована калитка. Когда он открыл ее, Энн обернулась.

— Пожалуйста. Мне было очень приятно услышать ваше предложение проводить меня до дома, и я безумно благодарна вам за него, но все же я бы предпочла, чтобы вы этого не делали.

Он почувствовал прилив разочарования.

— Дело не в том, что я не хочу, чтобы вы... — быстро проговорила она. — Я хотела бы, но мне нужно кое о чем подумать. Даже вам я не могу сказать — о чем. Может, в другой раз я буду поразговорчивее. Вы не против?

— Конечно нет.

— Тогда спокойной ночи. — Она протянула руку.

Он взял ее.

— Спокойной ночи, и выкиньте скверные мысли из головы. Вы уверены, что у вас все в порядке?

— В порядке? — Она рассмеялась, и ее глаза расширились. — Почему у меня должно быть что-то не в порядке?

— Не знаю. Наверное, я заразился от Фрэнка Шарплесса. Чувствительный субъект. Ладно, не обращайтесь внимания. Просто не хотелось бы, чтобы с вами что-то случилось.

— Вы милый, — сказала Энн и после недолгой паузы пожала ему руку.

Силуэты отделились друг от друга.

Кортни запер железную калитку, оперся на нее, выглянул в переулок и повернул голову влево. Мягкая, густая трава заглушала шаги. Тропу с одной стороны скрывал глухой каменный забор со склонившимися кронами фруктовых деревьев, с другой вытянувшиеся в одну линию вязы, также создающие вместе с кустами и зарослями крапивы внизу плотный заслон. Упавшие яблоки гнили в траве. Это был небольшой узкий проход, днем населенный осами и полный мрачной угнетенности по вечерам.

На глазах Кортни ситцевое платье мелькнуло во тьме и исчезло.

Он отошел от калитки и нащупал в кармане трубку. Жарко сегодня. Невыносимо жарко. Как он раньше этого не замечал?

Слева вдалеке на фоне лунного неба возвышался Лекхэмптон Хилл с глиняными карьерами вдоль его верхних хребтов. С него начинался Котсуолд, и стоя там, вы могли бы рассмотреть весь Челтнем, серый игрушечный городок в долине. В голове Кортни тотчас пробежали стихи, которые он давным-давно прочитал в какой-то антологии:

*Ноябрьский вечер! В Лекхэмптоне, сырой
И тихий, призван ты скрывать холма вершину,
Сползая вниз на серую долину,
Туманить окна мутною росой.
Ветрами странными играть, как арлекины,
Заставив скрипкой плакать вяз родной.²⁹*

Ну, сейчас не ноябрь. И жара. Жара, и узкая травянистая тропа, как темный тоннель, прорублена в садах со спелыми плодами.

Фил Кортни набил трубку и зажег спичку. Крошечная головка, объятая пламенем, неожиданно заставила его вздрогнуть. Он повернулся к дому, сознавая, что если от обыкновенной спички его так тряхнуло, значит, с нервами что-то не так.

Кажется, в доме пробудилась активность. Это было видно даже издалека.

Он думал о Вики Фейн, — мимические мышцы которой превратились в застывшие гипсовые отливки, а рот оказался растянут в ширину в результате стойкой сардонической улыбки, — симпатичной, пышущей здоровьем Вики, приговоренной сейчас к неподвижному лежанию на кровати, когда любой скрип или внешнее раздражение могли спровоцировать судороги.

29. Джеймс Элрой Флекер, «Ноябрьский вечер».

Он сделал несколько шагов вглубь сада, затем остановился и прислушался. Он различил четкий звук, ворвавшийся в тишину сонных улочек. Конкретный звук. Сирена «скорой помощи».

Вслед за этим откуда-то со стороны зеленого переулка закричала женщина.

Из трубки посыпались огонь и искры. Он попытался выбить ее, но сунул в карман, не задумываясь о своих действиях. Подсознательный страх вернулся. Крики, пронзительные и испуганные, оборвались, словно рот зажали рукой. Затем тишина и еще один крик.

Пальцы не слушались, и понадобилось несколько минут, прежде чем он открыл калитку. Ему не нужно было гадать, в каком направлении двигаться. Он побежал влево, под ногу попало гнилое яблоко, и он пнул его на бегу.

— Энн! — звал он. — Энн!

Никакого ответа.

— Энн!

Где-то впереди, как ему показалось, он уловил движение, затем пауза, которую можно было назвать моментом осмысления, и треск, словно кто-то продирался сквозь кусты или жгучую крапиву.

В мягком, как влажная губка, тоннеле лежали редкие пятна лунного света. Он пробежал не меньше ста ярдов по переулку, когда увидел ее, по крайней мере, что-то в ситцевом платье, опирающееся на руки и стоящее на коленях у каменной ограды слева. Услышав шуршащие по траве шаги, она поднялась на ноги и припустила, как сумасшедшая, в противоположную от него сторону.

— Энн! Это я! Фил Кортни!

Фигура замешкалась, споткнулась и, шатаясь, как тростинка, остановилась. Когда он настиг ее, она стояла спиной к нему, едва узнаваемая в рассеянном лунном свете.

— Что случилось?

— Ничего. Н-ничего!

Он слышал ее слабое, хриплое дыхание, заикающуюся речь с интонациями ужаса. Тогда он зажег и поднял спичку, чтобы получше разглядеть ее.

Первые мгновения она отказывалась повернуться к нему лицом. Когда она это сделала, — в ход пошла уже вторая спичка, — на ее лице играла улыбка, но не слишком убедительная.

Тонкое платье было разорвано у левого плеча, из прорехи выглядывала чашечка белого шелкового лифчика. На шее под левым ухом начал наливаться синяк. Густые волосы, уложенные в косичку вокруг головы, слегка растрепались; из них торчали потревоженные шпильки. На платье отпечатались следы от травы, коричневые шелковые чулки на коленях пошли гармошкой. Она была измученной, грязной, но пыталась держаться так, словно ничего не произошло.

— Тихо! Я в п-полном порядке, — убеждала она. — Потушите спичку. Нет. Зажгите еще.

— Но что...

— Какой-то человек. Мужчина.

— Кто?

— Я н-не поняла. — Она провела рукой по лбу. — Он схватил меня сзади и зажал рот рукой. Он... В общем, я вырвалась и заорала. Он снова зажал мне рот. Кажется, мне удалось укубить его за руку, но я не уверена. Когда он услышал, что вы близко, он, должно быть...

— Куда он делся?

— Ушел ч-через... кажется, туда. В сторону полей. Там открытое поле. Нет, не надо! Нет! Возвращайтесь назад!

Стояла крошечная тьма. Грозной стеной нависала высокая крапива. Он зажег еще одну спичку, держа ее над головой, но ничего не обнаружил, кроме некошеной травы и нескольких догнивающих в ней слив.

— Вы бы его снова узнали?

— Нет, я же его не видела. Пожалуйста, не поднимайте шума! Проводите меня до дома.

Она вся тряслась от ужаса.

Он взял ее руку и не выпускал до тех пор, пока через триста ярдов прямо перед ними не выросли тусклые белые фонари Олд-Бат-роуд.

— Теперь со мной будет все хорошо, — заверила она. — Нет, дальше не надо. Я не хочу, чтобы мои родители видели вас... нас; бог знает, что они могут подумать. Спокойной ночи. И спасибо.

Он ничего не успел сказать — она легко побежала, придерживая на ходу разорванный рукав платья. Он увидел, как она пересекла дорогу, быстро скользнув взглядом по сторонам, и свернула к ближайшей калитке. Взволнованный сильнее обычного, Фил Кортни побрел назад.

Провидческие предчувствия, оказывается, по-своему полезны. Инцидент был коротким и ярким — мог ли он представить себе такое раньше? По дороге назад он остановился там, где нашел Энн, и решил еще раз исследовать это место — деревянную (как он заметил) калитку с белой эмалированной табличкой «Коммерческим и рекламным агентам вход воспрещен». Он зажег спичку в надежде отыскать какие-нибудь следы.

Следов не было... Ничего подходящего, даже простой заправки, кроме примятой травы, злосчастного переулочка и тесно растущих вязов.

— Я буду... — пробормотал он вслух.

Последняя спичка обожгла ему пальцы, он отбросил ее и вернулся к дому Фейнов. Когда он открыл калитку, перед ним тут же выросла тень.

Но это был всего лишь Фрэнк Шарплесс.

— Кто там? — спросил голос Шарплесса из темноты.

— Я.

— О, сколько сейчас времени?

— Я не знаю. Наверное, уже одиннадцать. Фрэнк, ты видел кого-нибудь здесь?

Шарплессу понадобилось некоторое время, чтобы уловить смысл вопроса. Он выглядел ошеломленным и таким потерянным, что беспокойство Кортни по поводу Энн совершенно растворилось в этом море тоски. Страдания Шарплесса напомнили ему о Вики Фейн, умирающей от столбняка в закупоренной спальне.

— Напали на Энн? — Шарплесс продолжал сыпать бессмысленными вопросами. — Где? Когда? Почему? — Он пытался сосредоточиться, но получалось плохо. — Как она?

— Ничего. Обошлось синяком и порванным платьем.

— Ее пытались?..

— Не знаю. Скорее всего, ее тоже хотели убить.

— Объясни, что значит «тоже хотели убить»? — спросил Шарплесс после некоторого замешательства, словно эта мысль поставила его в тупик.

— Не обращай внимания. Просто сорвалось с языка.

— Ты думаешь, кто-то пытался убить Вики? — Мощные пальцы Шарплесса, как клещи, сомкнулись на руке Кортни. — Умышленно?

— Нет, нет, нет!

— Смотрю, тебе нравится Энн.

— Да.

— Удачи, старик. В другое время я бы не поспешил на поздравления, но сейчас... — Он махнул в сторону дома. В темноте он весь напрягся, заговорил громче, переходя на молитвенный тон: — Не дай ей умереть, Господи. Не дай свершиться несчастью!

— Тише!

— Что они вообще там делают? Я знаю, что-то произошло. Куча народа приехала из больницы или еще откуда-то. Но они даже не подпустили меня. Говорят, ждите! Я забыл спросить тебя. Который час?

— Ты уже спрашивал. Я сказал...

Его опередил колокол городской часовни.

— Еще только двенадцать? — недоверчиво спросил он. Занервничал он уже после первых трех ударов. — Черт, этого не может быть. Что-то не так с часами. Сейчас, должно быть, не меньше двух.

— Фрэнк, возьми себя в руки.

— Говорю тебе, с этими часами что-то не то!

Но с часами было все в порядке.

Они убедились в этом задолго до того, как часы исправно отбили сначала четверть затем половину, три четверти и следующий час.

Шарплесса в его нынешнем состоянии, решил Кортни, лучше держать подальше от дома, на случай, если он устроит сцену. Он усадил Шарплесса на каменную скамью под деревьями и заставил курить. Поскольку город спал мертвым сном, огни в доме горели ярче обычного. «Больничная палата» наверху молчала.

Бой часов проник в их мысли. Они чувствовали его, пока часы молчали, и вздрагивали, когда он звучал вновь.

Время тянулось медленно, Шарплесс говорил. Говорил он торопливо, монотонно, низким голосом с редкими интонациями. Говорил о себе и Вики Фейн — о том, что они сделают, когда она поправится. Говорил о колледже; сказал, что его могут отправить в Индию, и дал подробное описание жизни в Индии, в основном, то, что рассказывали его отец, дяди и дед.

До рассвета, подумал Кортни, должно быть, рукой подать. Совсем скоро, белый и призрачный, он выступит из-за фруктовых деревьев.

Церковные часы пробили половину третьего.

Через десять минут, за время которых Шарплесс вспомнил свое бесконечное детство и игру «Маленькие войны»³⁰, задняя дверь дома отворилась.

— Капитан Шарплесс! — позвал голос миссис Проппер, пропитанный желчью. — Капитан Шарплесс!

Шарплесс рванул к дому, Кортни побежал за ним.

— Они полагают, что вам лучше присутствовать, — добавила миссис Проппер уже серьезно.

— Спокойно, Фрэнк!

— Я не вынесу этого, — рявкнул Шарплесс. — Я не могу!

— Ты должен. Черт возьми, не строй из себя кисейную барышню! Пошли.

30. Военно-тактическая напольная игра, которой Герберт Уэллс посвятил свою книгу «Little Wars» (1913), чье полное название в переводе звучит как «Маленькие войны: игра для мальчиков от 12 до 150 и для тех интеллигентных девочек, которые любят игры и книги для мальчиков».

Шарплесс на ватных ногах прошел мимо плачущей Дейзи. В столовой он споткнулся о стул и нашел выход, только когда Кортни включил свет.

Небольшой консилиум спускался по лестнице в холл — торжественно, с большим количеством остановок, словно все еще не мог оторваться от лицезрения больной. Впереди шел маленький доктор Нитсдейл, за ним сэр Генри Мерривейл, замыкал шествие мужчина в белом халате. Как удар по голове, Кортни поразило выражение их лиц.

Мужчина в белом халате, хотя лоб его покрывала испарина, улыбался. Тяжелая, мрачная физиономия Г. М. несла в себе проблеск облегчения. Даже доктор Нитсдейл, жестокий человек с манерами сиделки, которые могли растерзать самого Мафусаила, и тот заметно поубавил в своей свирепости.

Его голос был глубоким, но резким и пронзительным.

— Разумеется, — рассуждал он вслух, мешая шотландские и английские слова, — я не говорю, что это не красивое предположение! В ваших жилах, я не сомневаюсь, течет шотландская кровь. Hoots³¹, не трудитесь отрицать очевидное. Но вместе с тем, заметьте, я не говорю, что леди вне опасности, ничего подобного. Пока...

Он внезапно умолк, заметив Шарплесса, который ждал у нижней стойки перил.

— Hoots! — произнес доктор Нитсдейл после короткой паузы. — Вот юноша мог бы справиться с дозой! Losh³², дружище, держитесь крепче! Вы...

— *Она умерла?*

— Hoots! — повторил доктор Нитсдейл.

Шарплесс обеими руками схватился за перила.

— Все хорошо, сынок, — успокоил его Г. М. — Не волнуйтесь. Она будет жить.

13

Прошла пятница, за ней суббота.

В воскресенье старшего инспектора Мастерса, который был очень занят все эти дни, вызвали на совещание с сэром Генри Мерривейлом.

Фил Кортни тоже был занят.

На данный момент мемуары насчитывали девяносто тысяч слов. После того, как он удалил материалы клеветнического характера, скандальные и дурного вкуса, он рассудил, что примерно пятая часть вполне подходила для печати. Он был удовлетворен. Это позволило бы придать книге стройность; поэтому он не спешил.

От некоторых историй он вынужден был отказаться с тяжелым сердцем. Одна из них, яркий и реалистичный рассказ о первой серьезной влюбленности, можно сказать, романе Г. М. в возрасте шестнадцати лет. Но поскольку женщина, о которой шла речь, вышла замуж за человека из состава нынешнего кабинета министров и прославилась на всю Англию своими благочестивыми делами, он счел за лучшее опустить этот эпизод.

Другой случай описывал особенно дьявольский трюк, — техника Г. М. в этом вопросе, казалось, с годами только оттачивалась, — задуманный для лишения дяди Джорджа спокойствия. Но поскольку уловка выполняла определенную задачу, для которой даже сам Сатана не додумался бы использовать уборную, Кортни пришлось с сожалением отказаться от увековечивания этой истории.

Непросто было и с диктовкой. Она не прекращалась на время дознания, состоявшегося в субботу, не прервалась официальным, в присутствии полиции, опознанием тела Артура Фейна дядей Хьюбертом.

Но ее пришлось отложить из-за внезапно вспыхнувшей страсти Г. М. к посещениям аптек.

Кортни не мог поверить, что в мире существует так много фармацевтов, особенно в

Челтнеме. Конечно, он понимал, что происходит что-то серьезное. Понятнее было бы, ходи Г. М. с фотографиями, задавай соответствующие вопросы. Но ничем таким Г. М. не занимался.

Он шел в аптеку, показывал рецепт на то или иное лекарство, и пока аптекарь готовил его, добрых десять минут вел пустопорожние беседы. Ни имен, ни вопросов.

Количеству и разнообразию приобретений Г. М. позавидовал был любой, обладающий способностями дяди Джорджа к арифметическим вычислениям. Даже хозяина дома, майора Адамса, они не оставили равнодушным, вызвав у него бурный протест.

— Но, черт возьми, мой дорогой друг! — пенял майор. — Черт возьми, в конце концов, я хочу сказать!..

— Что случилось, сынок?

— Ну, если вы чувствуете, что не можете обходиться без аптек, купили бы тогда что-нибудь полезное. Крем для бритья. Лезвия для бритвы. Или хотя бы зубную пасту. Но что вы покупаете? — недоумевал майор, перечисляя. — Четырнадцать бутылочек микстуры от кашля, двенадцать бутылочек успокоительного сиропа, девять бутылок конской мази, восемь бутылок...

— Оставьте меня в покое, сынок. Я знаю, что делаю.

И Кортни мог поклясться, что это так.

Кортни не видел Энн с четверга. Она вернулась к своей работе в Глостере, и он не мог встречаться с ней по вечерам, поскольку все вечера у него отнимала диктовка.

В воскресенье — тяжелый, с грозовыми тучами день — он впал в уныние, увидев, что Г. М., захваченный воспоминаниями, настроился на болтовню, и приветствовал перерыв, когда вскоре после обеда появился старший инспектор Мастерс.

Мастерс нашел Г. М. в библиотеке, в теплых домашних туфлях, с ногами на столе, углубившегося в историю о том, как в середине восьмидесятых братья Дэвенпорт³³ применили пантографный захват. Глаза его оставались закрытыми, пока он не рассказал ее до конца. Затем он уставился на Мастерса и отказался от всякой попытки диктовать:

— Ну что? Есть новости?

Лицо Мастерса было очень мрачным.

— Много, — заверил его старший инспектор. — Миссис Фейн способна обратить на себя внимание, ей здорово полегчало. Оно и к лучшему, потому что, должен признать, в деле Полли Аллен, кажется, что-то есть.

— Ага!

Однако Мастерс, мрачность которого говорила сама за себя, был осторожен.

— Я бы не радовался, — заметил он. — Пока. Но провалиться мне на этом самом месте, если сегодня я не добыю правды от миссис Фейн. Мы с Эгнью выслушали множество народа, кто знает — или знал — Полли Аллен.

— Хорошо. Из продажных или как?..

Мастерс раскрыл на столе свой блокнот.

— Если вы имеете в виду — профессионалка, нет. Ни в коем случае.

— Так? Это уже интересно.

— То, что она постоянно крутилась возле баров, факт. Позволяла себя угостить, но была очень... разборчивой. Выбирала молодых, которым плевать на деньги. Вряд ли это вяжется с высоким обществом, но вот вам. Вполне себе леди, в некотором роде.

33. Американские медиумы (по мнению скептиков — иллюзионисты), благодаря массовым демонстрационным сеансам получившие сенсационную и во многом скандальную известность в середине 1860-х годов, на волне раннего спиритуализма.

— Чем она зарабатывала на жизнь?

Мастерс нахмурился.

— Никто, кажется, толком не знает. Дружков-приятелей, что называется, у нее не было. Ничего такого. Несколько знакомых из разряда, знаете, «привет, ужасная погода», но это всё не то. Говорила, что какое-то время работала на сцене...

— На сцене? И что делала?

— Не уточняла, но говорила об этом с гордостью, напустив тумана. Мы можем проверить ее через театральные агентства, если вы считаете, что это стоит того. У меня есть снимок.

Небольшая фотография была заложена между страниц записной книжки. Г. М. убрал ноги под стол и уткнулся в нее. Мастерс и Кортни пристроились сзади.

Со снимка на них глядела стройная девушка, быть может, лет девятнадцати, на берегу моря в максимально открытом цветочном купальнике. Она стояла на многолюдном пляже, улыбаясь, вытянув руки вверх, словно собиралась поймать мяч. Благодаря яркому солнцу и стационарной камере, каждая деталь получила четкое изображение: блестящие темные волосы, полные губы, нос округлый, правильной формы.

Г. М. внезапно заговорил.

— Смотрите, Мастерс. Ни кого не напоминает?

— Точно не припомню, сэр.

— Кого мы видели тут в последнее время, а? Господи возлюбви Исава, подумайте! — упорствовал Г. М. Он повернулся к Кортни. — А вы что скажете?

Кортни кивнул. Собственные обостренные чувства помогли ему заметить сходство.

— Она немного похожа на Энн Браунинг. Цвет волос другой, но черты лица и выражение...

На лице Мастерса появилось сомнение.

— О! Ну, если только немного. Но что с того? Вы думаете, в этом что-то есть?

Старые опасения вернулись к Кортни, и он подумал, что, возможно, с Полли Аллен в июле случилось то же самое, что и с Энн Браунинг в четверг вечером. Он рассказал Г. М. о недавнем нападении. Сообщение было встречено глубокомысленным молчанием, что еще больше встревожило его.

Г. М. подтолкнул снимок в центр промокательницы и некоторое время сидел молча, крутя большими пальцами.

— Хм. Ну. Что там еще по Полли Аллен?

— В последний раз ее видели живой, — продолжил Мастерс, сверившись с записной книжкой, — около восьми часов вечера пятнадцатого июля.

— Ха! Это же в тот день, о котором говорила девица Браунинг?

— Да, сэр. Полли Аллен выпила с двумя подружками в баре гостиницы «Королева» — думаю, это самое шикарное место в городе — и сказала, что ей нужно бежать, потому что у нее «тайное свидание».

— О ее романе с Артуром Фейном в городе хорошо знали?

— Нет. Кажется, она держала его в секрете, что вполне естественно. Ее подружки заявили, что выглядела она довольно необычной («веселой», как они сказали). Она ушла из бара около восьми часов, и с тех пор ее никто не видел.

Она снимала комнату над магазином на Променейд. Ее вещи все еще там. Но поскольку за жилье она заплатила до конца месяца и не привыкла отчитываться типа того о своих гулянках, хозяйка не волновалась.

Мастерс еще гуще покраснел.

— Теперь, внимание! — сказал он. — Это не обязательно означает, что она мертва. Но должен признать...

— Да, действительно.

Какое-то время все молчали. Редкие лучи солнца, пробиваясь сквозь плотную завесу облаков и душный воздух, играли на коллекции старинного оружия, чьи образцы украшали стены библиотеки. Лицо Г. М. заволочло тучами.

— Что еще вы накопили?

Мастерс перевернул страницу.

— М-м-м... Еще. После упорных препирательств с банком, мы проверили состояние счетов всех заинтересованных сторон. И, увы, не нашли ничего, что бы нас удивило или как-то помогло.

Завещательная воля Артура Фейна, как я уже говорил вам, безоговорочно оставляет все его жене и избранным благотворительным организациям, если с ней что-нибудь случится. Он единственный Фейн в партнерстве «Фейн, Фейн & Рэндалл»; отец его умер давно, а мать в 1929 году. Его имущество составляют дом на Фицгерберт-авеню, владельцем которого он является, небольшая страховка и около двух тысяч наличными после уплаты всех долгов. Не слишком разбежишься для миссис Фейн.

Фил Кортни сел.

— Эй! — запротестовал он.

Остальные моргнули.

— Что случилось, сынок?

— Когда я был в той проклятой спальне, — объяснил он, — я случайно увидел банковскую книгу Фейна. Только на текущем счету у него лежало две тысячи двести фунтов.

Он изложил подробности, но Мастерс не впечатлился.

— Все правильно, — согласился старший инспектор. — Это долги, о которых я говорю. Я видел эти цифры. Большая часть наличных была на текущем счету; видимо, он решил, что так будет легче снять их, если придется поторопиться. Некоторые близкие к фирме люди подозревают, что в «Фейн, Фейн & Рэндалл» что-то нечисто. Мы знаем, что мистер Фейн вынужден был продать страховку около шести месяцев назад, но он все вернул обратно.

И теперь это покрывает любые его обязательства. Мистер Фейн был очень пунктуальным человеком. Его книги в порядке, и все они такие же аккуратные, как булавка.

— Но не как та булавка, — заметил Кортни, — о которой я думаю.

— А?

Все подавленное любопытство последних трех дней, вся боль и память о той ночи в саду и Вики Фейн, борющейся за жизнь, вернулись с волной почти маниакального недоумения.

— Послушайте, — сказал Кортни, — я не имею к этому делу никакого отношения, кроме того, что в нем замешан мой друг. Возможно, я сую свой нос, куда не следует, но у меня один вопрос. Можно я задам его?

— Разумеется, сынок, — уступил Г. М. — Валяйте.

— Столбняк. Странный случай, в котором, я знаю, есть что-то неправильное и подозрительное. Я знаю, что это не то, чего вы ожидали. Но я не могу точно сказать, в чем заключается странность этого случая. В среду вечером, около одиннадцати часов, доктор Рич проткнул булавкой руку Вики Фейн в той спальне. Так?

Г. М. и Мастерс переглянулись. Пожимание плечами и едва заметный кивок — старший инспектор, казалось, предоставил Г. М. разбираться с вопросом самому.

Г. М. шмыгнул носом.

— Тебе виднее, сынок, ты там был.

— Верно. Спустя шестнадцать часов появляются симптомы прогрессирующего столбняка. Правильно?

— Правильно.

— Вы бросаетесь в дом, осматриваете Вики Фейн и в стеклянном лотке на туалетном столике находите ржавую булавку. Как я понимаю, при любых обстоятельствах вы бы сказали об этом только в четверг вечером, так?

— Так.

— Хорошо, — продолжал Кортни, набрав воздуха в грудь, — я могу засвидетельствовать, что булавка Рича, проколовшая руку Вики Фейн, была не ржавой, а чистой. Я не знаю, была ли она заражена преднамеренно или бактерии уже сидели на ней, но она точно не была ржавой, потому что я помню, как она блестела, когда он держал ее в руках.

Теперь мой вопрос: что все это значит? В чем подвох? Ваша постоянная беготня, щелканье пальцами, споры с врачами — что все это значит?

Г. М. вздохнул.

— Это значит, сынок, что мы чуть было не совершили ужасную ошибку.

— Ошибку?

— Да. Которую, по плану убийцы, мы должны были совершить и которая была бы столь же аккуратной, как и все, что вы до этого видели.

Дело в том, что убийца знал об этом прокалывании. Манна небесная! Ему достаточно подбросить ржавую булавку на туалетный столик, потом он кое-что сделает на следующий день, а дальше природа возьмет свое.

Любой врач, услышав про обстоятельства, увидев симптомы и получив в распоряжение такую булавку, неизбежно придет к выводу, что это столбняк. Смерть миссис Фейн квалифицировали бы как несчастный случай. Ричарду Ричу, однажды уже изгнанному из врачебного сообщества, можно было инкриминировать халатность, и тогда за свою небрежность он понес бы наказание. Не было бы никаких подозрений и никакого вскрытия. Следовательно...

Кортни провел рукой по лбу.

— Подождите! Ради бога, подождите! Тогда что было *страшного* в той булавке, которой Рич проткнул ей руку?

— Ничего.

— Ничего?!

Казалось, Г. М. беспокоит невидимая муха.

— Вы еще не догадались, сынок? — спросил он. — У заболевшей миссис Фейн не было никакого столбняка. Ее отравили стрихнином.

Фил Кортни вскочил на ноги.

— Стрихни... — он не закончил фразу.

Г. М. вытащил из кармана слегка помятую сигару, откусил кончик, аккуратно бросил его в камин и закурил, распространяя вокруг себя жирные клубы дыма.

— Видите ли, — пояснил он, — симптомы столбняка идентичны симптомам отравления стрихнином, разве что стрихнин действует значительно быстрее. Единственное отличие заключается в природе судорог — при столбняке сведение мышц носит

непрерывный характер, возникают тянущие боли. Даже самый опытный врач не побеспокоится об отравлении, если он уже подумал о столбняке.

Г. М. мрачно выпустил дым.

— Это не мы спасли жизнь миссис Фейн, — добавил он. — Ее спасло только то, что убийца дал ей слишком большую дозу. Она была настолько огромной, что нейтрализовала собственное действие. Я сразу послал за желудочным зондом...

Взгляд Кортни, минуя Г. М., устремился в прошлое. Многие расплывчатые картинки с периферии переместились на передний план...

— Милый человек этот убийца, не важно, мужчина он или женщина, — едко заметил Мастерс. — О! Кажется, у мистера Кортни появилась идея?

Идея у Кортни действительно появилась.

— Минуточку! — сказал он. — Когда же стрихнин попал в организм?

— В четверг около четырех часов дня, мы проверили это. То есть, примерно за двадцать минут до появления первых признаков. Это обычное время действия стрихнина.

— Понятно, и он был введен через рот, не так ли? В грейпфруте?

Г. М. поднял брови.

— Так, — проворчал он, всматриваясь в ядовитое облако дыма, — вы тоже пытаетесь играть в детектива? Правильно. Грейпфрут! Во-первых, кухарка клянется, что миссис Фейн в четверг кроме него больше ничего не ела; во-вторых, грейпфрут — единственный продукт, горечь которого может скрыть горький вкус стрихнина, провались ты пропадом!

— К кому вы обращаетесь?

— К тому, кто нам лапшу на уши вешал, — взревел Г. М. — Я был тем, кто водил всех за нос. Я был налимом, который попался на луну, и начал болтать о столбняке. И в том, что миссис Фейн сейчас жива, моя заслуга самая минимальная. Господи!

— Вы нашли грейпфрут, который был съеден? — спросил Кортни.

Ему ответил Мастерс.

— Нет, сэр, мы его не нашли, и вряд ли найдем. В то время все наши мысли занимала миссис Фейн. Сэр Генри позже спрашивал кухарку, и она сказала, что выбросила грейпфрут в мусорный бак. Мы проверили, но ничего не нашли, — понятное дело, от него избавились.

Мастерс нарисовал карандашом какую-то рожицу в уголке записной книжки. Белки его глаз, похожие на яйца, сваренные в крутую, налились кровью. Он наградил рожицу уродливыми щупальцами и сказал:

— Не похоже, чтобы убийца сделал это днем, учитывая, что мусорный бак находится рядом с дверью садового сарая, то есть, на самом виду. Поэтому будет очень интересно узнать, сэр, кто болтался в саду с наступлением темноты?

— Также хотелось бы знать, — продолжил Мастерс, черкая в книжке, — кто крутился возле миссис Проппер, когда та готовила грейпфрут, и кто мог отнести его миссис Фейн?

— Только не...

Кортни с воодушевлением начал мысль и осекся. Четверо глаз устремились на него.

— Да, сэр? — вежливо подтолкнул его Мастерс. — Вы что-то хотели сказать...

Кортни попытался выдавить из себя улыбку.

— Я хотел сказать, что только не Фрэнк Шарплесс. Из всех это была бы самая фантастическая кандидатура; представить, как он отравляет миссис Фейн... Нет, вряд ли его можно принимать в расчет.

Мастерс ответил уклончиво.

— Вероятно, да, но если этот молодой джентльмен не будет осторожен, его попросят уйти в отставку. Как ни крути, улики есть улики.

— Тем более, — продолжал Кортни, — это никак не снимает проблему кинжалов, с которой вы столкнулись в среду вечером; вы уже знаете, что подменить их никто не мог. Но если вы установите, что на следующий день еще и грейпфрут никто не мог отравить, то из вас сделают настоящую отбивную.

Под этим ничего не подразумевалось, но лицо Мастерса из пунцового угрожало стать фиолетовым. Мастерс так долго сдерживал себя, что даже намек хватило, чтобы его терпение лопнуло.

Скрепив резинкой записную книжку, он глубоко вздохнул и встал. Он принялся расхаживать по комнате, увешанной старинным оружием, поглядывая на него с любопытством, словно прикидывал, какое ему больше подойдет при нынешнем настроении.

— Теперь слушайте сюда, — решительно заговорил он. — С меня хватит нелепых и странных дел...

— Вы так думаете? — спросил Г. М. — Боже!

— Говорю вам, с меня хватит нелепых и странных дел. Честно, я устал от слова «невозможно»! Я больше не хочу его слышать. Что невозможного здесь? Яд в грейпфруте?

Г. М. успокоил его.

— Остыньте, Мастерс. Спорю, что вы вообще не думаете о невозможности. Вы думаете о своем большом красивом деле против миссис Фейн, разве не так?

— Может быть, и так, сэр.

— Разве не так? Потому что это простое дело, сынок, громко стреляет. Вряд ли она могла дать сама себе стрихнин только для того, чтобы показать, что умирает от столбняка. Зачем ей это?

Мастерс ничего не ответил. Он бросил тоскливый взгляд на устрашающего вида малайский кинжал, висящий на стене.

Г. М. задумчиво попыхивал сигарой.

— Просто мне интересно. Если мы исключили миссис Фейн, неожиданно поменяв мнение о предмете наших забот, тогда, следуя тем же принципам, кого мы можем исключить еще?

В этом вопросе Мастерс был настроен решительно.

— Нет-нет. В вашем случае я бы не исключал ни архиепископа Кентерберийского, ни самого папу. На кого бы вы ни подумали, это всегда будет конкретный человек. Впрочем, вы что-то хотели сказать?

— Я просто подумал о докторе Риче.

— Откровенно говоря, сэр, я тоже.

— Сей муж, — рассуждал Г. М. — чем-то не угодил судьбе, раз нажил столько неприятностей. Возьмем, к примеру, случай с якобы ржавой булавкой. Бедняга, поди, чуть с ума не сошел в прошлый четверг.

— Хм, да! — признал Мастерс. — И никакого мотива.

— Кажется, что никакого мотива. Над чем задумались, сынок?

— Думаю, — огрызнулся Мастерс, хватаясь за шляпу, — что мы достаточно мило побеседовали. Полагаю, чем раньше мы отправимся туда и встретимся с миссис Фейн и кухаркой, тем быстрее мы сможем вернуться к нашим приятным дискуссиям. Вы готовы, сэр Генри? А вы, сэр? Тогда чего мы ждем?

Спустя десять минут, часть из которых ушла на уговоры Г. М. надеть пиджак, они звонили в парадную дверь Фейнов.

Дверь открыла сияющая Дейзи, вздернутый нос и веснушчатое лицо которой горели как начищенный кофейник, и Мастерс приветствовал ее мягкой и обворожительной улыбкой.

— *Добрый* день, мисс.

— Добрый день, сэр.

— Как чувствует себя миссис Фейн? Надеюсь, ей лучше?

— *Как никогда*, сэр, — просияла Дейзи, бросив на Г. М. короткий, исполненный почти религиозного трепета, взгляд. — Она уже немного садится в постели.

— Как вы думаете, мы можем увидеть ее сейчас?

— Почему же нет, сэр, с ней мисс Браунинг, я только поднимусь и спрошу. Вы войдете?

— Не спешите, мисс. Не спешите! По правде говоря, мы пришли сюда, в основном, из-за миссис Проппер. Нет-нет! Беспокоиться не о чем. Просто мы хотим уточнить у нее одну маленькую деталь.

— Тетя на кухне. Туда, пожалуйста.

Энн Браунинг не была наверху. Она спускалась по лестнице, одетая в спортивное платье из белого твила³⁴ без рукавов. Напряжение большей частью спало с ее лица; синяк на шее под ухом не проглядывался, поскольку, скорее всего, был просто припудрен.

Мастерс приветствовал ее, когда она спустилась в холл.

— Добрый день, мисс Браунинг! Извините, что узнал про ночной случай. Новых нападений, как я понимаю, не было?

Энн замерла.

— Вы рассказали ему! — сказала она, укоризненно посмотрев на Кортни. — Жаль, не ожидала вас.

— Черт возьми, Энн, с этим не шутят! Вы, похоже, не осознаете, какой опасности подвергаетесь.

— Ничего страшного, мистер Мастерс, — заверила она старшего инспектора, игнорируя последнюю реплику. — Пожалуйста, забудьте об этом. Я не хочу никаких проблем. Я... я полагаю, вы пришли к Вики? Что-нибудь новое?

Мастерс, по мнению Кортни, вел себя несколько развязно.

— Ничего, мисс, кроме того, — понизил он голос, — что вы можете поблагодарить свои счастливые звезды, которые сошлись на лужайке майора Адамса в четверг в четыре часа дня.

— О чем это вы?

— О, это большой секрет, мисс. Великая тайна. Пойдемте, сэр Генри.

Мастерс и Г. М. в сопровождении Дейзи под недоуменным взглядом Энн прошествовали в столовую. Кортни задержался, чтобы поговорить с ней.

— Вы не... — сказала Энн, потупив глаза. — Вы не позвонили, не пришли ни в пятницу, ни в субботу; я надеялась, что хотя бы вечером... Но увы.

Его день, до этого пасмурный, затянутый дождевыми тучами, внезапно стал ослепительно солнечным.

— Вы имеете в виду, что?..

— Да, конечно.

— Девочка моя дорогая, — воскликнул он, — если бы я только мог знать, если бы хоть одна мысль пришла мне в голову, что вы... Боже, что это?

Звуки, и правда, кого угодно заставили бы подпрыгнуть. Предшествовали им различные обстоятельства. Пол в столовой был из полированного твердого дерева; он не скрипел, не стонал, а наоборот, обладал исключительной прочностью и идеальной гладкостью. Коврики на нем выполняли функцию островков. Быстро перешагивать с одного

34. Плотная и прочная хлопчатобумажная ткань саржевого переплетения.

на другой или лавировать между ними, если не видишь, куда идешь, было неразумно. Эту ошибку и совершил сэр Генри Мерривейл.

Просто сказать, что Г. М. подскользнулся, значит ничего не сказать. В этом отсутствовал бы элемент торжественности, сопутствующий тому, что произошло. Его ноги подбросило вперед, словно они загальванизовали. Отчаянный крик, изданный при этом, не помог. После описания чего-то, похожего на дугу, его внушительный зад приземлился на пол с таким грохотом, что поколебал люстру, и плавно послал всё, что выше, торпедировать буфет с фарфором, стоявший в шести футах. Возникла пауза, после которой из мощных легких полилось столько ненормативной лексики, богохульств и гнусных непристойностей, что дядюшке Джорджу впору было заливаться румянцем в inferнальных областях.

— Тише! — призвал Мастерс, тоже подвергшийся гальванизации. — Нет, нет, нет... — Шлеп!

Из кухни выбежала миссис Проппер.

— Я сейчас кому-то вырву его поганый язык...

Она резко осеклась. Часть благоговения Дейзи передалась миссис Проппер.

— Святые угодники, — выдохнула она, — это же знаменитый доктор.

Г. М. в ответ хотел что-то энергично возразить, но поскольку его рот был зажат рукой Мастерса, получилось только невнятное кваканье.

Мастерс убрал руку, только когда счел это безопасным.

— Мадам, — отдышавшись, сказал Г. М. сидя на полу. — Я предлагаю вам заменить некоторые смутившие меня качественные прилагательные. Я не знаменитый доктор. Знаменитый доктор нужен *мне*. Зовите скорее... о-о...

— Надеюсь, вы не сильно ударились, сэр?

— Кошмар, я парализован, я...

— Хотите, сэр, я разотру вам вот это место?

Г. М. тупо уставился на нее.

— Вставайте, сэр! — выдавил из себя Мастерс в смущенном отчаянии. Он попытался поднять Г. М., но тот продолжал сидеть как упрямый осел, пока его не осенило.

Он самостоятельно поднялся на ноги и быстро пересчитал все коврики. Его чудовищная травма, казалось, была забыта.

Если в четверг вечером миссис Проппер без обиняков назвала его дикарем, то сегодня она не была столь категорична. Для растроганной миссис Проппер он был кем-то вроде волшебника — он спас Вики Фейн от смертельных судорог.

Мастерс понял это и решил воспользоваться дарованным преимуществом.

— Очень интересно! — проворчал Г. М., оглядываясь вокруг себя. — Очень!.. — Казалось, он что-то вспомнил; он застонал и с запозданием прикинулся хромым, но поскольку это никого не впечатлило, даже растроганную миссис Проппер, хромоту пришлось оставить.

— Бесчувственные, — сказал он. — Бесчувственные ко всему! Послушайте, мэм, старший инспектор Мастерс хочет спросить вас...

— Спросите вы, сэр, — мягко уклонился Мастерс.

— Если что-то нужно сделать, — засуетилась миссис Проппер, — я буду очень-очень рада помочь вам, сэр! Вы зайдете на кухню?

Все, в том числе Энн и Кортни, прошли на кухню. Мастерс хотел было отказаться, но взгляд Г. М. заставил его замолчать.

— Мэм, — рассудительно начал Г. М., облокотившись на холодильник, — я хочу поговорить с вами совершенно откровенно. Вы умеете хранить тайну?

У миссис Проппер заблестели глаза.

Через окна в кухне Кортни мог видеть мусорный бак, притулившийся к сараю. Его металлическая крышка покосилась, и теперь исследовалась бездомной кошкой.

— Я уверена, сэр, что сделаю все возможное!

— Хорошо. Скажите, мэм, вы до сих пор считаете, что миссис Фейн чуть не умерла от столбняка, верно?

— Поскольку вы привели ее в чувство, сэр...

— Ну, в общем, это был не столбняк. Она была намеренно отравлена веществом, известным как стрихнин. Яд находился в грейпфруте, в той части, которую вы приготовили для нее в четверг около четырех часов дня. Вспоминаете?

Все замерло, кроме кухонных ходиков.

Если бы это заявление сделал кто-нибудь из знакомых миссис Проппер, вероятно, все закончилось бы взрывом негодования или истерикой. Как бы то ни было, сейчас она просто моргнула. Потом через некоторое время до нее дошло. Что ж, ему лучше знать. Он был Знаменитым Доктором.

На Энн Браунинг это произвело не менее сильное впечатление. Кортни видел ее напряженные руки и профиль. Остальные на кухне были не живее изваяний.

— Боже упаси, — пробормотала миссис Проппер, задыхаясь, — я...

— Успокойтесь! Здесь не говорится, что вы имеете к этому какое-либо отношение. Мы уверены, что вы этого не делали. Мы хотим сказать только, что кто-то обработал грейпфрут. Яд мог быть в виде жидкости или белого порошка. Вспомните.

Миссис Проппер сглотнула.

— Ей-богу, сэр, я ничего об этом не знаю! Я всю жизнь была честной женщиной и, ей-богу, никогда...

— Стоп, стоп, стоп. Я же *сказал*, мы знаем, что *вы* этого не делали! Или я неясно выразился? Ладно, я тоже добрый, вроде вас, скажите: вы помните, как готовили грейпфрут?

Миссис Проппер резко опустилась на белый стул. Она неистово принялась обмахивать себя фартуком. Сложно сказать, что бы с ней было, перевари она шок.

— Да, хорошо помню, только...

— Что произошло?

Кухарка соображала.

— Я взяла грейпфрут из морозилки, разрежала пополам и выложила одну половинку на красивую тарелку.

— Угу, а до этого?

— Когда до этого? О, я поняла, что вы имеете в виду. Не торопите меня, сэр! Пожалуйста, не торопите. Раздался звонок от миссис Фейн, — она молча указала на щиток сигнализации в стене, — и Дейзи поднялась наверх.

— Так?

— Дейзи вернулась и сказала, что миссис Фейн просит свежего грейпфрута. Дейзи сама вам, если что, расскажет. Хотя не однажды я говорила миссис Фейн, не однажды говорила, что не доведет до добра такая диета.

— Продолжайте.

— Я вынула грейпфрут из... —Теперь она показывала на холодильник.

— Это был целый грейпфрут, не так ли? Еще не разрезанный?

— О, нет, сэр, я сама его разрежала. Ножом, — добавила она, очевидно, желая быть точной.

— Кто в это время был на кухне?

— Только Дейзи и я.

— Вы уверены?

— Только Дейзи и я, да поможет мне Бог.

— Хорошо, что случилось с другой половиной грейпфрута?

— Я съела ее.

На кухне было очень жарко. Г. М. посмотрел по сторонам и обменялся взглядами с Мастерсом.

— Остановимся на этом поподробнее, мэм. Вы разрезали грейпфрут...

— Да, и положила его на стеклянное блюдо. — Она проиллюстрировала свои действия. — Поставила на красивый поднос, с ложечкой и небольшой сахарницей, и посыпала сахаром.

— Итак, — буркнул Г. М. — вы посыпали сахаром грейпфрут. Я просто хочу напомнить вам, мэм, что стрихнин — это белый кристаллический порошок, который для всех выглядит как сахар. Проще простого подмешать в сахар, и не отличишь, не так ли?

— Пакость, — неожиданно разозлилась миссис Проппер. — Пакость! Нет, сэр, Богом клянусь, такого быть не могло.

— Невозможно было подмешать в сахар? Почему?

Она сглотнула.

— Потому что вторую половинку грейпфрута — для себя — я посыпала из той же сахарницы и съела. Как видите, жива и здорова.

Г. М. повернул голову и наткнулся на мину Мастерса, которая, казалось, говорила: «Утопили». Сэра Генри даже передернуло. Он поднес руку к очкам, поправил их, прочистил горло и снова посмотрел на миссис Проппер.

— Вы и сейчас уверены, что никто, даже Дейзи, не подходил к грейпфруту, пока вы занимались им?

— О, сэр, зачем мне вас обманывать?

— Обман здесь ни при чем! Что произошло потом?

Воспоминания посыпались на миссис Проппер, как стрелы.

— Как раз в этот момент на кухню заглянул капитан Шарплесс. Он был у миссис Фейн в спальне (есть вещи, которые добрый Господь не допустит в этом мире, если хотите знать мое мнение!). Заглянул и говорит: «Не беспокойтесь, Дейзи, я отнесу». Ну, я и вручила ему поднос. — Ее взгляд был неподвижен и полон ужаса. Она подкрепила свои слова жестами, демонстрируя передачу подноса. — И он пошел с ним. Если кто и подложил эту пакость в грейпфрут, — Господи, прости меня, грешную, — то, должно быть, сам капитан Шарплесс.

Ее голос стал громче, проникая за стены кухни. В столовой раздались шаги. Фрэнк Шарплесс, толкнув качающуюся дверь, которая чуть не пришибла Энн, сунул голову внутрь.

— Эй! — сказал он. — Тут кто-то, кажется, упомянул мое имя?

15

— Дейзи сказала, что вы здесь, — продолжил он. — Значит, совещаетесь? По какому поводу собрание? — Выражение лица миссис Проппер выдавало ее с головой. Глаза широко открылись; по части грубости он превзошел все ее ожидания. Обильные телеса всколыхнулись, чтобы исторгнуть сдавленный крик.

Шарплесс не смотрел на нее. Сейчас он был совсем другим человеком по сравнению с тем, который без конца изливал душу в саду. Более совершенной картины (как выражаются еженедельники воскресных школ) молодости, здоровья и невинности трудно было

представить.

Свежевыбритый и постриженный у парикмахера, с изящно уложенными волосами, он добродушно улыбался, приветствуя их своей шляпой. Под левой рукой он сжимал трость, глаза его были безмятежны.

Старший инспектор Мастерс вынужденно прервал повисшую паузу, поскольку миссис Проппер могла не выдержать и, залившись слезами, совершенно искренно воскликнуть: «Убийца!» или выкинуть какой-нибудь другой мелодраматический фортель, заставив кухню взорваться эмоциями.

— Просто нужно прояснить несколько вопросов, сэр, — опередив кухарку, громко заявил Мастерс. — Вы не помните, какой фрукт вы отнесли — как он называется? — а, *грейпфрут!* Вы не помните, как в четверг днем относили половинку грейпфрута миссис Фейн?

Шарплесс улыбнулся.

— Знаете, я прекрасно помню все, что делал в тот день. Что вы хотите?

— О, так вы *отнесли* его?

— Да, конечно. И что?

— И вы нигде по пути его не оставляли и никому не передавали, а как взяли, так и отнесли его сразу леди? *Верно?*

Фрэнк, подумал Кортни, должно быть, один из величайших актеров, если разыграл свое удивление. Выглядело это так, словно мысли человека стали для вас открытой книгой.

— Верно. Добавьте еще, если считаете нужным, что я стоял и смотрел на нее, пока она ела. — И тут его лицо прояснилось. — О, я понял! Вы хотите знать, как грейпфрут, в хорошую или плохую сторону, повлиял на прием яда?

— Что-то вроде этого.

— Хорошо, — вздохнув, сказал Шарплесс, — я был бы рад, если бы все сложилось удачно, в противном случае... хотя что теперь говорить об этом, когда благодаря сэру Генри... Я не поблагодарил вас должным образом, сэр, за то, что вы сделали прошлой ночью. Но, клянусь, если когда-нибудь вам понадобится тот, кого бы вы хотели иметь на предмет небольшого дела об убийстве или чего-то такого, я всегда к вашим услугам. Обращайтесь запросто.

— Эй-эй-эй! — крикнула миссис Проппер, взлетев со стула, как сова.

Г. М. спас ситуацию — незаметно очутившись за спиной Мастерса, он якобы нечаянно раздавил кухонные часы, стоявшие на полке.

Это были милые ходики, но в жертву их принесли не напрасно.

— Какое горе для бедной старушки, — сочувственно произнес Шарплесс, наблюдая за миссис Проппер, которая пыталась сдержать себя, рассеянно глядя на сломанные колесики и пружины. — Пойду навещу Вики. Счастливо оставаться. Увидимся позже. — Качающаяся дверь закрылась.

— Мои бедные часики! — причитала миссис Проппер. — Мои *красивые*, милые часики!

Энн Браунинг заговорила подчеркнuto жестко и твердым голосом:

— Сэр Генри, — сказала она, — бросьте, парень невиновен. Вам это так же хорошо известно, как и мне.

— Почему в моем доме люди не снимают шляп? — собрав останки часов, мисс Проппер обратила взор на Мастерса. — В моем доме снимайте шляпу, пожалуйста, или убирайтесь.

Едва сдерживаясь, Мастерс — почти на цыпочках — подошел к двери, выходящей в сад. Он открыл ее, посторонился и кивнул остальным. Г. М., Энн и Кортни откликнулись на призыв. Они вышли в сад, и Мастерс, проследовав за ними, закрыл дверь.

Тяжелый, неподвижный воздух снаружи казался легким и прозрачным после парилки на кухне.

— Старший инспектор, — сказал Кортни, — я не знал, что выступлю в роли Кассандры. Не обижайтесь. Но, как сказала Энн, точно так же, как факт своего рождения, вы сознаете, что Фрэнк Шарплесс не отравлял грейпфрут, чтобы дать его Вики Фейн. И если Фрэнк не делал этого, то никто другой тоже не мог этого сделать, из чего следует, что грейпфрут отравить было невозможно.

Это был неправильный подход.

— Да, — откликнулся Мастерс, — кинжалы тоже не могли подменить, но кой-кого хорошо *проткнули*.

Он ткнул в левую ладонь указательным пальцем правой руки:

— Разве вы не видите, что у нас опять неразбериха? Согласно свидетельствам единственным человеком, который мог подменить кинжалы, была миссис Фейн. Но она этого не делала, потому что у нее были самые серьезные основания не делать этого. Единственным человеком, который мог отравить грейпфрут, был капитан Шарплесс, но *он* этого не делал, потому что имел сильнейшее возражение против того, чтобы это сделать. О, Господи, отвезите меня в психушку.

Черные тучи с серебряными просветами заслонили все еще сверкавшее солнце.

Г. М. покачал головой в медленном и хмуром недоверии. Он заглянул в мусорный бак, подняв крышку и с шумом вернув ее на место. Затем он толкнул дверь садового сарая и просунул свою большую лысину внутрь. Ничего неожиданного он не увидел: газонокосилка, различные грабли, садовые ножницы, приставная лестница, тачка и несколько шезлонгов.

— Нет! — сказал он.

— Что вы хотели сказать этим «нет»? — поинтересовался Мастерс.

— Я имел в виду, что главным образом это не просто дьявольски упрямое стечение обстоятельств. Не тот случай. Здесь план.

На тропинке, пролегающей через розарий, зашуршал гравий. Хьюберт Фейн, облаченный в серый двубортный костюм с белой розой в петлице и строгий черный галстук, вышел из сада. В солнечных лучах его тонкие волосы блестели как дутое стекло, в небольших впадинках у висков залегли тени. Крупный нос источал спокойствие и доброжелательность. В руках он держал секатор.

— Добрый день, дорогая, — сказал он, улыбаясь Энн. — И вам, господа. Старший инспектор Мастерс, — знаю, у нас еще не было возможности встретиться, по крайней мере, официально, — сэр Генри Мерривейл.

— Привет, — неопределенно буркнул Г. М. — Занимаетесь садом?

— Если и можно мне простить какую-нибудь слабость, — ответил Хьюберт, опустив секатор на землю и вытирая руки шелковым платком, — так это розы. Как сержант Кафф³⁵, Клик³⁶ и другие, кто обладает чутьем детектива, я...

— Вы знаете что-нибудь о грейпфруте? — Хьюберта прервали.

— Как садовник, ничего не могу сказать о нем, кроме того, что не люблю этот фрукт всем сердцем, хотя моей племяннице он нравится, и племяннику тоже... нравился.

— Артуру Фейну?

— Да, а в чем дело?

— Миссис Фейн съела грейпфрут, в котором находился яд, — пояснил Г. М.

35. Сыщик, герой романа У. Коллинза «Лунный камень».

36. Сыщик, герой произведений Томаса Хэнши (1857—1914).

Удивить Хьюберта было трудно, но сейчас это почти удалось. Он сохранял спокойствие, полуулыбка все еще играла на его губах.

— Позвольте я уясню себе несколько моментов, — сказал он после паузы. — Вы пытаетесь сказать мне, что моя мужественная, но многострадальная племянница была отравлена *дважды*?

— Нет. Только один раз. В грейпфруте, который капитан Шарплесс отнес ей наверх в четверг днем, было около трех гран стрихнина.

Хьюберт провел рукой по гладким волосам.

— В свою очередь, мой дорогой сэр, позвольте мне сказать, что вы говорите ерунду.

— Никакой ерунды. Только факты. Об этом свидетельствуют желудочный зонд, доктор Нитсдейл, санитар и я. Вы были в доме, когда Шарплесс отнес грейпфрут миссис Фейн?

— Был. Я помню, как проходил мимо него в холле. Но...

— О, вы ему ничего не сказали?

— Да, сказал. Когда я проходил мимо него, я спросил: «Грейпфрут?» На что он ответил: «Грейпфрут» и пошел дальше. Наш разговор не отличался ни продолжительностью, ни блистательностью мысли.

— О tempora! О mores³⁷! — произнес Г. М. — О черт!

— Цицерон, — подметил Хьюберт. — Но в данном случае, кажется, была бы уместнее римская сивилла³⁸. Сэр, вы меня настораживаете. Что все это значит?

Г. М. не обращал внимания. Он по-совиному моргал среди роз. Шпалеры, поддерживающие многие стебли, были узкими, из очень легкого дерева, и имели ромбовидные секции, расположенные одна над другой и окрашенные в белый цвет. Отойдя от своего сурового настроения, Г. М. с увлечением разглядывал их.

— Полагаю, — отозвался Хьюберт, — вы пришли поговорить с Викторией?

— Принципиально, да.

— Естественно, я очень беспокоюсь о ее здоровье. Дорогая девочка любезно предложила мне остаться здесь, пока я не подыщу себе собственного гнездышка. Могу я попросить вас не расстраивать ее и не задавать слишком много вопросов? Рано еще, на мой взгляд, ее тревожить.

— Я согласна с этим, сэр Генри, — быстро сказала Энн. — Она пытается делать слишком много вещей сразу, и мы не хотим, чтобы у нее случился рецидив. Пожалуйста! Не заставляйте ее волноваться, хорошо?

— О, мы будем осторожны. Видите ли, это обычный порядок, пока она не поправится. — Он расправил плечи. — Пойдемте, Мастерс. Нам лучше покончить с этим. — Он посмотрел на Кортни и Энн. — А вы не хотите пойти?

— Нет, спасибо, — ответил мужчина.

Г. М. и Мастерс, а чуть погодя и Хьюберт, исчезли в доме, но стоило Энн повернуться к Кортни с выражением дикого отчаяния на лице, как их снова прервали.

Кортни был шокирован переменами в облике доктора Ричарда Рича. Доктор Рич спешно огибал дом по бетонной подъездной дорожке, проходя мимо окон задней гостиной.

Лицо его было измождено; пучок волос, торчавший сзади из-под мягкой черной шляпы, давно не расчесывался, но глаза светились одним из тех величайших блаженств, которые трудно поддаются описанию.

37. О времена! О нравы! (*лат.*)

38. Пророчица, прорицательница, зачастую нищенствующая, экстатически предсказывающая, как правила, бедствия.

— Прошу прощения, — Рич резко остановился, комкая шляпу в руках. — Сэр Генри Мерривейл здесь? Горничная сказала, что он «за домом».

— Он здесь, но я не думаю, что вы увидите его сейчас. Он допрашивает миссис Фейн. У вас что-то срочное?

— Я всего лишь хотел поблагодарить его, — простодушно сказал Рич.

Он вытер лоб.

— Он оказал мне любезность, — продолжил Рич, — отправив записку на адрес моей съемной квартиры. В этих комнатах телефона нет. Он написал, что болезнь миссис Фейн вызвал стрихнин, а не столбняк. Он добавил...

Рич сделал паузу. Повозившись с нагрудным карманом пиджака, он извлек сложенный листок бумаги.

— «И еще одно, — прочел он вслух, повернувшись к свету. — У меня есть кое-какие связи, сынок. Я хотел бы поднять ваше старое дело, — вы знаете, что я имею в виду, — с Медицинским советом. Я думаю, мы могли бы восстановить вас. Чирикайте, сынок. Вы еще не умерли».

Рич быстро сложил записку и убрал ее обратно в карман.

— Я никогда не думал, что снова воскликну: «Благодарю тебя, Господи!», но теперь, — добавил он, — я могу это сделать.

Энн почувствовала себя неловко и опустила глаза.

— Боюсь, я наговорила вам много неприятных вещей, доктор Рич, — ответила она ему, — но в то время я была сама не своя. Извините.

Рич улыбнулся.

— Мисс Браунинг! Господи, какая ерунда. Право, забудьте. Если уж на то пошло, мы все потеряли голову. — Он снова улыбнулся. — Видите мою руку? Ничего. Я был так расстроен с вечера четверга, что порезался бритвой. Немного пластыря, и раны как не бывало. — Он отмахнулся. — Нет, что важно, так это новый поворот в деле.

— Стрихнин? — спросил Кортни.

— Да, стрихнин! Давайте присядем где-нибудь.

Кортни провел его по гравийной тропинке вглубь сада на затененную деревьями лужайку. Энн села на каменную скамью под яблоней. Рич, пребывая не в лучшей физической форме, запыхавшись, опустился на другой конец.

— Не подумайте, что я ради собственного любопытства вытягиваю из вас что-то клещами, — сказала Энн, — но что означает эта приписка про «старое дело». Какое еще «старое дело»?

Глаза Рича сузились.

— Но вы... Господи, нет! — Он окунулся в воспоминания. — Вас не было в комнате, когда я рассказывал об этом. Вы пришли позже. Я забыл. — Его лицо залилось густой краской. — Пустое все это. Может, сменим тему?

— Какое старое дело? Пожалуйста!

Рич некоторое время задумчиво разглядывал ее.

— Хорошо, — мрачно смирился он. — Вы должны знать, с кем делили кусок хлеба. Я жалкий преступник, мисс Браунинг. Меня лишили медицинского...

— Подождите! — миролюбиво вмешался Кортни. — Так ли важно сейчас все это рассказывать?

Рич жестом призвал его к молчанию.

— ...статуса. Меня обвинили в том, что я, — если хотите, могу подобрать для вас более пристойную формулировку, — «соблазнил» одну из своих пациенток, когда она была под гипнозом.

— О!

— Клянусь, я был невиновен. Когда-нибудь, возможно, скоро я докажу это. И кроме того! Мое имя, конечно, все еще будет покрыто грязью, что касается общей практики. Но какой-нибудь официальный пост: судовой врач, скажем...

Энн посмотрела вверх, на ветви деревьев. Она кивнула, как будто следила за его мыслью.

— Но если бы меня *теперь* обвинили в том, что я достаточно выжил из ума для того, чтобы всадить зараженную булавку в руку человека, я бы потерял всякую надежду. Свободен? Господи, да я готов станцевать фанданго³⁹!

— Доктор, — тихо произнес Кортни, — не возражаете, если я задам вам один вопрос?

— Конечно. Спрашивайте.

Он набил трубку и зажег ее, наблюдая как серый дымок повисает в густом, предгрозовом воздухе.

В винограднике щебетали птицы. Серыми пятнами просматривалась каменная ограда, отделяющая сад от переулка. Внизу под яблонями с их желто-зелеными плодами и сливами, отливающими темно-синим блеском, было тепло, как внутри шатра. Гудели осы.

— Доктор, — продолжил Кортни, вынимая трубку изо рта, — в тот вечер, когда вы проводили эксперимент с булавкой, я стоял на балконе.

Молчание.

— Вы стояли... *Что?*

— Я подслушивал, не по своей воле, но там были вы. Я видел и слышал все, что вы делали и говорили. В частности, я слышал вопросы, которые вы задавали миссис Фейн, когда она еще была под гипнозом.

— Действительно, — сказал Рич. Казалось, у него пересохло в горле. Кончики пальцев спрятались под скамью.

— И я услышал ее ответы. Но вот что я хочу знать — почему вы не сообщили об этом полиции? У вас была возможность рассказать об этом Г. М. в ходе беседы, о которой вы говорили минуту назад. Но вы сказали, что вам нечего добавить.

Снова молчание.

— Полиция, — спросил Рич после некоторого замешательства, — знает?

— Да.

— Значит, для них это только вопрос времени...

— Ваш допрос? Да. Удивительно, что они еще не допросили вас.

Энн тоже, заметил он, наблюдала за Ричем. Но он видел ее только краем глаза. Тихий гул внутри сада усыпляюще действовал на чувства.

Рич прочистил горло.

— Молодой человек, — сказал он, — все дело было направлено на то, чтобы выставить меня и только меня в ложном свете. Вы совершенно правы, я не отрицаю, что задавал миссис Фейн эти вопросы.

— Спасибо.

— К черту сарказм, сэр. Я задавал эти вопросы исключительно ради любопытства. Только и всего. Я натурально догадался, когда внизу приказывал миссис Фейн следовать «схеме», что у нее были некоторые весьма устойчивые эмоциональные ассоциации, связанные с диваном, песней и всем остальным. Мой интерес был научным. Я хотел узнать: кто, что и почему.

39. Испанский народный танец.

— Это понятно.

— Да, но подождите. — Рич снова замешкался. — Что ж, опять проблема! Все равно когда-нибудь придется об этом сказать. Когда я задавал миссис Фейн эти вопросы в спальне, я услышал одно имя.

— Да, я помню выражение на вашем лице, и как вы сжали кулаки, услышав его.

Рич закрыл глаза и снова открыл их.

— Мистер Кортни, год или два назад, когда я показывал со сцены свои гипнотические сеансы, у меня была девушка-ассистент. В беседе с сэром Генри Мерривейлом (той самой) я был начеку, но все же допустил промашку и чуть не упомянул имя молодой ассистентки.

Кортни кивнул.

— Да, — сказал он. — Девушку звали Полли Аллен, не так ли?

16

Лицо Рича покраснело и перекошилось.

— И полиции, осмелюсь продолжить мысль, это тоже известно?

— Нет, по крайней мере, пока. Хотя они обязательно узнают об этом, если пошлют запросы в театральные агентства. Я только догадывался, поскольку все время думал о выражении вашего лица и что Полли Аллен была как-то связана со сценой, но не мог сказать — о чем именно. Я много размышлял об этой девушке из-за ее сходства с...

Он прервался.

Энн, приподняв подбородок, с интересом и беспокойством взглянула на него.

— Да, вы совершенно правы, — вывернув запястье признался Рич. — Этой девушкой была Полли. Полагаю, теперь вы понимаете мое положение?

— Думаю, да. Вы боялись сообщить полиции, потому что вас могли заподозрить в том, что вы...

— Отомстили мистеру Фейну. Совершенно верно.

— А вы этого не делали, так?

Рич рассмеялся, но быстро подавил смех.

— Я *этого* не делал. Я не настолько любил Полли, чтобы решиться на такой шаг. Опять же, не поймите меня превратно, — он скорчил гримасу, словно все время попадался на одном и том же недоразумении, — Полли меня не интересовала, то есть, ее личная жизнь. Полли нравилась своим сверстникам, полагаю. Любого, кто старше сорока, она бы просто подняла на смех.

Я даже не мог уверенно сказать, была ли она той самой девушкой. Знал только, что она вдруг исчезла среди июля, оставив все свои вещи. Это был шок. Чертовский шок. Поэтому я решил держать язык за зубами.

— Тоже вполне объяснимо.

— Благодарю, надеюсь, полиция думает так же. Также надеюсь, что им хватит ума сообразить, что если даже я знал (а я не знал), что Артур Фейн убил Полли Аллен, мне не нужно было приказывать заколоть его в отместку, поскольку хватило бы простого обращения в полицию.

Рич покачал головой и уставился на траву. Казалось, несмотря на внутреннюю озлобленность и недовольство самим собой, в его жилах закипает циничное удовлетворение, и глаза его блеснули. Он был неправильно понятым Джоном Буллем.

— Господи, — добавил он, — сочти женщин, коих я *не* соблазнил!

Кортни рассмеялся. Напряженность спала. Он снова ощутил симпатию и уважение к

доктору Ричу.

— Что ж, — сказал Рич, хлопнув себя по коленям и поднимаясь, — полагаю, мне лучше пойти и покаяться. Чем дольше держишь это в себе, тем хуже спишь по ночам.

— Доктор, только между нами: я не думаю, что вам есть в чем каяться.

Рич замер.

— Почему вы так решили?

— Просто взгляните на факты. Во-первых, вас не было рядом с домом в четверг, вернее, до ночи четверга, не так ли?

— Нет, конечно, не было. О, я догадался. Стрихнин! — Озаренный догадкой, Рич потер подбородок. — Под грузом собственных несчастий я почти забыл о нем. Реплика сэра Генри дала понять, что стрихнин, по их предположению, находился в грейпфруте.

— Правильно. Следовательно, если вы не придумали способ передачи стрихнина на большие расстояния, вас можно не принимать в расчет. Не больше, чем присутствующую здесь мисс Браунинг.

Энн была удивлена.

— Не слишком ли вы самонадеянны? — саркастически заметила она. — Я была здесь, как вы знаете.

— Вас не было. Вы сидели у майора Адамса вместе со мной, Г. М. и Мастерсом.

— О, в критические моменты — да, это я признаю. И я, конечно, никогда и близко не подошла бы к кухне, даже будь у меня худо-бедно вразумительный повод навредить бедной Вики. Но по пути к майору я заскочила сюда, чтобы навестить ее; было около двух часов. — За удивительным сиянием ее глаз угадывалось более глубокое беспокойство, чем то, которое она пыталась не показывать. — Так что можете искать в этом столько зловещих примет, сколько вам нравится.

— Что ничего не изменит, — сказал Кортни.

— Да, — улыбнулся Рич. — Что касается меня, я снова чувствую себя свободным человеком. — Поднося руку ко лбу, он казался удивленным, не до конца верящим в свои слова. — Свободный человек. Свободен! Когда я снова увижусь с Мерривейлом...

Ему не пришлось долго ждать. Объект спешил на встречу сам в мешковатой спортивной куртке, развевающейся поверх белого фланелевого костюма. Г. М. выглядел смущенным и несколько расстроенным.

Лицо Рича просветлело.

— Сэр Генри, — начал он, — позвольте выразить...

Жесты Г. М. были неуклюжими и суетливо-манерными.

— Все нормально, сынок, — отмахнулся он, — не надо благодарностей. Как-нибудь в другой раз. О, я говорю: отложим. Мастерс хочет вас видеть. Он сейчас на кухне, с кухаркой истерика. Может, посмотрите ее?

— С удовольствием! — сказал Рич и удалился, словно в голове у него грянула музыка.

Г. М. пытался скорчить гримасу помягче, но Кортни успел заметить, что что-то случилось. Новости могли быть плохими, и он почувствовал дрожь в теле. Г. М. достал платок и вытер со лба капельки пота — следствие жары. Он снял очки и, прежде чем нацепить, как воинственное забрало, долго наводил на них блеск.

— А вы, — сказал он Энн, — идите и поговорите с миссис Фейн, она хочет видеть вас. — Он посмотрел на Кортни. — Советую вам пойти тоже. Нет, видали, он еще будет спорить! Вас она особенно хотела видеть.

Тревога усилилась.

— Но что произошло, сэр?

— Какая вам разница, что произошло? Просто сделайте то, что я говорю. Миссис Фейн скажет вам. Через кухню не ходите, там сейчас весело. Идите через парадный вход. Давайте, кыш отсюда!

Г. М. с трудом опустился на скамейку. Ему хотелось остаться одному. Вынув из кармана черную маслянистую сигару, он зажег ее, затянулся и выпустил огромный клуб дыма.

Сидящий под толстой развесистой яблоней и поглощенный разглядыванием собственных ботинок: злобное лицо, очки на носу, сигара в уголке рта — таким они запомнили его в последний момент, когда Кортни, выбив трубку, присоединился к Энн.

Они обогнули дом и вошли с парадного входа. Холл на верхнем этаже купался в солнечном свете, тепле и был пуст. Энн постучала в дверь спальни.

— Войдите, — сказал приветливый голос.

Кортни показалось, что с момента посещения им спальни прошло много лет. И хотя внутри ничего не изменилось, об Артуре в ней уже ничего не напоминало.

Светлая кленовая кровать с желтовато-коричневым стеганым покрывалом, туалетный столик с круглым зеркалом в углу. Все та же прикроватная лампа на зеркальной подставке. Между окнами письменный стол. Высокие французские окна на балкон теперь были открыты.

В постели Вики Фейн подпирала подушки, откуда она могла видеть улицу и скользить взглядом по деревьям.

Сейчас она выглядела еще более привлекательной, чем в тот раз, когда Кортни впервые увидел ее. Лицо было живым и подвижным. Она с трудом повернула голову, чтобы приветствовать их; челюсти и шея все еще были слабыми и несколько одутловатыми, хотя это почти никак не проявлялось. Загар частично скрывал ее бледность. Из-под ночной рубашки выглядывал кружевной пеньюар.

Так же через силу она улыбнулась им, показав прекрасные зубы.

— Входите, — пригласила она. Ее голос был немного хриплым. — Зрелище этой комнаты пугает меня. Но мы отпустили сиделку; я в отличной форме. Теперь могу спокойно отыграть шесть теннисных сетов кряду и ничего не почувствовать.

— Ты же знаешь, что это не так, — резко сказала Энн.

Вики проигнорировала замечание.

— Вас ведь зовут мистер Кортни?

— Да, миссис Фейн. Мне не по душе вот так врываться...

— Вики. — Она протянула ему руку, и он взял ее. — Помилуйте, вы не ворвались. Вы лучший друг Фрэнка, не так ли? Он так много рассказывал о вас.

Казалось, огромное внутреннее счастье подхватило ее и, подняв, пронзило своим светом. Это, а еще воля. Ибо он видел, что она, все еще больная, отказывается принять свою болезнь и не хочет о ней говорить.

Он не знал, что сказать. Если бы он сказал: «Я слышал о вас и Фрэнке, мои поздравления», это вряд ли помогло бы разговору, но сказав: «Меня расстроило известие о кончине вашего мужа», сделал бы только хуже. Поэтому он не сказал ничего, пока Вики витала в облаках.

— Я понимаю, — она пришла в себя и улыбнулась, — сколько неприятностей обрушилось на вас из-за меня в прошлый четверг.

— Пустяки.

— Конечно, — поддержала его Энн, поправляя одеяло. — Сейчас же выкинь это из головы.

— Не могу, дорогая, кто-то должен думать об этом, — веско заметила Вики. — Надо признать, мы все оказались в ужасном положении, и я рада, что выпуталась из него.

Сознает ли она, задавался он вопросом, *что* не так с ней на самом деле? Очевидно, нет.

Глаза у нее померкли.

— Но мне интересно... — сказала Вики, осторожно касаясь горла. — Интересно, Энн, можешь ли ты мне оказать одну неоценимую услугу?

— Конечно.

— Ты могла бы побыть сегодня со мной до вечера? И завтра весь день? Старший инспектор Мастерс обещал на этот случай поговорить с полковником Рейсом.

Вдали за окнами лениво сверкнула молния.

Энн стояла не шелохнувшись, положив руку на ножку кровати.

— Конечно, я побуду! — Ее губы приоткрылись; она поколебалась с секунду, затем решительно сказала: — Но ты не думаешь, что есть какие-то...

Вики попыталась рассмеяться, но острая боль заставила отказаться от этой идеи.

— Нет, нет, нет! — заверила она обеих. — Ничего страшного, просто мне нужна компания, а миссис Проппер и Дейзи вряд ли могут составить ее.

Она опустила глаза и схватила одеяло.

— Понимаешь, Энн, я ведь как-никак убийца.

— Вики!

— Дорогая моя, это чистая правда. Я не собираюсь впасть в истерику или заикливаться по этому поводу, но что есть то есть, — я убила бедного Артура, даже если не понимала, что делала. Этого же ты не станешь отрицать, верно?

— Нет, но ты виновна не больше, чем сам кинжал. Ты была всего лишь...

— Орудием, — закончила за нее Вики. — Вещью, которая ходила, говорила, двигалась и автоматически исполняла то, что ей было велено. Но, знаешь, мне претит быть «вещью». Я убила Артура, для меня даже нарисовали карандашом крест, куда бить, поэтому я не могла промахнуться. По крайней мере, так мне сказали. «Крест обозначает сердце!» Вот что случилось благодаря всей этой истории. Все рисовалось и рассчитывалось кем-то с большим умом.

Энн тихо спросила:

— Вики, что полиция тебе сказала?

— Ничего, то есть... ничего. Меня не тронули, если ты об этом. Они были ужасно милыми, поверь. И сэр Генри в жизни такой же, как о нем говорят.

Энн обошла кровать и не то присела, не то оперлась на край туалетного столика. Ее щеки стали красными, глаза озабоченными.

— Вики, я не хотела тебя спрашивать; даже когда была здесь раньше, держалась и запрещаю себе спрашивать тебя. Но что ты помнишь?

Наступила тишина.

— Не очень много. Помню, как доктор Рич разговаривал со мной; помню, как блестела монетка. Следующее, что я отчетливо помню, это то, что проснулась здесь, на кровати, лежу, усталая и разбитая, и чувствую, как рука Фрэнка обнимает меня. Я говорю: «Ради бога, не надо, как бы Артур не увидел». И тогда он сказал мне...

— Стоп, Вики! Этого достаточно.

— Нет. Все в порядке. Я не против. Но временами, знаешь, темно и шумит. Я объясню, что это такое. Ты напивалась когда-нибудь на вечеринках? Когда просыпаешься на следующее утро без всякого понятия о том, что ты делала. Чувствуешь себя ужасно и начинаешь думать, а не позволила ли ты себе выкинуть какую-нибудь дикость?

Энн смущенно кивнула.

— Не то, чтобы я много напиваюсь, — объясняла Вики, поворачивая свои искренние темно-синие глаза к Кортни и улыбаясь, — но помню один Новый год, когда мы с Артуром только поженились. Думаю, он так меня и не простил. Его костюмы все еще в этом гардеробе. Пожалуйста, дай мне попить. В горле все пересохло и очень больно глотать.

Энн взяла графин с прикроватного столика и плеснула воды на четверть стакана. Держа стакан обеими руками, Вики выпила. Она всячески старалась выглядеть уравновешенной.

— Никогда не позволяй загипнотизировать себя, Энн, — наставительно сказала она, отрываясь от стакана. — По крайней мере, так, как это сделали со мной. Страшная вещь.

— И что ты собираешься делать теперь?

— Выйду замуж за Фрэнка, — прямо ответила Вики. — При условии, естественно, что это не повредит его карьере, но если скандала не избежать, тогда, наверное, сниму какое-нибудь местечко поблизости с тем, где он остановится, и буду жить с ним. Вам это кажется ужасным, Фил Кортни?

Он усмехнулся.

— Вообще нет, но я считаю, что вам обоим брак пойдет на пользу. Я не против другого варианта, за исключением того, что он редко срabатывает.

Вики сжала кулаки.

— Если бы мы только могли... — Она понизила голос. — Если бы мы только могли найти этого зверя. Человек, стоящий за этим... жестокий, умный зверь, который, пользуясь мной как вещью, сначала убил Артура, а затем попытался избавиться от меня с помощью, как они говорят, самого страшного яда, вызывающего мучительную смерть. Вот чего я не могу простить. *Боли*.

— Значит, полиция рассказала тебе, — вздохнула Энн.

— Ну... да. Я и сама подумала, что у грейпфрута какой-то странный вкус.

— Ты уверена, что *это* было в грейпфруте?

— Да, это я им внушила, а не они мне, полиция, то есть. Понимаешь, я сохранила ложечку.

— Сохранила ложечку?

— Да. Случайно. Ложечку принесли вместе с грейпфрутом. Когда Дейзи вернулась за подносом, ложечка осталась. Через несколько минут она попала мне на глаза, и я положила ее на туалетный столик, чтобы потом отдать Дейзи, когда она принесет чай. Но вскоре мне стало плохо, и я забыла о ложечке, которая все это время лежала там. Я передала ее инспектору Мастерсу только сейчас. Он сказал, если на ней обнаружатся следы стрихнина...

Кортни не стал спрашивать, знает ли она, кто принес грейпфрут. Или, если быть более точным, знает ли она того единственного человека, кто мог отравить его?

И, несомненно, никакой Г. М., никакой Мастерс ничего не говорили ей.

— Ты увлеклась, Вики, — сказала Энн, — и должна отдохнуть. Пожалуйста, откинься на подушки. Вот какие мы славные девочки.

Вики расслабилась.

— Да уж, — иронично призналась она. — Меня предупреждали не говорить слишком много. Я о докторе. Но ведь ты же не бросишь меня сегодня одну ночью, Энн, да?

— Конечно, не брошу, вот только схожу за вещами и вернусь.

— Я была бы тебе очень признательна, если бы ты посидела со мной. Бояться нечего, как ты понимаешь. Просто я нуждаюсь в обществе, а у меня всякие планы.

— Понятно. Пойдемте, Фил.

Опять приступы ясновидения?

Небо на западе осветила еще одна слабая вспышка. Высокое атмосферное давление, дневная жара, перепады настроения, возможно, стали причиной, почему они снова накатили на него. Он пожелал Вики спокойной ночи. Ощущение зла, с которым он впервые столкнулся, стоя на балконе за окнами спальни, вернулось. Оно надвигалось и становилось все сильнее.

Позже он не раз вспоминал эту сцену: холодную руку Вики, протянутую ему на прощанье, и темно-розовые занавески, слегка раздуваемые поднявшимся ветром. В комнате тогда резко потемнело, и Вики, привлеченная мерцанием за окнами, произнесла: «Зарница».

— Да, — сказала Энн. — Зарница. Фил, пойдете.

17

Лил дождь.

— Теперь всем ясно, — сказал сэр Генри Мерривейл, — что это мог сделать только один человек?

Инспектор Эгню сидел за большим столом в своем рабочем кабинете. Напротив него, придвинув стулья, расположились Г. М. и Мастерс. Несколько вещественных доказательств и небольшая стопка официальных форм лежали под лампой на столе. В последний момент к ним добавилась ложечка с прикрепленным результатом исследования, в котором сообщалось, что при анализе следов грейпфрутового сока на поверхности ложечки, эксперт обнаружил 1/15 грана $C_{21}H_{22}N_2O_2$, то есть стрихнина.

Дождь стекал по окнам и булькал в желобах. Было почти десять часов вечера.

— Мы соглашаемся с этим? — требовательно повторил Г. М.

— Определенно, — выразил свое мнение Эгню.

— Э-э, ну... да, — сдался Мастерс, даже сейчас проявляя осторожность.

— Хорошо. Тогда что, во имя бобов святого Игнатия⁴⁰, вас держит? Выписывайте ордер и несите главному констеблю на подпись. От этих убийств не пахнет медовыми пряниками. Говорю вам, наш друг слишком опасен, чтобы и дальше наслаждаться свободой.

Мастерс теребил подбородок.

— Мы охраняем эту девушку, — напирал Г. М., — как можем, разве что полицейского не уложили с ней спать...

— Ну-ну! — фыркнул Мастерс, чьи эстетические чувства оказались задеты.

— Но бесконечно так продолжаться не может. Нужно что-то предпринимать, и в самые кратчайшие сроки.

Инспектор Эгню взял ложечку и постучал по столу.

— Как вы думаете, сэр, — спросил он, — этот человек, о котором идет речь, мог он догадаться о том, что мы знаем... что мы узнали?

Г. М. размышлял.

— Я не вижу, как, сынок. Тема никогда не поднималась, по крайней мере, Мастерсом или мной, а наш главный свидетель заряжен на случай, если возникнут вопросы. Кстати, Мастерс, как насчет этого?

Мастерс заупрямился.

40. Бобы святого Игнатия (Лойолы) — семена растения *Strychnos Ignatii* из семейства логаниевых, родина которых Филиппинские острова. Действующие вещества: стрихнин и бруцин.

— Так, сэр, все это очень складно на словах, — посетовал он. — Но мы не можем слетать с катушек как не знаю кто. Я признаю, что человек, которого вы обвиняете, и в *самом деле* виновен. Господи, да грех отрицать это. Змея одурачила нас, как доверчивых простаков, действуя с основательностью, какую мало увидишь.

— Здесь вы правы, — признал Эгню, без удовольствия заглядывая в прошлое.

— Ладно! — сказал Мастерс. — Доводы веские. Но это еще не все.

Он постучал по пачке документов.

— Мы получили доказательство мотива: это хорошо. Мы получили, — он ткнул пальцем в «официальную форму», — заключение химика Льюиса Л. Льюиса: это очень хорошо. Благодаря совершенно блестящей работе штаба инспектора Эгню, — продолжил Мастерс, искренне считавший, что наладил связи с местной полицией, — мы получили доказательство покупки кинжала в Глостере: это уже настоящий успех.

Он поднял кинжал, которым зарезали Артура Фейна. Издали его можно было принять за резиновый.

— Продавец в скобяной лавке готов опознать покупателя. Это была грубая ошибка со стороны нашего друга. Но с умными людьми так *всегда* и происходит.

Мастерс отложил кинжал и взял целлофановый пакетик для вещественных доказательств, содержащий частицы беловатого порошка.

— Само вещество обнаружено там, где мы и предполагали его найти. Господи, да это просто здорово! Лично для меня, как и для присяжных, эти улики ведут прямо на виселицу. Но, сэр, дело еще не завершено. Легко сказать: «Выписывайте ордер». Мы ничего не добьемся, и главный констебль не подпишет его, пока мы не узнаем, как человек, о котором идет речь, заменил игрушку этим проклятым кинжалом и пустил его в ход у всех на глазах.

— А, это? — пробормотал Г. М., словно утратил интерес.

Мастерс отодвинулся от стола. Его вспыльчивая натура снова дала о себе знать.

— «А, это?» — передразнил он. — Вижу, вы не считаете это важным.

— Очень важным, конечно, но не самым сложным.

— Не самым сложным? Тогда говорите прямо, как это было проделано, — подскажите разумный способ, — и вы не успеете произнести «Джек Робинсон»⁴¹, как я тут же упеку нашего дружка за решетку. Яд в половинке целого грейпфрута, признаю, это просто. Именно это мы и подумали, что он должен быть там. Но проблема с кинжалами, не побоюсь сказать, ставит меня в тупик.

Г. М. казался разочарованным.

— О, сынок, подумайте! Я был уверен, что вы уже давно разделались с этим. Особенно с учетом того, что происходило в той комнате, о чем вы все слышали, но еще не поняли. А если вспомнить интерес Дж. У. Данна⁴² к достаточно странным представлениям большинства людей об использовании своего зрительного аппарата и восприятию времени, то тем более.

— Не хотите же вы сказать, что вся эта чертова толпа, кроме одного, разом ослепла?

— Нет, нет, нет. Давайте договоримся так: я не скажу вам, как это было сделано. У меня есть предложение получше. Я *покажу* вам, как это было сделано, если вы собираетесь быть там сегодня вечером.

41. *Не успеешь сказать «Джек Робинсон»* – английский аналог русской поговорки «не успеешь и глазом моргнуть».

42. Джон Уильям Данн (1875 — 1949) — ирландский авиационный инженер, философ и писатель. Прославился, выпустив книгу «Эксперимент со временем» (1927) — фундаментальный труд о сущности прекогниции и человеческого восприятия времени.

— Меня это устраивает, сэр! — глубоко вздохнув, объявил чрезвычайно удовлетворенный Мастерс.

— И меня, — присоединился Эгню.

— Хорошо. Я знал, что вам понадобится визуальная демонстрация. Поэтому попросил водителя Адамса...

Г. М. сделал паузу. Его глаза расширились, а затем сузились.

— Господи, — пробормотал он. — Адамс! И молодой Кортни!

— Что с ними?

— Сегодня днем я отправил парня с девушкой Браунинг к миссис Фейн и с тех пор его не видел. — Г. М. выглядел виноватым. — Но он знает, что по вечерам, как обычно, я готов усердно диктовать. Я предупредил его быть у Адамса ровно в девять, а сейчас уже одиннадцатый час. Он пошел туда под проливным дождем. Пожалуй, я знаю, как ему все это объяснить.

— Ну, так вот телефон, — нетерпеливо высказался Мастерс. — Звоните и объясняйте.

Телефон поддерживался на столе складывающейся стальной рамой, благодаря чему вы могли подтянуть к себе аппарат или отодвинуть. Г. М. положил руку на телефонную трубку, но в настоящий момент не она привлекла его внимание. Рассеянно моргая, он уставился на предметы, с гипнотической ясностью освещенные зеленой лампой на столе Эгню: резиновый кинжал, настоящий кинжал, ложечка и мелкие ряды цифр на другой, не менее важной, улке.

— У Фейнов, должно быть, все уже легли, — предположил Мастерс, снимая свой плащ с вешалки. — Но, скажу вам откровенно, если бы я имел четкое представление кого конкретно из участников вечеринки сажать под замок, я разбудил бы самого помощника комиссара. Если...

Случилась некоторая заминка.

— Де-е-евушка, — взревел сэр Генри Мерривейл.

Он отодвинул стул, чьи ножки, как мелок на грифельной доске, омерзительно пискнули, проехавшись по голым доскам пола и заставив его компаньонов подпрыгнуть. Повернувшись, они увидели, что Г. М. смотрит на стол — так человек, охваченный белой горячкой, с ужасом устремляет взгляд на стену, видя там бегущего паука.

— «Одержимый, — сказал Г. М., — или Сделка с призраком»⁴³. Мастерс, никогда не мечтайте оказаться на моем месте.

— Никогда не мечтал о таком, — авторитетно заявил Мастерс, — ей-богу, никогда! Что за глупости?

— Это не глупости, — вполне серьезно заверил его Г. М. — Меня преследуют. Я хочу, чтобы вы открыли глаза и увидели, что вас преследуют тоже.

— Преследуют за что?

— Неважно, — мрачно ответил Г. М. Он вернулся к телефону. — Алло! Оператор! Это оператор? Дайте мне Челтнем, две четверки. Да, сорок четыре. Так... Что? Линия занята. — Он грохнул трубкой. — Интересно, что этот юноша делает сейчас?

Кортни возмутился бы такой постановкой вопроса. За несколько минут до этого звонка он сидел в библиотеке майора Адамса и слушал большую лекцию об Индии. Вот что он делал.

43. «Одержимый, или Сделка с призраком. Рождественская фантазия» — пятая и последняя из «Рождественских повестей» Чарльза Диккенса, написанная в 1848 году.

Лекцию читал сам майор. А так как за последнее время это была вторая большая лекция об Индии, Индия уже сидела у него в печенках.

В вопросах вежливости он следовал Честерфилду⁴⁴. Кроме первого визита в этот дом, его хозяин больше ни разу не попадался ему на глаза, поскольку целыми днями играл в гольф, а большую часть вечеров проводил за бриджем. Но теперь, в отсутствие Г. М., майор вышел на первый план, болтал чепуху и находил это приятным.

Дождь лил как из ведра. Г. М. уже час и десять минут как опаздывал. Кортни приехал в Челтнем без дождевика, и зонт, одолженный у портье в «Плуге», не очень спасал. Его ботинки и штанины брюк промокли насквозь. Хуже того, час спустя на него навалилась тревога.

— Весьма любопытный опыт, как вам? — спросил майор, расслабленно потянувшись за черутой⁴⁵. — Расскажу вам одну занятную историю. В девятьсот девятом, в Пуне...

В холле зазвонил телефон.

Кортни подбросило как пружиной.

— Это, вероятно, меня, — сказал он. — Вы не возражаете, если я отвечу?

— Мой дорогой друг... — бурно отреагировал майор. — Проклятье, он еще спрашивает! Конечно.

Сняв трубку, он услышал женский голос. Женщина говорила быстро, тихо и невнятно — ужас перехватывал дыхание. Он едва мог разобрать слова.

— Я хочу поговорить с доктором.

— Вы ошиблись номером, — устало произнес Кортни. — Куда вы звоните?

Голос перерос в яростный шепот.

— Мне нужен четыре-четыре, две четверки. Разве это не две четверки, не четыре-четыре?

— Да, все верно. Но здесь нет никакого доктора. Какой доктор вам нужен?

— Знаменитый доктор!

— А, вы имеете в виду сэра Генри Мерривейла? — В голове прояснилось. — Это говорит миссис Проппер?

— Да, да, да! (Ш-ш-ш! Дейзи, если ты сейчас не заткнешься, нам обеим перережут глотки!) — О, Боже мой.

— Миссис Проппер! Говорите! Это Кортни. Мистер Кортни.

— Его секретарь?

— Ну... Да. В чем дело? Что случилось?

— Сэр, вы должны прийти сюда. — Голос стал еще тише. — Кто-то должен прийти сюда. У нас в доме грабитель. Я видела, как он залез через окошко.

Еще одно очко в пользу ясновидения.

— Послушайте, миссис Проппер. Вы меня слышите? Хорошо! Спуститесь вниз и разбудите мистера Фейна, мистера Хьюберта Фейна...

— За все деньги банка Англии я не выйду из этой комнаты, — страстно произнес голос.

— Но откуда вы говорите?

44. Филип Дормер Стэнхоуп, 4-й граф Честерфилд (1694 — 1773) — английский государственный деятель, дипломат и писатель, автор «Писем к сыну», где изложил принципы поведения и морали, которые, по мнению многих, отражают прагматизм эпохи.

45. Сорт тонких сигар с обрезанными концами.

— Я говорю из своей спальни. Здесь есть добавочный телефон. О, сэр, ради Бога, пришлите сюда знаменитого доктора. Или приходите сами. Я ни за что не подойду к этим мерзким полицейским после того, что они сказали мне сегодня, даже если вы дадите мне...

— Хорошо. Я сейчас же приду. Но кто-то должен меня впустить.

Произошел ожесточенный разговор с еще более перепуганной Дейзи.

— Когда вы доберетесь досюда, — пробормотала миссис Проппер, как заговорщик, пребывая в восторге от своей сообразительности, — дайте три коротких звонка: дзынь-дзынь-дзынь. Так мы поймем, что это вы. Тогда мы спустимся вниз и впустим вас.

— Хорошо. До встречи.

Он старался разговаривать спокойно, но тон его голоса был таким, что майор Адамс выскочил из библиотеки.

— Что-нибудь случилось, старина?

— Звонила кухарка Фейнов. У них в доме грабитель. Я отправляюсь туда немедленно.

Глаза майора заблестели.

— Может, нужна помощь? В конце концов, черт возьми...

— Нет, спасибо. Я справлюсь.

Майор расстроился, но опыт охотника подсказал ему, что это был не его выстрел.

— Макинтош на вешалке. Стойте здесь, я быстро. Я знаю, что вам нужно.

Он бросился наверх и вернулся, бережно сжимая в руках винтовку-экспресс⁴⁶ «тридцать», которая могла завалить несущегося тигра с расстояния в пятьсот ярдов.

— Держите, — сказал он. — Всегда было интересно, что может это штуковина сделать с грабителем. Проклятье, никто никогда не грабил этот дом. Возьмите ее с собой. Так оно спокойнее. Что?..

— Но я не могу...

— Мой дорогой друг, больше ни слова. Дождь ей не помеха. Однажды я упал с ней в реку. Если вы почувствуете, что вор не опасен, можете просто поугадать его. Или могу дать вам пару кастетов, если хотите? На всякий случай. Что?..

Он уже суетился с макинтошем вокруг Кортни. Плащ имел настолько маленький размер, что руки Кортни выпирали на несколько дюймов из рукавов, а сама ткань готова была треснуть в плечах.

— Я имею в виду, что не могу стрелять в грабителей из винтовок в домах других людей! Во-первых, это незаконно. Во-вторых, если бы я испытал эту штуковину на нем, они бы замучились отскребать его от стен. В-третьих...

— Вот ваша шляпа, — Майор нахлобучил шляпу ему на голову. — Лучше поторопиться. Удачной охоты, дружище. Если поднимется шум, я прибегу и протяну руку помощи.

Дверь захлопнулась, и дождь накрыл его.

Он пустился бегом, но дорожка была скользкой, калитка грязной, а тротуар на Фицгерберт-авеню напоминал водосточный желоб. Ему пришлось притормозить, иначе бы он погрузился в воду по самые уши.

Это был тропический ливень, который, должно быть, многим жителям дал возможность почувствовать домашний уют. Не было ни грома, ни молний, только нескончаемый потоп, который бил по тротуару с такой силой, что брызги отскакивали до подбородка и в котором нельзя было услышать собственного крика.

46. Винтовка с повышенной начальной скоростью пули.

Даже уличные фонари почти не просматривались. Кортни опустил голову и нырнул под дождь. Он чувствовал, как его шляпа и воротник набухают от воды, а в ботинках громко хлюпает. Но в этом ревущем мраке одна мысль заслонила все остальное: злоумышленник миссис Проппер был вовсе не тем грабителем, каким она его себе представляла, а Энн Браунинг была заперта одна, не считая такой же напуганной Вики Фейн, в комнате, которая оставила достаточно неприятные воспоминания.

Его кожа стала липкой. Но у него теперь была винтовка, и это придавало уверенности.

Добравшись до передней калитки, он снова побежал. За лужайкой, сквозь блеск дождя, показалось тусклое, грязновато-серое «Гнездо». Свет в доме не горел.

Он помчался вверх по дорожке, чувствуя, как горят его легкие. Чем бы ни занимался сейчас «грабитель», он вряд ли продолжит свое дело, услышав шаги под дверью. Кортни взглянул на окна спальни Вики. Они были темными, но могли быть и занавешены.

Бухая ботинками по ступенькам, счастливый, он взлетел на крыльцо.

Дал три коротких звонка в дверь, сигнализируя миссис Проппер, и начал ждать.

В доме не было никакого движения. Он слышал только тяжелый шорох дождя, шум в водосточных трубах и то, что его собственное тело гремело, как барабан. Минуты тянулись, и ничего не происходило. В отчаянии он снова дал сигнал тремя короткими звонками, прежде чем понял, в чем была проблема.

Звонок не работал.

18

Он отступил назад и осмотрел дом.

Без сомнения, звонок вышел из строя. У него было своеобразное звучание, которое четко прослушивалось в холле и снаружи.

И «грабитель», что устроил поломку звонка... Он попробовал дернуть в дверь, но она была заперта. Надежным способом привлечь внимание обычно является горсть гравия, брошенная в окно. Но гравия он не увидел. Миссис Проппер, помнил он, спала на верхнем этаже, а значит шансы поднять шум, швыряясь мелкими камешками в проливной дождь, были ничтожными, даже если бы он знал, в какой именно комнате она спала.

У подножия крыльца он нашел половинку кирпича. Взвесив находку в руке, он просчитал последствия. Если таким людям, как Г. М. или майор Адамс, позволялось объявить о своем прибытии разбитым оконным стеклом, то он мог повлиять на психику испуганных женщин не хуже злодея-грабителя.

Если бы он мог привлечь внимание Энн или Вики, впрочем...

Через розарий в задней части дома вела гравийная тропинка.

Он пытался кричать в окно, но крик растворился в мощных потоках дождя. Во всяком случае, ответа он не дождался.

По пути к вожделенному гравию его разум разделился между слепой паникой и нелепостью ситуации. Вот он, великий простофиля, с винтовкой наперевес, шлепающий по лужам вокруг дома и неспособный попасть внутрь. А ведь, скорее всего, никакой опасности не было. Миссис Проппер и Дейзи могли увидеть грабителей там, где их нет.

И если подумать, то как этот грабитель проник в дом? Через окно, сказала миссис Проппер. Но все окна на первом этаже находятся высоко над землей...

В жизни нам редко выпадает шанс вести себя абсолютно раскрепощенно и героически. Окна, разбитые кирпичами, тяжело больные женщины, лежащие наверху, и, как апофеоз, всего лишь определенная доля нетерпения со стороны тех, кто внутри — нет уж! Такие вещи встречаются только в кино и романах. В реальной жизни ваша ситуация заканчивается тем, что вы без толку носитесь вокруг дома.

Прихватив горсть гравия с тропинки за домом, Кортни увидел смутно маячащие контуры садового сарая. Очередная идея пришла ему в голову. Еще днем он заметил в сарае приставную лестницу.

Если грабитель — предположим, что грабитель был, — мог проникнуть через окно, почему бы то же самое не сделать ему?

Несмотря на макинтош, его одежда превратилась в тяжелый, слипшийся комок только что выстиранного белья. Струи с поникших полей шляпы затекали в глаза. Он подбежал к сараю и мокрыми пальцами не без труда нащупал засов. Внутри, в душной затхлости и с дождем, барабнящим по крыше, он наступил на грабли и угодил ногой в газонокосилку (целое скопище неодушевленных предметов, наделенных шумным, неблагозвучным жужжанием), прежде чем ему удалось зажечь спичку.

Лестница, которую он видел сегодня, была короткой. До окон первого этажа достать она могла. Он вытащил ее, сбив по пути всё, что стояло прямо.

Это было несложно. Он упер один конец лестницы в бетонную подъездную дорожку позади дома, а другой опускал до тех пор, пока его верхний край не коснулся подоконника ближайшего к нему окна задней гостиной.

И окно было не заперто. Он только хотел поднять его, как вдруг вспомнил, что забыл адскую винтовку майора Адамса на полу в сарае.

Зачем вообще беспокоиться?

От винтовки ему никакой пользы.

Толкнув окно вверх и неуклюже извиваясь, как сжатая концертина⁴⁷, он уселся на подоконнике, перекинул ноги внутрь и спрыгнул в темную комнату.

Конечно, он знал и слышал много раз о чертовски скрипучем паркете, уложенном в этом месте, но когда ужасные скрипы и вздохи внезапно ожили под его собственными ногами, он чуть не выпрыгнул из покрывшейся мурашками кожи.

Выпутавшись из занавесок, он выпрямился и напряг слух. Ни звуков, ни шорохов, никакого движения в темноте. Он сделал шаг вперед, снова пробудив скрип. Впервые он попал в эту комнату и понятия не имел, где находится выключатель, но знал, что они обычно располагаются у двери. Надо было только найти дверь. Впереди свободно, теперь налево.

Кортни чиркнул спичкой.

Насколько он мог различить в этом тусклом пламени, на диване, где была задушена Полли Аллен, сидел кто-то белый и призрачный и смотрел на него.

Кортни позволил спичке догореть дотла, прежде чем уронил ее. Наступившая тьма была еще хуже, поскольку сконцентрировала в его глазах из рассеянных деталей четкий силуэт, как это бывает, когда резко выключается свет.

— Кто здесь? — спросил он вслух. — Отвечайте! *Кто здесь?*

Едва ли он сознавал, что слова принадлежали ему, пока его память не запечатлела, словно фиксация задержалась во времени, темную струйку засохшей крови, берущую начало от виска и заканчивающуюся на щеке неподвижной фигуры

Кортни вытащил еще одну спичку. Ему удалось чиркнуть ей, хотя коробок, находясь во влажных руках, успел наполовину отсыреть. Его ботинки хлюпали и скользили по гладкому паркету, поэтому спичку он нес перед собой бережно, как священное пламя, — сгорбившись и не решаясь оглянуться, он шел по направлению к двери в поисках выключателя.

Рядом с дверью было три выключателя. Он нажал на верхний, но ничего не произошло. Тогда он нажал на нижний, и под пергаментным абажуром торшера вспыхнула лампа, осветив белый подлокотник дивана.

47. Маленькая гармоника.

Диван был выдвинут немного вглубь комнаты; торшер рядом с ним располагался так, чтобы тому, кто сидел и читал на диване, свет удобно падал из-за левого плеча. Толстая обивка не позволяла сползть телу ниже уровня собственных плеч, чтобы пиджак сзади не собирался в складки.

Хьюберт Фейн, получив удар по голове, выглядел расслабленным. Левая рука покоилась на подлокотнике дивана. Раскрытый номер «Тэтлера»⁴⁸ лежал на коленях.

Безукоризненность его смокинга и белой льняной рубашки, тщательность, с которой он поддерживал брюки, чтобы избежать пузырей на коленях, черные шелковые носки под ними и лакированные туфли — все это контрастировало с трупоподобным лицом и раной на затылке с запекшейся кровью.

Преодолевая себя, Кортни приблизился к Хьюберту и, хотя каждая его мышца дергалась от отвращения, дотронулся до него. Он отвернул веко, не обнажая радужки. Коснулся затылка, который казался мягким. Слабая волна дыхания пробежала по телу Хьюберта, не более. Белый свет лампы помог ясно представить уютную комнату с цветами на роале и Хьюберта, читающего «Тэтлер», когда кто-то, кого он знал, открыл дверь...

Легко подойти к человеку сзади, затем выключить свет и тихо выскользнуть из комнаты.

Верхний этаж.

Что происходило наверху?

Мысль о том, что Энн наверху, подумал Фил Кортни, пришла ему в голову впервые с тех пор, как он увидел эту неправдоподобную немую куклу, вальяжно развалившуюся в темноте. Открытие шокировало его до такой степени, что он не мог пошевелить ногой.

Снаружи бушевал водный ад, заливая окна и барабана по стеклам.

Кортни бросился к двери. Он поскользнулся на одном из коварных коврикостровков и спасся только тем, что ударился о стену. Комната прокаженных. Он хотел побыстрее выбраться из нее.

Свет из этой гостиной упал яркой дорожкой в холл и указал путь на лестницу. Он нащупал перила и понесся вверх, перепрыгивая сразу через три ступеньки.

В холле наверху тоже было темно, но под дверью спальни Вики Фейн пробивалась полоска света.

При других обстоятельствах мысль ворваться в спальню ночью без стука находилась бы за гранью приличия, но сейчас, повернув ручку и обнаружив, что дверь не заперта, он не колеблясь вошел внутрь.

Ночник был включен, отбрасывая свет на бойко тикающие часы. Вики Фейн, подтянув желтовато-коричневое одеяло к груди, лежала или уже спала на дальней стороне. Под головой две подушки, руки, выглядывая из белой ночной рубашки без рукавов, лежали поверх одеяла. Дышала она глубоко, но иногда из ее груди вырывались стоны или всхлипы, заставляя ее тело содрогаться.

Энн Браунинг, одетая в цветистый халат поверх серой шелковой пижамы, склонилась над Вики.

В правой руке Энн держала небольшой шприц для подкожных инъекций с полированным металлическим корпусом и длинной, как у булавки, иглой.

Энн посмотрела на него через всю кровать. Ее глаза округлились, рот распахнулся.

— Фил Кортни, — сказала она, — какого черта вы здесь делаете?

— Вы... — вырвалось у него. — О, Боже, только не *вы*...

⁴⁸ Журнал о моде и светской жизни, основанный в Британии в 1901 году.

Позже он забудет, что говорил, хотя с тех пор именно эти слова зачастую использовались против него.

Что ему врезалось в память навсегда, так это каждая деталь в комнате: цвета, силуэты, даже куда падали тени. Отблеск острой иглы. Стеклянный графин с водой, маленькая круглая коробочка белых таблеток среди бутылочек на прикроватном столике. Закрытые окна, и по этой причине не выветрившийся запах лекарств. Гипнотическое действие дождя. Смутный, давящий полумрак, движение мышц и губ, как при боли, волнение, которое заново начинает овладевать лицом отключившейся Вики.

Боль...

Больше всего он запомнил безумный ужас в глазах Энн, когда она посмотрела на него.

— Вы подумали, — воскликнула она, — что я?.. — Она неуклюже отшвырнула от себя шприц. Он упал на одеяло и покатился.

Вылей сейчас на Фила Кортни несколько ведер воды, это бы не помогло — он и так промок до нитки. Но добрый ковш ледяной воды, выплеснутый в лицо, снизил бы напряжение, которое случилось у него по вине нелепой мысли, пронзившей мозг, и хотя бы частично восстановил способность трезво оценивать действительность. И если она не восстановилась полностью, то только потому, что Вики Фейн в этот момент застонала.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Вы знаете, что в доме орудует грабитель?

— Я... Грабитель? Кто вам сказал?

— Миссис Проппер позвонила майору. Разве вы не слышали, как я кричал снаружи?

— Н-нет. Так значит это вы устроили грохот?

— Что за грохот?

— Это случилось примерно двадцать минут назад. Вики приняла снотворное и засыпала, я тоже р-решила лечь. Я чуть не умерла со страху. Такое впечатление, что упало что-то тяжелое. Внизу. Я спустилась было посмотреть, но испугалась и бросилась назад.

— Так. Вы еще что-нибудь заметили?

Энн прижала ладони к горящим щекам; она смотрела на него с недоверчивым ужасом. Ее разум, очевидно, был одержим только одной мыслью.

— Вы, — медленно произнесла она, — подумали, что я...

— Честное слово, я не знаю, что я подумал! Хьюберт Фейн сейчас сидит внизу с разбитой головой. Там что-то происходит. Подождите! Я сожалею, что сказал это. Рана у него не такая тяжелая. Я...

Она схватилась за изножье кровати, чтобы не упасть, и указала на шприц.

— Я... Я вернулась сюда. Я знала, что не смогу заснуть. И просто бродила из угла в угол. Наконец, я решила одолжить у Вики таблетку снотворного. Я прошла туда, — она развернулась и махнула рукой в сторону прикроватного столика, — взяла коробочку и вдруг увидела шприц. Раньше я его не замечала. Наверное, это врачи что-то вводят Вики. Должно быть так! Вы подумали?..

— Как долго вас не было?

— Минуты две.

Двадцать минут назад. Двадцать минут назад. Двадцать минут назад. Губы Вики дрогнули. Громко тикали часы.

Кортни подошел к кровати. Вода с макинтоша и обуви пропитала ковер, но он не обращал внимания. Он взял шприц, выудил из кармана платок и медленно выдавил на него каплю прозрачной жидкости.

Кончиком языка он осторожно коснулся влажного пятна на ткани. Даже в спиртовом растворе и мизерной концентрации острая горечь обожгла язык. Он быстро и жесточенно вытер рот.

— Снова стрихнин, — сказал он.

— Вы уверены?

— Я не врач, но не слишком ошибусь, если скажу, что стрихнин, попавший в кровь в таком виде, убил бы ее точно. Осторожно!

По телу Энн пробежала сильная дрожь, словно она на себе почувствовала действие яда.

— Я в порядке, — уверенно заявила она, плотнее запахивая халат. Взгляд ее был решителен и тверд. — Что будем делать?

— Вы знаете номер телефона доктора Нитсдейла?

— Девять-семь-ноль-один. Он наш доктор.

— Я спущусь вниз и позвоню ему, а вы отправляйтесь к миссис Проппер и Дейзи. Скажите им, чтобы приготовили... нет, черт возьми, рвотное без толку, если яд не проглочен. — Он покрутил головой. — Господи, дай знать, что делать. Я не знаю, что мы должны делать. Пока идите к ним. Скорее!

— Я сделаю то, что вы хотите, — спокойно сказала Энн. — Но это последний раз, когда я с вами разговариваю.

Спорить по этому поводу было некогда. «Девять-семь-ноль-один, девять-семь-ноль-один» — безостановочно бормотал он себе под нос, зная, что забудет номер, пока доберется до телефона. Он спустился вниз.

Где вообще этот телефон? Стоп, о телефоне вроде всегда говорили, что он находится в задней гостиной. Он не хотел снова лицезреть этот ужасный манекен, комфортно устроившийся на диване, с «Тэтлером» на коленях и струйкой крови от уха до воротничка. Но это нужно было сделать.

Телефон стоял на маленьком круглом столике у окон, откуда до Хьюберта было рукой подать. Неуверенным пальцем он набрал номер и убедился, что сделал это правильно. Длинные гудки бесконечно отдавались в его голове. Он сидел на краешке небольшого стула и ждал, гипнотизируя телефон. Прошла целая минута, что показалось для Кортни вечностью, прежде чем голос доктора Нитсдейла ответил ему.

Когда Кортни обрисовал ситуацию, доктор Нитсдейл перешел на язвительный тон.

— Кроме того, — добавил Кортни, — приготовьтесь иметь дело с травмой головы, кое-кого огрели по затылку. Возможно...

— Молодой человек, вы в своем уме?

— Нет, нет, нет! Сумасшедший бродит сейчас по дому. Пожалуйста, сделайте, как я прошу. Только, доктор!..

— Да?

— Если стрихнин ввели с помощью шприца, что я могу сделать в этом случае?

— Ничего. Скорее всего, и я тоже. Прощайте.

На том конце бросили трубку.

Кортни приложил руки к пульсирующим вискам. Рядом с ним из открытого окна хлестал дождь, блестящие иглы которого вонзались в занавески и жалили пол. Больше ничто не нарушало спокойствия в доме.

Он повернулся лицом к Хьюберту и столкнулся, быть может, с худшим кошмаром ночи, по крайней мере, на данный момент. Хьюберт сохранял ту же позу и не шевелился. Но его глаза были широко раскрыты и смотрели прямо на Кортни. Их разделяло не больше шести футов.

— Добрый вечер, — произнес Хьюберт приятным, но слегка скрипучим и отстраненным голосом. — Кажется, меня сморило. Просто невероятно. Просто невероятно.

Хьюберт Фейн на время повредился рассудком. Кортни понял это по выражению его глаз.

Он вспомнил своего друга, который получил сотрясение мозга от удара дверью железнодорожного вагона. После хорошего нокаута, этот друг встал и, уверяя всех, что с ним все в порядке, отправился по своим делам, пока много часов спустя не потерял сознание.

Хьюберт, опрятный до неприличия, за исключением пятна засохшей крови на лице, моргнул и прикоснулся рукой ко лбу.

— Невероятно, — продолжил он тем же взволнованно-любезным тоном. «Тэтлер» соскользнул с колен на пол. — Вы знаете, я не могу вспомнить...

— Спокойно, сэр!

— Могу я спросить, мистер Кортни, как вы сюда попали? И не соблаговолите ли вы избавить мое чувство прекрасного от такого сомнительного зрелища, как ваши плащ и шляпа?

— Послушайте...

— Моя голова действительно ведет себя чрезвычайно необычным образом. Не болит, но какая-то странная. Вряд ли я мог выпить столько бренди после ужина.

Кортни почувствовал, как его горло пересохло.

— Кто, — спросил он, — оставался с вами последним в этой комнате, мистер Фейн? — Мягкое недоумение разлилось по лицу Хьюберта. — Вот еще одна удивительная вещь, — ответил он, слегка проведя пальцами по лбу. — Я не могу вспомнить, как я сюда попал. Последнее, что я отчетливо помню, это как сидел в библиотеке и читал вечернюю газету. Магнетизм этой комнаты не настолько силен, чтобы я сидел здесь по своей воле. Думаю, для успокоения надо пойти и смочить глаза. Да, я определенно должен пойти и смочить глаза.

— Подождите, мистер Фейн! — крикнул Кортни, когда Хьюберт начал вставать, пошатываясь на своих паучьих ножках. — Не вставайте! Сидите на месте! Вас ударили.

— Меня что?

— Вас ударили.

— Мой дорогой сэр, что за чушь вы несете, — мягко сказал Хьюберт и съехал на пол.

Кортни не знал, что нужно делать в таких случаях. Он беспомощно озирался по сторонам, пока не встретился взглядом с еще одним человеком.

В открытом окне, раздвигая занавески, яростно атакуемые дождем, возникли голова и плечи. Человек был закутан с ног до головы в прозрачный глянцеви́тый дождевик; шляпу накрывал капюшон. Это было зрелище не для слабонервных. Блеснули запотевшие очки.

— Что здесь происходит? — раздался требовательный голос Г. М. — Кто прислонил лестницу к окну?

— Я. — Теперь Кортни мог облегченно вздохнуть. — Я должен был как-то попасть внутрь. Залезайте сюда и скажите, что делать.

— О! Я думал... — Г. М. смолк и шмыгнул носом. Он сердито ткнул указательным пальцем. — Что с ним?

— Это вы должны мне сказать.

Картина, впрочем, почти не вызывала сомнений. Г. М. удалось протиснуться в окно. Он запутался в занавесках и чуть не оборвал карниз. Когда он с громким стуком приземлился на пол, содрогнулся потолок. Наконец, все препятствия были позади. Волоча дождевик и оставляя за собой мокрые следы, он подошел к обмякшей фигуре и склонился над ней.

— Сотрясение мозга, — констатировал он. — И очень тяжелое, черт возьми.

— Не обращайтесь на него внимания. — Кортни не очень сочувственно отнесся к Хьюберту. — Поднимитесь наверх. На миссис Фейн снова напали. Убийца ввел стрихнин, используя шприц, и доктор Нитсдейл говорит...

Его прервал новый шум со стороны открытого окна. Сначала из него вылез Мастерс, затем в комнате появился инспектор Эгнью. Стряхнув с себя капли дождя, они устроили небольшой туман из брызг. Стекающая вода образовала на полу блестящие лужи.

— В этом доме когда-нибудь открывают двери? — раздраженно спросил старший инспектор. — Мы добрых десять минут стучали в парадную дверь. Звонок не работает.

— Разве вы не слышали, что я сказал? — крикнул Кортни. — Миссис Фейн. Опять стрихнин! Я позвонил доктору. Кто-то прокрался в комнату, пока Энн выходила, взял шприц и ввел его. Она в тяжелом состоянии.

— Она, сейчас? — бесцветно спросил Г. М.

Понадобилось некоторое время, прежде чем Кортни сообразил. Понадобилось некоторое время, прежде чем он понял, что скрывалось за небрежным, равнодушным тоном Г. М. И даже тогда он не понимал...

— Г. М., вы с ума сошли? Вы все с ума сошли? Почему вы ничего не делаете? В нее, должно быть, вкачали целый шприц. Я выдавил из него последнюю каплю. Я попробовал ее на язык и ощутил ужасную горечь...

— Так, — сказал Г. М. Он выглянул из дождевика, с которого продолжала капать вода. — Значит, вы попробовали ее на язык?

— Да.

— Угу. Что вы почувствовали после этого? Кончик языка онемел?

— Нет.

— Вы уверены, сынок?

— Да, абсолютно уверен.

— Тогда, — сказал Г. М., снова обернувшись, — это был не стрихнин.

Наступила тишина, прерываемая только нескончаемым шумом дождя. Мастерс и Эгнью замерли с тупым выражением на лицах.

Кортни дико уставился на них.

— Кто-нибудь... — отозвался вежливый голос с пола. — Будет ли кто-нибудь столь любезен помочь мне подняться на ноги? Я вполне здоров, но мои... э-э... двигательные рефлексы, кажется, не работают в привычном смысле. Это весьма раздражает.

— Эгнью!

— Сэр?

— Отнесите этого человека в его комнату, — сказал Г. М. — Ему очень плохо. Давайте. — Эгнью засуетился, а Г. М. бросил хмурый взгляд на Кортни и добавил: — Я загляну к миссис Фейн, проверю.

— А теперь, — сказал Мастерс, — объясните, что все это значит? Что происходит, мистер Кортни?

Пока Кортни рассказывал, Мастерс обследовал диван. На полу за диваном он обнаружил грубый каменный опарник, поверхность которого могла не содержать отпечатков пальцев, зато весил он порядка десяти-двенадцати фунтов, что делало его вполне подходящим орудием убийства. Мастерс поднял его и взвесил в руке.

Рассказ Кортни, однако, получился коротким, и он уже мчался наверх следом за Г. М.

Наверху их встретил гул голосов. Миссис Проппер и Дейзи, закутанные в несколько слоев одежды, словно им предстояло выбираться из пожара, взволнованно изливали на Энн душераздирающую историю с непонятным финалом.

— Вот знаменитый доктор! — завывала миссис Проппер, хватаясь за Г. М., когда он проходил мимо. — Идите туда, сэ. Идите и посмотрите на миссис Фейн!

— Ладно-ладно, только оставьте меня в покое! Ради бога, оставьте меня в покое. Я...

Г. М. прошел в спальню. Сорвав дождевик, он склонился над Вики Фейн. Взял вялое запястье, пощупал пульс. Слегка провел пальцами вдоль подбородка от уха до уха и вокруг шеи. Он приподнял одно веко и посмотрел радужку. Хотя движения его казались необычайно грубыми, Кортни мог поклясться, что тень сошла с его лица, а с губ сорвался вздох облегчения.

— Опухлость? — не выдержал Кортни. — Что там такое? Что с ней?

— Ничего.

— *Ничего?* — воскликнула Энн.

Лица людей, столпившихся в дверях, напоминали этюды Хогарта⁴⁹.

— Вы имеете в виду, что вообще ничего у нее не нашли?

— Ничего, — ответил Г. М., — кроме действия таблеток хлорала, ее снотворного. О, мой глаз, да у вас тут просто замечательная кучка страшилок. Теперь, что это за суматоха с грабителем? Мы спускаемся к Адамсу и слышим историю, как он послал вас, — он моргнул, глядя на Кортни, — с винтовкой в поход на грабителя. Какого еще грабителя?

Миссис Проппер в кружевной шапочке поверх папильоток плотнее закуталась в кокон из халатов, платков и одеял.

— Потому что, Господь мой судья, — страстно заявила она, — в доме был грабитель. Дейзи, скажи им.

— Как он попал внутрь?

— Через окошко.

— Какое окошко?

— Я вам покажу.

— Похоже на правду. А девушка пусть спит.

Г. М. погасил лампу и, вытолкав всех в ярко освещенный холл, последним вышел из комнаты. Навстречу им спешно поднимался казавшийся испуганным Фрэнк Шарплесс в промокшей кепке и резиновом плаще.

— Идите-ка сюда, — усмехнулся Г. М., делая широкий, но злобный жест. — Чем больше, тем лучше. Продолжаем вечеринку. Слушайте, сынок, почему бы вам не перевезти сюда кровать и жить?

Нельзя было сказать буквально, что миссис Проппер окаменела, но выглядело это именно так.

— Я должен был повидать Вики, — выдохнул Шарплесс, отирая влагу с лица. — С ней все в порядке?

— В полном.

— Я позвонил майору Адамсу, чтобы поговорить с Филом. Майор сказал...

— Угу. Мы догадываемся, что он сказал. Нет, туда нельзя! Держитесь подальше от этой двери, пусть девушка отдыхает. — Он повернулся к миссис Проппер. — Так, мадам. Где окно, через которое проник грабитель?

Миссис Проппер быстро приближалась к состоянию, граничащему с безумием:

— Сэр, вы не позволите этому *убийце*?..

49. Уильям Хогарт (1697—1764) — английский художник, иллюстратор, автор сатирических гравюр, один из пионеров жанра карикатуры.

— Что за убийца? — спросил Шарплесс.

— Это был *он*, — сказала миссис Проппер, указывая пальцем на Шарплесса. — Клянусь, это он влез в окошко.

Шарплесс снял кепку и обрызгал кухарку так, что ей пришлось срочно спрятаться за спину Г. М. Встряхнув кепку, Шарплесс повернул недоуменное лицо к свету.

Миссис Проппер, между тем, уже тащила за собой Г. М., взяв его за руку. Решительными шагами она направилась к двери, которая находилась чуть дальше. Она заставила его зайти внутрь и включить свет.

Эта была спальня, пустующая и холодная, чьи два окна выходили на юг. У одного была полностью поднята рама. Намокшие кретоновые занавески в цветочек громко хлопнули от сквозняка, устроенного открытой дверью.

— Вот здесь, — воскликнула миссис Проппер, протягивая руку. — Рядом с этим окошком проходит жестяная труба. И Дейзи сказала мне, — мы были наверху, вот прямо над этим местом, — Дейзи сказала: «Тетя, кто-то стучит по трубе». А я: «Нет, — говорю, — кто-то взбирается по трубе». И мы попытались разглядеть сверху, но видно было не очень хорошо, видели только, что кто-то поднял окошко.

— Тогда откуда вы знаете, что это был капитан Шарплесс?

— Говорю же вам, я знаю. Не спрашивайте меня, кто это был! Я знаю. Там был капитан Шарплесс. Правда, Дейзи?

— Ох, тетушка, что за глупости вы говорите, — сказала Дейзи, округлив глаза. Капитан Шарплесс, я уверена, никогда бы не сделал ничего подобного.

— С придурью старушка, — бросил Шарплесс.

Энн плавно вмешалась в разговор.

— Послушайте, миссис Проппер, — обратилась она, дружелюбно приобняв кухарку. — Почему бы вам с Дейзи не пойти и не приготовить нам всем чаю? Знаменитый доктор здесь, и теперь вам нечего бояться. И все вместе мы справимся. Я только переоденусь, приведу себя в порядок, спущусь вниз и помогу вам.

— Первый раз слышу в этом доме разумные слова, — сказал Г. М. после того, как выглянул в окно. Его очки снова запотели. — Ну-ка, давайте уматывайте отсюда, вы все.

Шарплесс задержался в холле, очевидно, с намерением взглянуть на Вики, когда Энн закончит переодеваться. Миссис Проппер с Дейзи спустились вниз, пропущенные вперед Г. М. и Кортни. Последних ждал в задней гостиной мрачный Мастерс.

— Ну что, сэр?

— С ней все в порядке, — выдохнул Г. М. — Без вреда для здоровья, но наш друг все же попытался сделать это.

Мастерс изменился в лице.

— Шприцом?

— Да.

Мастерс снял плащ и котелок. Фил Кортни с опозданием последовал этому примеру, бросив свою мокрую верхнюю одежду сушиться на камин.

— Но вы видите, как этот последний кусочек вписывается?

— О, Господи, сынок! Еще как вижу. Это неизбежно. И это, возможно, уберегло нас от кучи неприятностей.

— Возможно. В конце концов, должен признать, вы были правы. Мы больше не можем рисковать. В таком случае, вам не кажется, что пора приступить к демонстрации?

— Какой демонстрации? — устало поинтересовался Кортни.

— Сэр Генри хочет показать нам, — мрачно ответил Мастерс, — как был убит Артур Фейн.

Наступила пауза. В комнату врывались только звуки дождя.

— Вы знаете? — спросил Кортни.

— О, да, сынок. Мы знаем: кто, как и почему. Просто наблюдайте за мной.

Он не мог поверить, что это конец. Он почувствовал холодок страха, но его разум все еще бродил в тумане без намека даже на самый слабый проблеск: кто, как и почему?

Подготовка Г. М. шла очень серьезно. Положив дождевик на диван, он придвинул последний обратно к стене, чтобы середина комнаты была свободной, и перенес торшер с длинным шнуром к мягкому креслу, в котором в вечер убийства сидела Вики Фейн.

Телефонный столик из красного дерева он перенес в центр комнаты.

— Сцена готова, но лучше убедиться, что все в точности так, как было, — проворчал он. — Найдите кого-нибудь.

Энн Браунинг, переодевшись снова в белое спортивное платье, спустилась вниз и собиралась пройти на кухню, но Кортни перехватил ее.

— Они хотят, чтобы вы присутствовали. Будут показывать, как убили Артура Фейна.

— Я же сказала, — ответила Энн одними губами, — что больше никогда не буду разговаривать с вами. — Она помолчала. — Что они собираются делать?

— Реконструировать убийство, так, полагаю, это называется. Послушайте, Энн, клянусь, я ничего не думал в отношении вас...

— Вы думали, что это сделала я. Вы же знаете.

— Я никогда так не думал! Я только...

— Вы оба, идите сюда, — рявкнул Г. М.

Инстинктивно съежившись под суровыми взглядами Г. М. и Мастерса, они тихо, почти на цыпочках, прошли в комнату.

— Нам нужен непосредственный свидетель того, что здесь произошло, — сказал Г. М. — Теперь. Закройте дверь. Мебель стоит правильно?

— Да, — ответила Энн.

— Абажур находился в том же положении, как сейчас? Если нет, покажите, как было.

Подумав, Энн прошла вперед и опустила абажур на дюйм или два ниже. Яркий круг света упал на кресло и почти дотянулся до столика, но оставил большую часть комнаты в полумраке.

— Теперь остальные кресла.

Энн давала указания, Кортни расставлял кресла. Он расположил их полукругом: одно мягкое, другое простое, выдвинутые чуть вперед и развернутые под углом, заняли свои места сбоку от кресла Вики и были предназначены для Артура и Хьюберта Фейна; напротив них, строго симметрично, он поставил кресла Энн Браунинг и Фрэнка Шарплесса.

— Так, — проворчал Г. М., держа кулаки на бедрах. Глазами он прикидывал расстояния, но угадать его мысли было невозможно. — Это точная расстановка? Вы уверены?

— Да.

— Хорошо. Мастерс, положите резиновый кинжал на столик.

Мастерс выполнил команду, но Кортни заметил, что старший инспектор пребывает в таком же неведении, как Энн или он сам. Мастерс попробовал лезвие на гибкость, будто хотел убедиться, что держит сейчас в руках резиновый кинжал, который не может превратиться на его глазах в стальной.

— Идем дальше. Теперь, Мастерс, садитесь в кресло Артура Фейна.

Мастерс послушно занял указанное место.

— Вы, сынок. Встаньте там, где стоял Рич.

Кортни покачал головой, чувствуя, что попал в сказочную страну, где может случиться все, что угодно.

— Я не знаю, где стоял Рич. Меня здесь не было.

— Девушка покажет вам. Покажите ему, моя девочка... Так. Вот так, да?.. Хорошо.

Г. М. обследовал позицию. Он был дьявольски скрупулезен.

— Револьвер мы исключаем, — продолжал он, засунув руки в проймы жилета. Револьвер никак не фигурировал в схеме, за исключением того, что без него у убийцы ничего не вышло бы с трюком. — Он покачал головой. — О, мой глаз, как это просто! Как мучительно, душераздирающе просто!

Лицо Мастерса потемнело еще больше. Пальцы ковыряли обивку подлокотника.

— Сэр, — сказал он, — вы сами продолжите или это нужно вытягивать из вас?

— Так-так, сынок, не порите горячку! — Он обвел взглядом остальных. — Вечером я рассказал Мастерсу и Эгню, что попросил шофера Адамса сколотить для меня небольшую вещицу. Смотрите.

Он подошел к дивану, где лежал его непромокаемый дождевик, и засунул руку в карман. Не прошло и двух секунд, как тайна перестала существовать.

Но произошла заминка.

Откуда-то сверху донесся сдавленный крик, больше похожий на вопль, чем на крик, который заставил кровь прилить к их сердцам и вызвал страшный переполох. Затем раздался хлопок, последовала серия ударов, и хриплый голос произнес:

— *Получил, невежа?!*

Мастерс посмотрел на Г. М. Багровая краска исчезла с лица старшего инспектора, рука взмыла в воздух.

— *Боже мой,* — произнес он, — *дурак пытался снова...*

Впоследствии Кортни не мог вспомнить, кто из них первым достиг двери. Он думал, что это был Г. М., чья нездоровая упитанность, казалось, говорила против этого. Он помнил только, что они устроили затор в дверях, окружив Г. М., и долго не могли разобраться.

После чего, возглавляемые старшим инспектором, все бросились наверх.

Пустой холл наверху, с его ярко отливающим паркетом, содержал композицию из трех фигур. Одной из них, прислонившейся к стене, был Фрэнк Шарплесс. Под ним, лежа на боку, корчилась и пиналась вторая. Ее пронзительным, протестующим крикам внимал навалившийся сверху инспектор Эгню. Кортни смотрел и не верил своим глазам.

Мастерс спешил присоединиться к группе драчунов, на ходу вынимая что-то из кармана.

Он оглянулся на Энн; его красное лицо исказила зверская гримаса.

— Извините за наручники, мисс, — сказал он, подбираясь к запястьям Хьюберта Фейна. — Мистер Хьюберт Фейн убийца не только по инстинкту, но и по необходимости, поэтому мы решили, что лучше не рисковать.

Всего через неделю, чудесным вечером третьего сентября, многие из них снова собрались в той же приятной, располагающей обстановке задней гостиной.

Были там и Вики Фейн, которая полностью восстановилась и теперь светилась здоровьем, и Фрэнк Шарплесс, и Энн Браунинг, и Кортни, устроившийся на подлокотнике ее кресла. Доктор Ричард Рич занял скромный уголок. Уголок доктора Нитсдейла, который

заглянул к Вики и объявил ей, что с этой минуты она вольна делать все, что угодно, был менее скромным.

Наконец, здесь был Г. М.

— Видите ли, — сказал Г. М., принимая свою любимую «писательскую» позу с пальцем, упирающимся в висок, ибо с гордостью осознавал значимость своей фигуры и то, как выгодно она смотрится в кресле. — Ключевая фраза этого дела была сказана нечаянно. — Он посмотрел на Энн. — И сказали ее вы.

— Я?

— Да, вы сказали, что *было бы ужасно, если бы кто-то, кого мы знали фигурирующим в одном качестве, на самом деле фигурировал в совершенно противоположном*. Помните?

— Да, но...

Г. М. посмотрел на Вики.

— Вы, мэм, решили, что Артур Фейн был убийцей, а Хьюберт Фейн шантажистом, хотя на самом деле было все наоборот. Это Хьюберт был убийцей, а Артур шантажистом. Хьюберт убил Полли Аллен, а Артур, который знал об убийстве, извлек для себя выгоду. Вот и весь секрет этого дела, и, насколько мне известно, его единственная изюминка. — Он скрестил ноги.

— Видите ли, мэм, ваша осведомленность в том, что ваш муж был убийцей, являлась «общепризнанным фактом». Конечно. Но кто его признал?

Если все записать и отмотать назад, как кинолентку, то обнаружится, что единственным источником информации об Артуре был сам Хьюберт. Вы нашли платок в кресле. Вы слышали, как Артур во сне пробормотал что-то об убийстве Полли Аллен, в котором, конечно, он сыграл свою грязную роль, спору нет, но не так, как вы думали. Как и большинство женщин, вы сразу сделали вывод, что он виновен. Вы пришли к Хьюберту. И Хьюберт скормил вам самую прекрасную историю о привидениях из всех, которые когда-либо придумывал.

Вики кивнула. Тень омрачила ее лицо.

Г. М., не извинившись, зажег одну из своих отвратительных сигар.

— К сожалению, мы, Мастерс и я, не знали то, что знали вы, или думали, что знали, до тех пор, пока вы не сообщили нам об этом в воскресенье. Получи мы эту информацию раньше, мы бы схватили мистера Хьюберта гораздо быстрее, чем мы это сделали. Но когда мы узнали, стало понятно — *это* конец.

Мне кажется, большинство людей думали о Хьюберте как о состоятельном человеке. Шарплесс думал так. Рич думал так. Мастерс думал так. И весь юмор в том, что он действительно был состоятельным человеком.

Один маленький факт — вас и вашего мужа ввели в заблуждение с самого начала. Хьюберт Фейн был скрягой. Банальный, классический скупердяй. Все мы знаем, что такие люди ни за что не заплатят за выпивку, даже если от этого зависит их жизнь. Он решил, что нет ничего очаровательнее, чем паразитировать за счет своих родственников, живя с ними круглый год под одной крышей, хотя сам мог купить их десять раз.

В массе своей это очаровательные люди. Но всех их наряду с моим собственным покойным дядюшкой я отношу к категории паразитов.

Итак, вы думали, что Хьюберт был шантажистом. В то время, как мы с Мастерсом блуждали в потемках просто потому, что, сожгите меня, знали факты!

К прошлому воскресенью у Мастерса накопилось огромное количество фактов. Он собрал все материалы и во второй половине дня пришел ко мне. При содействии банка он проверил финансовое положение всех в этом деле, и, как он сказал, не нашел абсолютно ничего, что бы нас могло удивить или как-то помочь. Другими словами, Хьюберт был именно тем, кем притворялся, — богатым человеком.

Но мне совсем не понравилось заключение о состоянии финансов *Артура*.

Что мы знали? Шесть месяцев назад дела Артура были настолько плохи из-за долгов, что ему пришлось обналичить свою страховку. Но что происходит потом? Он возместил ее. Что еще? Внезапно на счет Артура стали поступать крупные суммы наличных денег, замечу, на текущий счет, с которого он мог погашать долги, а к середине августа все его бухгалтерские книги были снова в порядке.

Г. М. взглянул поверх очков на Вики и пожевал кончик своей черной сигары.

— Тогда мы поговорили с вами. Вы изложили детали того, как Артур убил Полли Аллен (подробности вы узнали от Хьюберта и только от него). Из вашего рассказа получалось, что Хьюберт был нищим шантажистом, без пенни в кармане, который сосал кровь Артура в доверительной, джентльменской манере.

И, повторюсь, это был конец. Я увидел, как всю ситуацию перевернули с ног на голову. Если бы Хьюберт был убийцей, а Артур шантажистом, то все одним махом вставало на свои места. Это подводило меня к самому больному месту — мотиву.

У Вики между бровей возникла складка. После нескольких неудачных попыток она заговорила.

— То есть, Артур, — нерешительно сказала она, — никогда?..

— Не бегал налево? — закончил Г. М. — Нет, его интересовали финансовые махинации, а не женщины на стороне. Он был исключительно верным мужем. Он говорил и верил, что в Англии нет более счастливой пары, чем он сам и его жена.

Вики закрыла лицо руками.

Г. М. стало неудобно.

— Но, может быть, — продолжал он, выпуская облако ядовитого дыма, — мне лучше рассказать историю с самого начала?

Итак, я с самого начала положил глаз на дядю Хьюберта. Должно быть, он напоминал мне одного негодяя, которого я знал много лет назад, но это неважно. Чем больше вы присматривались к нему, тем подозрительное казалось все остальное.

Например, он любил играть роль дяди по отцовской линии, отца своих приятельниц, «дорогого старого джентльмена», у которого находились только добрые советы для молодых леди. Однако сам он не был старым, если только вы не достаточно молоды, чтобы считать пятидесятилетних стариками. И что мы услышали о нем от доктора Рича, который был его доктором и должен был знать?

Г. М. вытянул шею и посмотрел на Рича, который мрачно уставился в пол.

— Помните, вы говорили, сынок, что могли бы понять это очень хорошо, если бы обвинение в использовании гипноза как повода надругаться над женщиной было выдвинуто против Хьюберта Фейна?

— Да, — сказал Рич.

— И вы считаете, что это вполне справедливая оценка его характера?

— Считал и считаю.

— Угу. Ну, по Хьюберту Фейну всё: как он выглядел, как он одевался, как он действовал. Все указывает на то, что он был настоящим ловеласом. Он любил молодых женщин, — чем моложе, тем лучше. Предпочитал нежных и хрупких. Например, таких, как Полли Аллен. Или как...

— Вы смотрите на меня? — спросила Энн, поскольку не могла не заметить на себе долгий и пристальный взгляд Г. М., и залилась краской.

— Да, моя девочка, смотрю. Могу поспорить, что Хьюберт Фейн делал в отношении вас, скажем так, «авансы». И вы готовы были рассказать, когда мы по ошибке спрашивали вас о «деятельности» Артура в этом направлении. Но вы не смогли переступить через себя.

Я помню вас в белом платье у дома Адамса в тот четверг, когда мы играли в гольф и впервые заговорили о Полли Аллен. Вы особо отметили, что не очень хорошо знаете Артура, но знаете его «семью». Под этим словом не подразумевалась жена. У него не было

семьи: его отец и мать умерли в то время, когда вы ходили под стол пешком, — семьи как таковой, то есть, за исключением Хьюберта. Эту мысль вы пытались донести?

— Да, — призналась Энн и тряхнула головой. Ее лицо стало алым.

— На какое-то время? — спросил Г. М.

— Да, на какое-то время.

— Что он сделал? — спросила Вики, сгорая от любопытства.

— Ну-ну! — отрезал Г. М. — Ничего такого!

— Что ж, было бы интересно узнать, — заметил Шарплесс с широкой и открытой улыбкой. — Но не беда. Продолжайте, сэр. Копайтесь в нашем грязном белье.

— Итак, наш добрый, безобидный Хьюберт познакомился с Полли Аллен, потому что она напоминала ему девушку, у которой не было ничего. Но было или не было, решайте сами. Думаю, что подчеркивать это необязательно. Теперь, тупоголовые вы мои, я хотел бы обратить ваше внимание на параллели с мотивом. Кто-нибудь из вас слышал о тайне Сэндифорд Плейс?

— Господи, — пренебрежительно воскликнул доктор Нитсдейл. — что это значит?

— Лично я нет — высказался Шарплесс.

Маленький доктор посмотрел на него. Г. М. заставил обоих замолчать.

— Об этой истории, которая произошла в начале 60-х годов в Сэндифорд Плейс, на Сошихолл-стрит, в Глазго вы можете прочитать в серии «Знаменитые судебные процессы Британии».

— Соу-и-олл-стрит, — педантичным тоном поправил его доктор Нитсдейл. — Человеке, ваше английское произношение превращает вас в эскимоса из анекдотов.

— Хорошо, Соу-ки-холл-стрит, — сказал Г. М., подчиняясь, но все же первые два слога разделить правильно у него не получилось. — В ту ночь, когда в доме никого не было, кроме девушки-служанки и благообразного старого ханжи по имени Джеймс Флеминг, девушка, которую звали Джесси Макферсон была убита. Очень мерзко, тесаком.

Я не собираюсь останавливаться на уликах, о которых до сих пор спорят. В конечном счете была арестована женщина по имени Маклахлан, а нежного Джеймса Флеминга освободили как главного свидетеля Короны. На заседаниях судья называл его «дорогим старым джентльменом», то же обращение применимо и к Хьюберту Фейну.

Но мне всегда казалось, что Флеминг убил девушку, потому что она не поддалась ему, подняла шум, и он был вынужден заткнуть ей рот. Из показаний Маклахлан: «Он только сказал, что это не поможет теперь, хотя ему очень жаль». Я не сомневаюсь, что этот «дорогой старый джентльмен» был лицемерным притворщиком.

— Да, это один из самых величайших подлецов, — с гордостью признал доктор Нитсдейл, — которых когда-либо подарила нам Шотландия.

— И вечером пятнадцатого июля в этой комнате, — сказал Г. М. — история повторилась.

Наступила пауза.

— Видите ли, Хьюберт ошибся, так как привык к легким победам, но он не знал Полли Аллен. Как мы уже слышали, она любила молодых, смеялась над теми, кому старше сорока. Вот почему она была такой «веселой», как сказали ее подруги, когда отправлялась на свое «тайное свидание» в тот вечер.

Хьюберт думал, что все пройдет легко, — он выбрал вечер, когда все женщины находились в отъезде, а Артур должен был допоздна работать в офисе. Так?

— Да, — подтвердила Вики.

— Понятное дело, никто из подруг Полли никогда не слышал ни о каком романе с Артуром Фейном, ибо его не существовало в природе.

Итак, Хьюберт пригласил свою ничего не подозревавшую жертву сюда. И что происходит? Ее это развеселило. Чувствуете? *Она смеется* над ним, и дорогой старый джентльмен теряет голову и душит ее.

Артур, вернувшись из офиса раньше срока, застал их здесь. Сцена, представляю, была довольно бурной. Хьюберт поступил так, как должен был поступить старый Джеймс Флеминг: предложил деньги, чтобы Артур держал рот на замке. Артур не верит своим ушам: «Какие деньги? У тебя же нет ни шиша». И в этот момент Хьюберт, как бы тяжело ему не было, открывается Артуру.

Артур Фейн отчаянно нуждался в деньгах, поэтому он...

— Помог избавиться от тела? — подсказала Энн.

— Правильно, моя девочка. Короткая сценка с Артуром в одной рубашке, когда он открыл вам дверь, не предполагала любовное свидание. Она предполагала работу — работу гробокопателя.

Что они сделали с телом, мы не знаем и, по-видимому, не узнаем никогда. Единственное, что мы можем сказать с уверенностью, его закопали *не* рядом с Лекхэмптон Хилл, как утверждал Хьюберт. — Г. М. посмотрел на Вики. — Но Артур Фейн заговорил об убийстве во сне, и вы не могли не задаться вопросом.

После этого случился переезд Хьюберта в другую комнату, который вы, мэм, истолковали неправильно. Видите ли, мы склонны забывать, что в положении шантажируемого есть определенные преимущества. Он может потребовать лучшего вида из окна, более изысканной сервировки за столом. Он говорит: «Гори оно все огнем, если за те две тысячи, которые они вытянули из меня, я не получу что-нибудь для себя». Более того, он может доставить шантажисту массу хлопот.

Он может продолжать напоминать шантажисту невинными дружескими подковырками (как это делал Хьюберт), что они находятся в одной лодке. Если Хьюберт Фейн был убийцей, он всегда мог убедиться, что Артур помнит, как уважаемый адвокат помог избавиться от трупа и огреб немало наличных за это дело. Вспомните все, что вы когда-либо слышали от Хьюберта и посмотрите, не изменилось ли что сейчас.

Но Хьюберт уже решил, что шантажист должен умереть.

Группа заерзала в креслах.

— Ах! — пробормотал Рич. — Вот мы и добрались...

— Не торопитесь, сынок. Всему свое время.

Первоначально, думаю, Хьюберт хотел просто подсыпать стрихнин в грейпфрут. Ведь Артур, как мы слышали, был неравнодушен к грейпфруту.

Тут уже не выдержал Кортни:

— Подождите, где он взял стрихнин? И какое отношение к этому имеют ваша таинственная охота за конской мазью по всем аптекам Челтнема?

Г. М. выглядел смущенным.

— Ну, сынок, я подумал, что если бы мне выпал случай отравить кого-нибудь в маленьком городке или деревне...

— Боже, помоги вашей жертве, если вам выпадет случай!

Г. М. испепеляюще посмотрел на него.

— Как я уже говорил, — с достоинством продолжил он после паузы с испепеляющим взглядом, — я не настолько тупоголовый, чтобы покупать яд и расписываться в регистрационной книге. Мне этого не нужно.

Большинство аптекарей в небольших городках, поверьте моему опыту, это дружелюбные, общительные особы, которые не станут возражать, если вы покрутитесь возле них просто так. А если они вас знают, то не станут возражать против вашего пребывания в аптеке, пока они готовят рецепты.

Я никогда не забуду те — уже давние — времена, когда сам разводил в аптеках философские беседы под бойкие шагания аптекарей из комнаты в комнату или вообще за пределы лавки. И, глядя по сторонам, я обнаруживал у себя под носом бутылку с пятью унциями стрихнина.

Обычно это была самая заметная вещь на полках: прозрачная стеклянная бутылка с белым порошком под красной этикеткой. Такую невозможно пропустить. Как-то я подумал, что если отсыплю немного порошка себе в руку, аптекарь заметит пропажу, только когда начнет проверять запасы. А к тому времени уже и не вспомнится, кто и когда, черт возьми, мог хапнуть из бутылки.

Шарплесс покачал головой.

— Знаете, сэръ, — заметил он, — вы и в самом деле мастер на все руки, и это без преувеличения.

Г. М. выпрямился.

— Я старый маэстро, — сказал он, стукнув себя в грудь, — и пусть каждый, кто замышляет преступление, помнит об этом.

И тут я задался вопросом — мог ли кто-нибудь попытаться прибегнуть к похожей уловке. Хьюберт Фейн, добрая душа, был тем, кто дружил со всеми!

Было интересно немного понаблюдать и выяснить, что в аптеках смотрят сквозь пальцы на всякое праздношатание. Конечно, мне пришлось запастись рецептами. Я не мог задавать вопросы, иначе аптекари замкнулись бы, как устрицы. Полиция смогла допросить их, когда я составил список возможных вариантов.

Но перестаньте отвлекать меня! Я думал о Хьюберте Фейне.

Итак, его первоначальный план предполагал, я думаю, обычное отравление стрихнином. Но произошло следующее: во-первых, он встретил своего старого друга, Ричарда Рича, и во-вторых, миссис Фейн решила поговорить с ним об убийстве Полли Аллен.

Последнее обстоятельство поставило его в ужасно неловкое положение. Когда она спросила его, убил ли Артур девушку, он не мог сказать прямо: «Нет, это сделал я». И полностью замаять этот вопрос он тоже не мог, иначе копни она глубже, все могло бы закончиться катастрофой.

Поэтому он пресек лишние вопросы, согласившись с тем, что она думала, приправил дело дополнительными деталями, насколько хватило фантазии, и добровольно принял на себя роль безобидного шантажиста, каким она его и считала. Дорогой старый джентльмен вернулся.

Г. М. ткнул горячей сигарой в Вики и поднял брови.

— Бьюсь об заклад, мэ́м, первая фраза, которую он произнес, нарочито нервничая и извиняясь, была примерно следующей: «Почему бы тебе не поговорить с Артуром?»

Вики кивнула.

— Да, он так и сказал, — воскликнула она. — Но я *не могла!* Я не могла *поговорить* с Артуром. Во всяком случае, тогда. Еще не могла. Мне нужно было подумать.

— Верно, — сказал Г. М. — и он прекрасно знал об этом. К тому времени, пока вы соберетесь с духом, возможно, говорить уже будет не с кем. Ибо теперь этот гениальный плут, знающий имена сержанта Каффа и Гамильтона Клика, несправедливо забытые многими в наши дни, спланировал убийство Артура до мельчайшей детали.

Хьюберт пригласил Рича в дом. Он знал, что разговор рано или поздно коснется гипнотизма, но если бы до этого не дошло, он всегда мог перевести его в нужное русло. Свой шанс он получил благодаря упорству нашего юного спорщика Шарплесса. Тогда Рич...

Г. М. помолчал, шмыгнув носом и неловко пошевелился.

— Возможность еще раз хорошо поужинать... — горько заметил Рич. — Но продолжайте, сэръ. Не надо бояться правды.

— Рич предложил показать свой салонный трюк. Помните, кто уговорил всех снова собраться на следующий вечер за ужином в том же составе? Хьюберт. План был готов.

Важным, напомним, в этом «эксперименте», как сказал мне сам Рич, было то, что *он никогда не менялся, и его можно было повторить*. Правильно, сынок?

— Да, — кивнул Рич. — Любой шоумен скажет вам то же самое. Это происходит автоматически. С вашего позволения, я начинал всегда в девять часов.

— Теперь, леди и джентльмены, как Хьюберт узнал об этом трюке, нам неизвестно, и здесь я знаю не больше вас. Но он, должно быть, видел его и, скорее всего, не один раз. Он все записал и рассчитал время.

Детали плана были несложными. Если вы попросите шотландского еврея-букмекера...

— В Шотландии нет евреев, — перебил доктор Нитсдейл. — Они не могут там жить.

— Заткнитесь. Если вы попросите шотландского еврея-букмекера, которому задолжали пять фунтов, прийти к вам домой в определенное время и забрать долг, то в этом прекрасном зеленом мире вы можете быть уверены, что он придет точно в назначенное время. Приход Дональда Макдональда должен был состояться в момент паузы или перерыва после того, как миссис Фейн уснет. И он пришел.

За окнами сгущались летние сумерки. Яркие потолочные светильники в задней гостиной, где раньше горел только торшер, теперь были включены на полную мощность. Все слушатели склонились вперед, напряженно внимая рассказу Г. М.

— Дальше, — продолжил он, — я должен задать вам один вопрос. Какой был единственный промежуток времени во всем «эксперименте», когда вы были уверены, — абсолютно уверены, — что каждый участник сосредоточил свое внимание либо на миссис Фейн, либо на Артуре Фейне, и не отвлекся бы даже на взорвавшуюся рядом бомбу?

Я скажу вам. Это был момент, когда миссис Фейн попросили взять револьвер, подойти, пока Рич давал ей короткие наставления, и выстрелить в мужа. Я прав?

— Да, — признала Энн.

Остальные кивнули.

— Хьюберт Фейн вышел в холл и направился к выходу. Там он поговорил с букмекером, поглядывая на часы. Увидев, что нужный момент приближается, он отделался от Макдональда.

Дейзи стояла в холле, прильнув к двери задней гостиной. Он знал, что все ее внимание будет обращено туда. Что сделал Хьюберт? Мы знаем, он прошел в столовую. Теперь я хочу, чтобы вы вспомнили. Вы! — Он указал на Кортни. — Когда мы с вами впервые увидели Хьюберта Фейна в этом доме, что он делал?

Кортни задумался.

— Он стоял в темной столовой у буфета, — ответил Кортни, — и пил бренди прямо из бутылки.

Г. М. кивнул.

— Угу. Все уже привыкли к его тайным экспедициям за выпивкой. Поэтому Дейзи не обратила на это внимания.

Но на сей раз все было по-другому. В воскресенье я заметил еще одну особенность этой столовой. Я заметил ее после досадного несчастного случая, когда я поскользнулся на коврике, причинив себе серьезную травму, из-за которой вынужден был хромать. Эти коврики на полу выглядят как островки. Человек может легко добраться по ним от кухни до буфета, не боясь ступать по нещадно скрипящему паркету.

Но это еще не все. Кто-нибудь из вас заметил, что качающаяся дверь на кухню абсолютно бесшумна и вообще не скрипит?

— Да, — ответил Кортни, напрягая память. — Я помню, как отметил этот момент для себя.

— Итак, Хьюберт вошел в столовую и неплотно прикрыл за собой дверь. Громко хлопнула дверца буфета, эффектно зазвенело стекло. Затем бесшумно, как призрак, он проскользнул в кухню, а оттуда к черному ходу.

Он знал, что никто ему не попадется, поскольку миссис Проппер (разве для нас это стало неожиданностью?) всегда ложилась спать ровно в девять часов. Дальше. Выскочив из дома, Хьюберт бежит... Ну, что вы скажете? Вы сами и с той же целью, что и Хьюберт, достаточно быстро воспользовались данным подручным средством в воскресенье вечером.

Слова Кортни прозвучали в полной тишине.

— Приставная лестница, — сказал он.

— Правильно. Приставная лестница.

Видите ли, тупоголовые вы мои, вся эта болтовня о четырехфутовой клумбе с отсутствующими отпечатками и пылью на подоконнике гроша ломаного не стоит, черт возьми. Чего проще — ставишь лестницу на бетонную дорожку, опускаешь над клумбой и кладешь на внешний край подоконника.

Понимаете, все ваши предположения строились исходя из того, что кто-то должен был проникнуть в комнату через окно. Но, конечно, никто *через* окно в комнату не проникал. В этом не было необходимости.

Снова наступила тишина.

— Но ведь на все это нужно время! — запротестовал Шарплесс.

Г. М. мерзко хихикнул.

— Я ждал, что кто-нибудь из вас поднимет этот вопрос, и пришел сюда, — он поднял что-то в руке, — с секундомером. Вы, сынок, сейчас пойдете в столовую. Когда услышите сигнал «Пошел!», повторяете действия Хьюберта. Лестницу вы найдете снаружи. Приставьте ее к окну и просуньте голову внутрь.

Г. М. передал секундомер Кортни, когда Шарплесс вышел из комнаты.

— Засеките время, — проинструктировал он.

Невидимый Шарплесс крикнул, что он готов.

— Пошел! — громко скомандовал Кортни и нажал на кнопку секундомера.

Маленькая стрелка двинулась по кругу. В сумерках и при раздвинутых занавесках было видно, как в окне мелькнула лестница, а затем появилась голова Шарплесса. Кортни остановил секундомер.

— Похоже, с этим секундомером что-то не то, — сказал он. — Всего тринадцать секунд.

— Нет, сынок, с ним все в порядке. Теперь освободите середину комнаты и поставьте туда стол.

Все отодвинулись назад, когда Энн и Кортни вынесли круглый столик. Г. М. аккуратно положил на него резиновый кинжал.

— Теперь смотрите, — сказал он.

Из внутреннего кармана он достал плоский деревянный предмет, покрытый белой краской. От удивления все захлопали глазами, разглядывая сложенные вместе дощечки с ручками на конце.

— Но что это? — спросила Энн.

— Это пантографный захват, — сказал Г. М. — Вы, наверное, видели такие. Раньше они продавались у Вулворта в отделе игрушек, думаю, продаются и сейчас.

Он сжал ручки. То, что казалось набором узких дощечек, внезапно раздвинулось, и все увидели, что это была конструкция из свободно скрепленных между собой звеньев в виде ромбов. По мере того, как рукоятки сжимались, ромбы сплющивались, вытягиваясь вдоль, и приспособление становилось все длиннее и длиннее, — фут, два фута, шесть,

восемь, — превращаясь как бы в жесткую змею. Г. М. развел ручки в стороны, и конструкция вернулась к своей прежней, компактной форме.

— Впервые я подумал об этом маленьком джокере, — продолжил он, — в четверг, когда мы обсуждали трюк с булавкой — как проколоть руку и не почувствовать боли.

Пантографный захват используется фокусниками и, конечно, же на мошеннических спиритических сеансах, когда медиум-шарлатан может не сходя с места перемещать предметы в любой части комнаты — светящаяся призрачная рука, плавающая в воздухе, и тому подобное.

Я специально упомянул о пантографном захвате, беседуя с Мастерсом в воскресенье, в связи с этими спиритуалистами-иллюзионистами Дэвенпортами, чтобы посмотреть на его реакцию, но он никак не отреагировал.

И тогда — о Боже! — пантографы начали преследовать меня повсюду. Шпалеры в розарии здесь имеют форму пантографа. Целый лес пантографов! Хьюберт стоял в этом лесу и разговаривал с нами. Затем я сел за телефон в кабинете Эгню, и телефон там был на стальной раме, складывающейся и раскладывающейся по тому же принципу.

Меня преследуют, я преследую.

Один такой сделал для себя Хьюберт. На конце, смотрите, есть маленькая пружина, которая обеспечивает захват любого предмета при контакте с ним и крепко удерживает его.

Он прятался за окном, наблюдая через щель в занавесках. Когда миссис Фейн приказали застрелить мужа, и взгляды присутствующих в комнате сосредоточились на этой сцене, пантографный захват скользнул сквозь занавески за добычей.

Он вытянулся на двенадцать футов, схватил кинжал и вернулся назад. Добрый старый Хьюберт подложил настоящий кинжал, который едва ли тяжелее резинового, слегка закрепив на конце, чтобы прикосновение к столу высвободило его.

В тот момент, когда, отсчитав: «Один — два — три», Рич скомандовал миссис Фейн: «Стреляйте!», а собравшиеся не заметили бы под носом и стада слонов, пантографный захват сделал новую вылазку. Прикосновение выпустило кинжал на стол. Звук падения смягчила резиновая рукоятка, другие шорохи вы не услышали, поскольку отвлеклись на другой объект. Вот и все. Чтобы подменить кинжалы, по нашим с Мастерсом расчетам, потребовалось около десяти секунд.

Он повернулся к Шарплессу.

— А теперь, сынок, спускайтесь вниз. Отнесите лестницу в сарай и бегом сюда. Время пошло!

Маленькая стрелка неумолимо отщелкивала время. Все замерли.

Когда Шарплесс открыл дверь в холл, Кортни нажал на кнопку.

— Дольше, — сказал он. — Семнадцать секунд.

— Тринадцать плюс десять плюс семнадцать, — сонно протянул Г. М. — Сорок секунд. Меньше минуты. Но накинем в случае Хьюберта еще немного на подготовку и принятие решений, скажем, секунд двадцать. Итого ровно минута.

Вам это кажется слишком долгим? Вас удивляет, что Дейзи была готова поклясться, что Хьюберт заскочил в столовую лишь за тем, чтобы сделать глоток?

В общем, Хьюберту, как вы поняли, оставалось только открыть дверь и увидеть Артура Фейна, заколотого в кресле.

Г. М., насупившись, сложил пантографный захват и убрал его в нагрудный карман.

— Вот и конец этой грустной истории, дети мои. Две улики — резиновый кинжал и пантографный захват — были с ним. Кинжал он просто пихнул в диван, — как говорится, от греха подальше. Хотел ли он навсегда увековечить свой захват в полураздвинутом положении, скрепив гвоздями ромбы, и выставить самым наглым образом у всех на виду среди шпалер с розами... ну, не знаю. Но у меня есть смутная идея, что в этом был бы весь Хьюберт. Это апеллировало бы к его чувству юмора.

Они снова все сели.

— Это часть истории, — не удовлетворившись, заметила Энн, — но не все. Что случилось потом?

— Потом, — сказал Г. М. откидываясь назад, — все пошло как по маслу. Для нас, но не для него. В тот же вечер, после того, как его трюк состоялся, он получил чертовски тяжелый психологический удар.

У Рича вдруг разыгралась профессиональная страсть к исследованию глубинных эмоциональных процессов. Рич хотел знать, что скрывает миссис Фейн. Пока она находилась под гипнозом в своей спальне, Рич задавал вопросы. Ричу и другим свидетелям она рассказала об убийстве Полли Аллен.

— Но как Хьюберт мог узнать об этом? — спросил Кортни.

— Он слышал, как мы разговаривали, вот как! — рявкнул Г. М. — Вспомните, сынок. Где мы стояли, когда вы впервые рассказали мне обо всем, что подслушали на балконе?

Кортни задумался.

— Мы стояли напротив парадного входа, — ответил он, — в темноте.

— Да, и кто занимает другую спальню на этой стороне дома через холл от спальни миссис Фейн с таким же балконом, выходящим на переднюю лужайку?

— Хьюберт, — мгновенно сообразила Энн.

— Мы... мы перевели его туда после пятнадцатого июля, — одними губами сказала Вики.

— И еще, — добавила Энн, — мы с Филом видели, как его тень промелькнула в окне в тот вечер, когда тебе стало очень плохо.

— Все правильно, — согласился Г. М. — Когда мы стояли там, в темноте, мне тоже показалось, что какая-то тень заслонила свет над нашими головами, но тогда я не придавал этому значения. Большой нос Хьюберта высунулся подышать воздухом как раз в тот момент, когда Кортни рассказывал мне о Полли Аллен.

Хьюберта, кажется, припекло, и это еще мягко сказано. Копы не должны были даже слышать о Полли Аллен, но они услышали. Под давлением миссис Фейн почти наверняка созналась бы. Почему бы нет? Ее муж, который, как она полагала, был убийцей, мертв. Полиция начнет копать и свяжет Артура с ним. И вместо «нищего шантажиста»...

Поэтому Хьюберту ничего не оставалось, как заткнуть ей рот, прежде чем она сообщит полиции о Полли Аллен. До того времени — помните? — мы вообще не знали, что Хьюберт как-то причастен к этому делу.

Я подал ему светлую идею, будь он неладен. Я некоторым образом маньяк по части всякого рода стерилизации, вдобавок Кортни поднял шум, обвинив Рича, что он не простерилизовал булавку, когда прокалывал руку леди.

Это натолкнуло Хьюберта на мысль. Вот если бы миссис Фейн, бедняжка, умерла в результате несчастного случая, заразившись столбняком...

Он пошел в библиотеку и прочитал о столбняке в энциклопедии. Там говорится (вы можете проверить это, прочитав нужную статью), что симптомы столбняка такие же, как у отравления стрихнином.

— Значит, он все-таки использовал свой стрихнин.

Г. М. прервался и потянулся за потухшей сигарой.

— На следующий день, в четверг, миссис Фейн почувствовала бы себя ужасно больной и разбитой после того, что перенесла. В подобном состоянии она не стала бы есть ничего, кроме грейпфрута. Ему нужно было только взять небольшую щепотку яда и дожидаться подходящего момента.

Шарплесс перебил его.

— Но какого подходящего момента, сэр? Я принес ей этот чертов грейпфрут, и могу

поклониться...

— О, нет, сынок, не спешите с клятвами. Позвольте спросить вас, что было на подносе, который вы несли?

— Грейпфрут в стеклянной тарелке и ложка.

— Больше ничего?

— Ничего, кроме сахарницы.

— Правильно. Когда вы шли по холлу, Хьюберт, проходя мимо вас, остановился, не так ли?

— Только на долю секунды. Я не останавливался, я...

— Отлично. И что сказал Хьюберт? Он сказал: «Грейпфрут, да?» Так? И что он сделал при этом? Он протянул руку, указывая на грейпфрут.

— Да, но он не прикасался к грейпфруту.

— Ему и не нужно было. Пока вы автоматически провожали взглядом одну руку, вторая в это время совершила трюк, подсыпав стрихнин в сахарницу с сахарным песком.

Видите ли, миссис Проппер кладет не очень много сахара. Миссис Фейн, наоборот, любит послаще. К тому сахару, что был, она добавила сахар, смешанный со стрихнином, слишком большая доза которого спасла ей жизнь.

Тонкости его не волновали. Подбрасывая в спальню ржавую булавку, он совсем не ожидал, что у кого-то могли появиться мысли о стрихнине и немало удивился, когда позже узнал от нас, что это был не столбняк, а стрихнин.

В некотором роде Хьюберт оказался кретином, поскольку такой вывод напрашивался, и его жертва не умерла.

Я не буду описывать его душевное состояние вечером четверга, когда вы видели, как он, проходя мимо окна, хлопал в ладоши точно сумасшедший. Ему надо было как-то выплеснуться, поэтому я скромно умолчу о подробностях еще одного инцидента, устроенного им в тот же вечер. Я имею в виду историю с нападением на некую девушку в переулке за этим домом, — то, что его так долго сжигало, чего он так сильно жаждал, заставив подозревать себя с самого начала.

Кортни с подлокотника кресла посмотрел на Энн. Она стиснула руки и безучастно разглядывала их.

— Значит, это был Хьюберт? — вздохнула она.

— Да, моя девочка, — ответил Г. М. — и я допускаю, что вы знали об этом. Кортни спугнул его, иначе там могли быть серьезные проблемы. Какой приятный джентльмен. Дорогой старый джентльмен Хьюберт.

Г. М. шмыгнул носом.

— Итак, мы переходим к последнему акту.

В воскресенье днем Мастерс подошел ко мне с кучей отчетов. К тому времени я уже не сомневался, что нашим человеком был Хьюберт. Оставалось найти мотив.

Хьюберт, если вы помните, умолял нас не задавать миссис Фейн слишком много вопросов, когда мы собирались ее допрашивать, и я обещал, что мы этого не сделаем. Но... — Он взглянул на Вики. — Мы задали вам вопросы, и вы рассказали все — про Артура, Хьюберта и Полли Аллен. Дело, наконец, было завершено.

Однако, о мой глаз, это не успокаивало, поскольку впервые после болезни вы во всех смыслах оказались один на один с убийцей. И сиделка, которая дежурила в вашей спальне, в тот день была отпущена.

Вики вздрогнула.

И Кортни вспомнил выражение лица Г. М., вышедшего к ним после допроса Вики, когда они сидели под фруктовыми деревьями.

— Мастерс и я почувствовали, что мерзавец может повторить попытку. — Он повернулся к остальным. — Поэтому мы убедили девушку попросить Энн Браунинг остаться с ней на ночь. Но даже мы не могли предположить, что Хьюберт будет настолько сумасшедшим, что решится атаковать, несмотря на присутствие еще одного человека в комнате.

Мы запрыгали от радости, когда в ходе маленького неофициального обыска комнаты Хьюберта обнаружили тайник с порошком стрихнина, готовый спиртовой раствор и шприц. Не мудрствуя лукаво мы заменили стрихнин обыкновенной поваренной солью и удались восвояси.

Но и это было еще не все. Мы не могли позволить Хьюберту догадаться, что его обманули на случай, если он заявит, что порошок ему подбросили. Мы предупредили миссис Фейн ничего не рассказывать о нас на случай, если он будет спрашивать ее...

— Что он и сделал, — пробормотала Вики.

— Но в тот же вечер в деле по сути была поставлена точка, когда Эгню сообщил, что Хьюберта готов опознать продавец скобяной лавки в Глостере как человека, который купил у него кинжал. Тем не менее, последнее слово оставалось за Хьюбертом.

Даже с его тщеславием ему хватило ума осознать, что его *могут*, банально *могут* подозревать. Поэтому он придумал мифическое вторжение, колотил в водосточную трубу под окнами миссис Проппер и возился с окном, изображая из себя грабителя.

Затем он устроил грохот внизу, чтобы привлечь внимание Энн Браунинг и выманить ее из комнаты. Если бы она не вышла... ну, у меня мурашки начинают бегать по коже, как подумаю, что могло бы произойти. Пока ее не было, Хьюберт проскочил по лестнице наверх, вколол шприц спящей женщине, а после того, как она вернулась, снова нырнул вниз.

Теперь он мог позволить себе расслабиться. Он отсоединил звонок, исключив возможность любых визитов. Вы уже догадываетесь, что он сделал дальше? Он вошел в гостиную, выключил свет и сел. Он взял чрезвычайно тяжелый каменный опарник, поверхность которого не оставляет отпечатков пальцев, поднял его на вытянутых руках над головой и отпустил. В его жизни это будет самый идиотский поступок.

Доктор Рич прервал его.

— Минуточку, сэр Генри! Я не совсем понимаю вас. Все это время вы говорили о нем в прошедшем времени. Но в последней фразе вы сказали «в его жизни». Почему?

Г. М. огляделся вокруг.

— О, сынок, разве вам не сказали? Разве вы не знаете?

— О чем я должен знать?

— Хьюберт скончался от сотрясения мозга в понедельник утром.

Рич присвистнул:

— Неужели настолько смертельный удар?

— Для обычного человека — нет. Но разве вы, как медик, не обратили внимания на его голову? Эти височные впадины? Формирование костей? Он один из тех людей, у кого череп не толще яичной скорлупы. То, что этот удар, который отправил бы нас с вами всего лишь в нокаут, мог убить его, он не знал. И со всей наивностью в доказательство того, что стал жертвой нападения *настоящего* грабителя, он поднимает высоко над головой кусок камня и... убивает себя. Кстати, хорошо, что так все закончилось, прежде всего для всех вас.

— Вы имеете в виду, — пробормотал Шарплесс и опустил глаза, — скандал?

— Да, скандал. Полагаю, вы и мадам все еще собираетесь пожениться?

— Мы собираемся! — неуклюже зарычал Шарплесс и взял руку сияющей Вики. — Мы собираемся?..

— Ну, сынок, если бы Хьюберт Фейн предстал перед судом, то вся выплеснувшаяся грязь на какое-то время приковала бы к себе внимание газет (и вашего старика, и Военного управления тоже). Уж он бы постарался. Хотя...

— Хотя?

— Они уже пронюхали, что Артура Фейна убил его покойный дядюшка, который, по большому счету, был законченным психом. Так что еще наслушаетесь. Поэтому не особенно спешите с этим делом и все будет хорошо.

Уголки рта Г. М. опустились вниз. Он бросил сигару в камин. Ощущение, что весь мир тайно противостоит ему, угнетало его и причиняло боль.

— Это вечная проблема, — посетовал он. — Возьмите меня. Я работаю над книгой, важным с точки зрения политики и социологии документом. Я закончил ее? Нет! Я закончу ее когда-нибудь?

— Да, — сказал Кортни.

— Нет! — яростно возразил Г. М. — А почему? Я вам скажу, — потому что всю эту неделю, целых семь дней, человек, который должен был ее записывать, только тем и занимался, что слонялся без дела и тискался с этой девушкой, которая теперь сидит у его ног в прямом и переносном смысле, ибо...

Напомним, Фил Кортни был в ладу со всем миром. Он потянулся и обнял Энн, которая прижалась к нему.

— Это гнусная ложь! — возразила Энн, краснея.

— Вот как?

— Да, но завтра вечером он свободен, если вы не против прогуляться вместе и зачитать что-нибудь из будущей книги.

— Ну, — усмехнулся Шарплесс, — удачи тебе, старик. И вам тоже, Энн.

— И всего такого, — подхватила Вики.

— Разрешите и мне, — сказал доктор Рич, — присоединиться к поздравлениям. Все же этот мир не такой уж и безнадежный, каким я его себе представлял две недели назад, несмотря на Хьюберта Фейна и все его черные дела. Благодаря сэру Генри, я думаю, недалеко то время, когда...

— Спасибо, — сказал Кортни.

— Куча благодарностей всем, — сказала Энн.

— Господи! — по-шотландски сурово и неумолимо сказал доктор Нитсдейл.

Итак, если бы вы чудесным сентябрьским вечером оказались в не менее чудесном городке Челтнем, вы могли бы наблюдать трех человек, шагающих в ногу по Фицгерберта-авеню навстречу прохладному воздуху сумерек.

В середине шла блондинка, сбоку от нее пристроился сосредоточенный молодой человек, который, держа блокнот в одной руке, другой пытался стенографировать на ходу. Величественная фигура в белом фланелевом костюме и соломенной шляпе с высокой тульей вырвалась чуть вперед. Необычный голос этой фигуры взмывал вверх и отражался от вязов.

— «Я вспоминаю, как однажды, на пороге своего шестнадцатилетия, я оказался на верхней сцене⁵⁰ лектория святого Юста в тот момент, когда преподобный доктор Септимиус Вустер читал внизу мальчикам лекцию о Палестине.

50. Часть сценической коробки, находящаяся выше зеркала сцены и ограниченная сверху колосниковой решеткой. Она оборудована рабочими галереями и переходными мостиками, служит для размещения навесных декораций, приборов верхнего освещения, различных сценических механизмов.

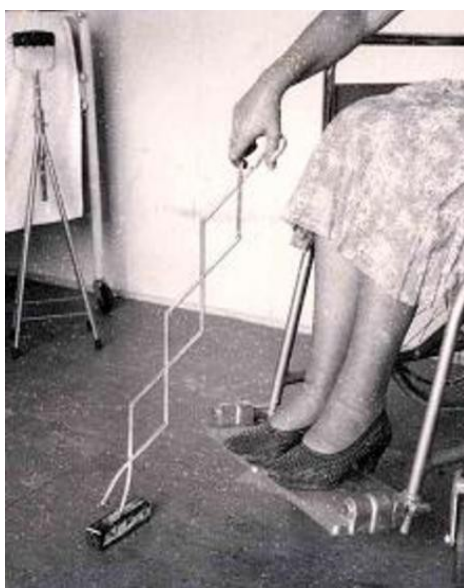
И там, на портальной арке, со стороны, обращенной к залу, помню, были две маленькие невидимые дверки, открывающиеся как дверцы шкафа. И вот когда доктор Вустер рассказывал о Палестине, не знаю, какой черт меня дернул, но я высунулся из этих дверок, прокуковал: «Ку-ку! Ку-ку!» и быстро захлопнул их.

Это не могло не напомнить мне один случай, когда я исхитрился добраться до своего дяди, Джорджа Байрона Мерривейла, которого посадили в местную тюрьму за браконьерство. Сейчас я расскажу читателям, как я это сделал...»

Тишина и покой опускались на землю. В дремотном воздухе еще слышался одинокий голос, но и он вскоре исчез.

Конец

Рис. 1. Применение пантографного захвата

Пантографный захват действует по принципу пантографа — универсального механизма в виде шарнирного многосвязника-ромба, обеспечивающего перемещение удерживаемого предмета в различных направлениях.